

XX ВЕКА

А. С. Ахманов

**ЛОГИЧЕСКОЕ
УЧЕНИЕ
АРИСТОТЕЛЯ**

ИЗ ИСТОРИИ ЛОГИКИ

УРСС

А.С. Ахманов

ЛОГИЧЕСКОЕ
УЧЕНИЕ
АРИСТОТЕЛЯ

Издание второе,
стереотипное

УРСС
Москва • 2002

ББК 87.3(0), 87.4

Редакционная коллегия серии:

Бирюков Борис Владимирович,
Воронов Вячеслав Александрович,
Грифолов Ирина Николаевна,
Карпенко Александр Степанович,
Садковский Валентин Николаевич

Ахманов Александр Сергеевич

Логическое учение Аристотеля. Изд. 2-е, стереотипное.
М.: Издательство УРСС, 2002. — 312 с. (Из истории логики XX века.)

ISBN 5-354-00044-0

Эта книга — плод многолетней работы известного отечественного ученого-логика А. С. Ахманова (1893-1957). Автор исследует в ней весь комплекс логических проблем, разработанных Аристотелем, и делает вывод, что логическое учение великого Стagirита является наукой не о сущем, а о познании сущего, и — в противоположность формалистическим течениям в логике — наукой о средствах установления истины, то есть соотношения мысли действительности, а не только о средствах согласия рассужда с самим собой. Логика Аристотеля связана не только с наукой о началах сущего (с «первой философией»), но в не меньшей мере и с частными науками о сущем — с математикой, естественнонаучным и с общественными науками, в частности с этикой и политикой.

Книга может быть рекомендована всем интересующимся историей логики, вопросам онтологии и титосологии.

Издательство «Литература УРСС», 117312, г. Москва, пр-т 60-летия Октября, д. 9.
Дипломат ИД № 05175 от 25.06.2001 г. Подписано к печати 15.04.2002 г.
Формат 60/84/16. Тираж 400 экз. Печ. д. 19,5.

Отпечатано в ООО «Атлас», Московская обл., г. Ногинск, ул. Гоголева, 12.

УРСС

ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАУЧНОЙ И УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Е-ссылка: info@urss.ru
Каталог изданий
в Internet: <http://urss.ru>
Тел./факс: 7 (095) 135-44-23
Тел./факс: 7 (095) 135-42-48

ISBN 5-354-00044-0

© Оригинал:

А. С. Ахманов, 2002.

© Издательство УРСС, 2002

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПЕРВЫЕ ЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

§ 1. ЗАРОЖДЕНИЕ ЛОГИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ УСЛОВИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ НАУКИ И ЕЕ ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ

Логическая проблематика и тем более логика как наука не могли возникнуть раньше, чем само мышление стало предметом познания, а оно могло стать предметом мысли и познания только в сопоставлении с тем, что противостоит ему как мыслимое, т. е. в сопоставлении с бытием. Это сопоставление мышления и бытия вместе с тем означало и постановку вопроса об их связи и определяющем значении того или другого, о природе познания и истине. Однако постановка вопроса о соотношении мышления и бытия, свидетельствуя о наличии философской проблематики, еще не означает зарождения логической проблематики в собственном смысле слова и тем более — науки логики. Логическая проблематика возникает тогда, когда ставится вопрос о том, каким условиям должно удовлетворять

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЛОГИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ АРИСТОТЕЛЯ

первой главе XI книги «Метафизики» Аристотель, возвращаясь к определенно теоретической «науке о началах»¹, отличает ее от той науки, «которая рассматривает вопрос относительно доказательства и науки (как таковой)»². Слова, приведенные в кавычках, можно принять за Аристотелево определение той науки, которая в настоящее время называется логикой, но которая самим Аристотелем так не называлась и даже не нашла определенного места в его классификации наук. Разделяя в VI книге «Метафизики» все науки на: 1) теоретические, 2) практические (направленные на деятельность человека) и 3) поэти-

¹ «Метафизика», кн. I—II—VI.
² «Метафизика» XI, 1, 1059 b 18—19.

ческие (о творчестве)¹, Аристотель науку о доказательстве не включает ни в одну из этих трех групп. Это было, очевидно, не случайно, и перипатетики впоследствии стали считать логику не частью философии, а орудием философского знания. Поэтому логические сочинения и были объединены под общим названием «Органона», основанное к чему находили в том месте «Топики», где говорится о значении диалектических проблем как средств познания².

Следует отметить, что в «Топике» Аристотель наряду с этическими и физическими проблемами и положениями указывает логические (λογικά), например вопрос о том, изучает ли противоположности одна и та же наука³. Однако, как это видно из той же «Топики»⁴, а особенно из «Второй Аналитики»⁵, логическими, или диалектическими, положениями и умозаключениями (по терминологии Аристотеля это одно и то же) он называет такие, которые содержат не достоверное, а лишь вероятное знание. Им противопоставляются доказывающие положения и умозаключения, которые составляют предмет науки о доказательстве и о науке.

В диалектических, иначе говоря, логических, рассуждениях исходят из вероятных посылок, т. е. из таких, которые кажутся всем, большинству или мудрецам истинными без аналитического исследования тех оснований, на которых эти посылки принимают за истинные.

Хотя диалектические рассуждения и строятся по определенным законам и правилам, которые мы называем теперь правилами логики, но в силу вероятности посылок они не ведут с необходимостью к истине, которую Аристотель определяет как соответствующие действительности. Поэтому такие рассуждения можно назвать, с точки зрения Аристотеля, недоказывающими. Напротив, доказывающие рассуждения, вытекающая из необходимо истинных положений и будучи построены по тем же правилам, в силу необходимой истинности исходных положений и соблюдения правил рассуждения имеют своим результатом необходимым истину. Диалектические рассуждения исследуются Аристотелем

¹ «Метафизика» VI, 1, 1025 b 21—25; 1026 a 29—32.

² «Топика» I, 11, 104 b 1—3.

³ «Топика» I, 12, 105 b 23—24.

⁴ «Топика» VII, 12, 162 b 27.

⁵ «Вторая Аналитика» I, 21, 82 b 35; I, 22, 84 a 7—8; II, 8, 93 a 14—15.

в «Топике», посвященной «местам» (τόποι) или приемам разработки различных вопросов или тем. Доказывающие, или аналитические, рассуждения исследуются в «Первой» и «Второй Аналитике», являющихся основными логическими трактатами Аристотеля.

Возможно, что, называя недоказывающие рассуждения «слогическими», т. е. словесными (λογικός — относящийся к слову, словесный), Аристотель хотел подчеркнуть, что в таких рассуждениях собеседники, исходя не из установленных необходимых истин, а лишь из положений, принятых по вероятности за истинные, принуждаются в силу необходимости логического следования или принимать за истинные другие положения, хотя на самом деле они могут оказаться ложными (истина их случайна, а не необходима), или при несогласии с выводами считать ложными исходные положения. Принятие каких-либо исходных положений за истинные без аналитического исследования их истинности делает все рассуждение гипотетическим, условным. Средством проверки его становится согласие или несогласие собеседников с результатами рассуждения, так что несогласие порождает противоречие с исходными положениями, заставляя искать новые исходные положения и из них выводить новые следствия. Движущей силой таких рассуждений является установление противоречий и преодоление их. Образцы такой диалектики в изобилии имеются в так называемых сократических диалогах Платона, и очень может быть, что именно приемы, или техника, рассуждений, практиковавшиеся в школе Платона, имелись в виду в «Топике» Аристотеля.

Как было указано выше, до нас дошли шесть логических сочинений Аристотеля, объединенных под названием «Органон». Однако следует отметить, что элементы логической теории содержатся и в других его сочинениях, а именно: 1) в «Метафизике», 2) в «Физике», 3) в трех книгах «О Душе» и 4) в «Риторике».

Существенным вопросом, касающимся книг, входящих в состав «Органона», является вопрос об их хронологии.

¹ «Категории» и «Метафизику» мы в настоящей работе цитируем по переводу А. В. Куликовского, «Физику» — по переводу В. П. Карпова, а книгу «О душе» — по переводу П. С. Попова, внося в переводы в отдельных случаях некоторые, на наш взгляд, необходимые поправки, преимущественно терминологического характера.

Если философскую деятельность Аристотеля делить на три периода: первый — со времени вступления Аристотеля в Академию Платона и до смерти Платона (347 г.), второй — со смерти Платона до возвращения Аристотеля в Афины в 335 г. до н. э. и третий — с 335 до 322 г., даты смерти Аристотеля, то часть сочинений, включенных в «Органон», следует, по-видимому, отнести к последним годам пребывания Аристотеля в Академии Платона (некоторые книги «Топики»), а часть («Аналитики») — к более позднему и, может быть, даже к третьему периоду, когда у Аристотеля вполне сложились свое решение проблемы общего и единичного и накопились большой опыт исследовательской работы.

Из числа сочинений «Органона» не вызывают сомнения в подлинности «Первая Аналитика», «Вторая Аналитика», «Топика» и книга «О софистических опровержениях». Принадлежность же Аристотелю «Категорий» и книги «Об истолковании», на которую нет ссылок в других его сочинениях, не раз возбуждала сомнения. В подлинности «Категорий» сомневается Прантль¹, хотя он признает, что, за исключением учения о шести видах движения (гл. 14), содержание «Категорий» не противоречит другим произведениям Аристотеля. Наибольшим сомнением подвергается подлинность 10—15 глав «Категорий» о вторичных сказуемых (postgradicamenta)². Еще Андроник Родосский, издатель сочинений Аристотеля в I в. до н. э., считал эти главы «Категорий» позднейшим добавлением к трактату. Андроник отрицал также подлинность книги «Об истолковании», но на подлинности этого сочинения настаивал знаменитый комментатор Аристотеля — Александр Афродисийский (II—III вв. н. э.) Во всяком случае, можно считать несомненным, что учения, изложенные в сочинениях «Категорий» и «Об истолковании», даже если бы эти книги были написаны не Аристотелем, принадлежат Аристотелю.

Существенным и спорным является занимавший уже античных комментаторов вопрос о хронологическом порядке обеих «Аналитик» и «Топики». Утверждая, что

¹ C. Prantl, Geschichte der Logik im Abendlande, Bd. I, S. 90.

² F. Ueberweg, Grundriss der Geschichte der Philosophie, I. Teil, Berlin, 1926, S. 366.

«Топика» более ранняя работа, чем «Аналитики», переводчик Аристотеля Росс¹ ссылается на то, что, во-первых, «Топика», посвященная исследованию диалектических рас- суждений, стоит ближе к Платонову методу мышления; во- вторых, вопросы аргументации разработаны в ней значи- тельно слабее, чем в «Аналитиках»; в-третьих, термин «силлогизм» употребляется вообще, а не в более узком, тех- ническом смысле, который он приобрел в «Первой Аналити- ке». Доводы, приведенные Россом, достаточно убедительны. Можно добавить, что уже в первой главе I книги «Пер- вой Аналитики» содержится ссылка на «Топику» как на трактат, где разобраны диалектические умозаключения.² Однако в VIII книге «Топики» и в сочинении «О софистиче- ских опровержениях»³ есть ссылки на сведения, данные в «Аналитиках»⁴. Эти ссылки вряд ли можно считать позд- нейшими вставками, а поэтому VIII книгу «Топики» и со- чинение «О софистических опровержениях» следует при- знать написанными после первой и второй «Аналитики», что не исключает возможности написания остальных семи книг «Топики» ранее «Аналитики».

Что касается первой и второй «Аналитики» Аристотеля, то в них мы находим взаимные ссылки одной на другую. Это объясняется, очевидно, тем, что ряд ссылок относится к позднейшим вставкам. Однако среди ссылок есть и такие, которые служат достаточным доказательством того, что «Первая Аналитика» написана раньше «Второй Анали- тики». Детальный анализ ссылок дан Россом в указанной выше статье⁵. Внимательное исследование ссылок «Второй Аналитики» показывает, что «Вторая Аналитика» предпо- лагает установленными три фигуры силлогизма и их пра- вильно определенное построение, определение среднего и край- них терминов силлогизма, что дано именно в «Первой Ана- литике»⁶.

¹ W. D. Ross, The Discovery of the Syllogism, «The Philosophical Review», May 1939, p. 251.

² «Первая Аналитика» I, 1, 24 b 12.

³ «Топика» VIII, 11, 162 a 9—11 и гл. 13; «О софистических опровержениях», 2, 165 b 9.

⁴ W. D. Ross, The Discovery of the Syllogism, «The Philosophical Review», May 1939, p. 255.

⁵ «Вторая Аналитика» I, 3, 73 a 14, 25, 86 b 10.

Бохенский в своей книге по истории формальной ло- гики¹ предлагает пять содержательных критериев для установления хронологии частей «Органона»: 1) считать все сочинения, в которых не встречается силлогизм в смысле «Первой Аналитики» (Бохенский называет его «аналитиче- ским силлогизмом»), более ранними в отношении тех, где этот силлогизм встречается; 2) считать более ранними сочинения, в которых не употребляются логические пере- менные (буквы A, B, Γ и др.), если по содержанию они были бы там необходимы; 3) чем выше и более формальна техника анализа и доказательства, тем позднее написано произведение Аристотеля; 4) считать более поздними те сочинения, в которых встречается модальная логика; 5) различать, где возможно, отдельные стадии в пределах указанных критериев; так, например, буквы употреблялись Аристотелем первоначально для сокращения слов, а потом в качестве настоящих логических переменных.

Конечно, признать все эти критерии вполне надежными довольно трудно. Вовсе не исключена, например, возмож- ность, что после разработки вопросов модальной логики в трактате «Об истолковании» и в I книге «Первой Анали- тики» Аристотель снова возвращался к асерторическому суждению и силлогизму.

Опираясь на указанные критерии, Бохенский пытается установить следующую хронологию сочинений Аристотеля: 1) самые ранние произведения, содержащие «Первую ло- гiku Аристотеля»: «Топика», «О софистических опроверже- ниях», «Категории» (подлинность последних должна быть еще доказана). 2) За ними следуют: «Об истолковании» и II книга «Второй Аналитики». Здесь изложена логи- стика Аристотеля в становлении. 3) I книга «Первой Ана- литики», за исключением глав 8—22, и, может быть, I книга «Второй Аналитики»: в этот период создается «Вторая ло- гика Аристотеля». 4) Наконец, главы 8—22 I книги «Первой Аналитики» (модальная силлогистика) и II книга «Первой Аналитики» содержат «Третью логику Аристотеля» и должны быть отнесены к более позднему периоду.

Такое распределение логических трактатов Аристотеля соотносится своей систематичностью, но, конечно, не может считаться достоверным.

¹ J. M. Bochenski, Formale Logik, Freiburg/München, 1956, S. 49—50.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ОСНОВНЫЕ ИДЕИ И ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛОГИКИ АРИСТОТЕЛЯ

как было сказано в предыдущей главе, логическими, или диалектическими, называл умозаключения, содержащиеся в трактате Аристотеля одну лишь «Топику». Если же признавать основным логическим трактатом Аристотеля первую и вторую «Аналитики», в которых выделяются для исследования и символизированы логические формы, так и теорию доказательств. Аристотель видел свою задачу главным образом в том, что он открыл силлогизм. «Для силлогизма я не нашел никаких предварительных работ, но должен был сам создать

2. большими затратами времени и сил», — пишет он в трактате «О софистических опровержениях»¹. Для Аристотеля, как это видно из «Аналитики», силлогизм есть прежде всего средство доказывания объективной истины, а не только центральная проблема Аристотелевой логики является проблема доказывания истины.

В связи с этим следует остановиться на понятиях аподектики и диалектики, истинны и лжи, необходимо истинного и вероятно истинного.

Аподектику (доказательство) Аристотель противопоставляет диалектике и эристике, или софистике, различая аподиктические, диалектические и эристические (софистические) умозаключения. Это различие исследуется в «Топике», посвященной диалектическим рассуждениям, в сочинении «О софистических опровержениях», посвященном софистике, и в «Первой Аналитике», посвященной аподиктическим умозаключениям.

В «Топике» Аристотель, определив умозаключение (*συλλογισμός*) как такую речь (*λόγος*), в которой если даны известные положения, то из них с необходимостью вытекает нечто иное, чем эти положения², различает три вида умозаключений:

1) аподиктическое умозаключение, которое образуется из первых истинных общих положений или из таких, которые покоятся на знании, выведенном из первых истинных положений;

2) диалектическое, которое образуется из вероятных (*ἐνδεχόμενα*) положений, т. е. таких, которые кажутся всем, большинству или мудрым заслуживающими доверия, и

3) эристическое (создаваемое в целях спора), иначе говоря, софистическое³, которое образуется из мнимо вероятных посылок, в действительности не заслуживающих доверия, или из посылок, заслуживающих доверия, но с выводом мнимым, из них не вытекающим. В последнем случае эристическое умозаключение является мнимым.

В «Первой Аналитике»⁴ аподиктической посылкой называется та, в которой в качестве истинного установлен

¹ «О софистических опровержениях», 32, 184 б 1—3.

² «Топика» I, 1, 100 а 25—27 и сл.

³ «Топика» VIII, 11, 162 а 16—17.

⁴ «Первая Аналитика» I, 1, 24 а 22—30.

одни из членов противоречия и которая выведена из первых истинных начал. Диалектическая же послылка оставляет вопрос об истинности открытым: в ней не установлена необходимость истинности одного из членов противоречия, она выражает лишь вероятность истины.

Будучи наукой о доказательствах, т. е. о средствах установления истины и притом истины не вероятной, а необходимой, логика Аристотеля основана на объективном различении истины и лжи. Истина понимается Аристотелем отрицательно — как соответствие утверждения или отрицания действительности, независимой от сознания, бытия бытию, действительности.

«Что же касается сущего в смысле истины (*ἀληθές*) и не-сущего в смысле лжи (*ψευδές*), — говорит Аристотель в VI книге «Метафизики», — то < надо отметить, что > и то и другое стоит в зависимости от соединения и разделения, а если взять истину и ложь вместе, тогда взаимно противоположные суждения распределяются между ними; в самом деле, истина имеет место в том случае, когда утверждение относится к соединенному (бытию), отрицание — к раздельному; а при неправде дается распределение, противоречащее этому»¹. При этом Аристотель подчеркивает, что «ложь и истина не находятся в вещах так, чтобы было, например, было истиной, а зло — непосредственно ложью, но в размышлении»².

Таким образом, для Аристотеля истина есть факт не онтологический, не то или иное состояние бытия, а факт гносеологический, факт соответствия мысли бытию, стоящий в противоречии ко лжи (к несоответствию мысли бытию). Такое же различение истины и лжи дается и в IX книге «Метафизики»: «Это последнее бытие [в смысле истины и лжи], если подходить со стороны вещей, стоит в зависимости от соединения или разделения, так что прав тот, кто считает раздельное раздельным и соединенное соединенным, а в заблуждении тот, мнение которого противоположно действительным обстоятельствам... Надо иметь в виду — не потому ты бел, что ты правильно считаешь тебя белым, а (наоборот) — потому, что ты бел, мы, утверждающие это, правы»³.

¹ «Метафизика» VI, 4, 1027 b 18—23.

² «Метафизика» VI, 4, 1027 b 25—27.

³ «Метафизика» IX, 10, 1051 b 1—9.

Наконец, и в 5 главе «Категорий», где принимаемые в мышлении противоположности допускаются в качестве истинных лишь в той мере, в какой они отражают противоположности бытия, находим то же понимание истины как соответствия бытию: «Поэтому допускать противоположные определения в зависимости от собственной перемены — это составляет отличное свойство сущности, если учитывать способ, (при котором они имеют место). Если же кто-нибудь признал бы также, что речь и мнение допускают противоположные определения, то это (будет) неверно. Речи и мнению приписывается способность допускать противоположные определения не потому, что они сами допускают что-нибудь, но потому, что в чем-то другом переменялось состояние: в зависимости от того, имеет ли место или нет (указываемый) факт, через это называется истинной или ложной сама речь, а не в зависимости от того, что они сами допускают противоположные определения; в самом деле, ни речь, ни мнение непосредственно нисколько и ничем не приводятся в движение. Поэтому ввиду отсутствия в них какого-либо изменения они не способны принимать противоположные определения. Между тем сущность признается способною принимать такие определения, поскольку она эти определения принимает сама: она принимает болезнью и здоровьем, белым и черным цвет, принимая сама каждое из таких определений, она признается допускающей противоположные определения. Поэтому отличным свойством сущности является то обстоятельство, что, будучи той же самой и единой по числу, она допускает противоположные определения через изменение ее самой»¹. Приведенный отрывок интересен в двух отношениях: как выражение материалистического понимания истины, в чем он сходен с двумя приведенными выше отрывками из «Метафизики», и как один из примеров тех «живых зачатков и запросов диалектики»², которые, как отмечал В. И. Ленин, характерны для Аристотеля. А именно, во-первых, здесь, как и всюду, для Аристотеля нет сомнения в познаваемости независимой от сознания действительности; во-вторых, Аристотель в противоположность метафизикам-элеатам не только не изгоняет противоположностей из действительности, но считает, что они побуждают мысль к исследованию и что

¹ «Категории», 5, 4 b 2—18.

² В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 366.

сказавшие мысли противоположностям, следовательно, в бытии, есть условие истины. Поскольку доказательство есть решение вопроса об истинности или ложности положений, то это решение истинности или ложности положений не на субъективных, а на объективных, независимых от субъекта основаниях. Установить в доказательстве истину или ложь какого-либо положения — это значит привести такие независимые от субъекта, объективные основания, в силу которых отрицание установленного истинности становится бы необходимым, а тем самым установление истинности действительности устанавливается необходимым образом, то мы имеем дело с доказательством в собственном смысле слова — с аподиктикой. Если же это соответствие мысли действительности устанавливается только как вероятное, т. е. допускающее отрицание, то, хотя бы оно с необходимостью вытекало из вероятных посылок, мы имеем дело с диалектикой. И если, наконец, установление имеет только видимость вероятного, не будучи таковым в действительности вследствие мнимой вероятности посылок или вследствие мнимости вывода из посылок (вследствие отсутствия необходимости в выводе), то мы имеем дело с эристической, или софистической.

Необходимость вообще Аристотель определяет как то, что не может быть иначе¹, и как противоречие возможности, т. е. тому, что может быть иначе². Отсюда, применительно к мыслям, необходимость истинны есть невозможность оказаться иной, т. е. ложью, и, наоборот, необходимость ложности есть невозможность оказаться истинной.

Очевидно, что устанавливаемая в доказательстве необходимость соответствия мысли действительности требует выполнения двух условий: во-первых, чтобы положения, истинные, и, во-вторых, чтобы из них также с необходимостью следовало доказываемое положение. А это в свою очередь предполагает объективность исходных положений доказательства, а также наличие объективных, независимых от субъекта связей мыслей. В противном случае доверие одной мысли из другой, т. е. объективность связей

¹ «Метафизика» V, 5, 1015 б 7—8.
² «Об истинности», 12 б 24—25.

мыслей, изучается в «Первой Аналитике», а необходимость истинности исходных положений доказательства — во «Второй Аналитике».

Вот как Аристотель определяет в «Метафизике» необходимость доказательства. «Далее, к числу необходимого принадлежит доказательство, так как если что-нибудь доказано в безусловной форме, то иначе уж дело обстоять не может, и причиной этого являются исходные положения, а именно (доказанное неизменно), если невозможны изменения в отношении тех посылок, из которых образуются силлогизмы»¹. В I книге «Второй Аналитики» Аристотель также определяет доказательство как силлогизм из необходимых посылок². Условием доказательства, таким образом, является необходимость соответствия действительности тех посылок, из которых исходит доказательство. Необходимость же следования из исходных положений того, что доказывается, составляет сущность умозаключения, универсальной формой которого, по мнению Аристотеля, является силлогизм в двух его видах: силлогизм через средний термин и индуктивный силлогизм, как это видно из определений умозаключения, данных в «Топике»³, в «Первой Аналитике»⁴ и в сочинении «О софистических опровержениях»⁵.

Установив необходимость в мышлении как то, что не зависит от субъекта и иначе быть не может, Аристотель мог считать, что тем самым он нашел принципы научного знания в противоположность субъективной диалектике и софистике разнообразных современных ему школ. Поэтому сам Аристотель дал основание называть созданную им науку о доказательствах и о науке «органон» (орудие) знания.

Эта убежденность в доступности человеку объективной истины и в наличии у него средств ее установления — одна из предпосылок логики Аристотеля, с которой непосредственно связано понимание форм мыслей не как продуктов субъективного произвола и не как априорных форм сознания (в которых если и есть необходимость, то необходимость лишь субъективная), а как независимых от сознания

¹ «Метафизика» V, 5, 1015 б 7—9.
² «Вторая Аналитика» I, 4, 73 а 24.
³ «Топика» I, 1, 100 а 25—27.
⁴ «Первая Аналитика» I, 1, 24 б 18—26; II, 23, 68 б 31—32.
⁵ «О софистических опровержениях», I, 165 а 1—3.

связей, т. е. как объективных связей бытия. Иначе вывод, хотя бы он и возник из истинных посылок, не мог бы считаться необходимым образом совпадающим с действительностью, т. е. не мог бы считаться истинным в силу необходимости, и доказательство, в Аристотелевом понимании, оказывалось бы невозможным. Правда, вследствие созерцательности греческой философии, в частности философии Аристотеля, и игнорирования практики как основы и критерия знания Аристотель не пошел далее констатирования необходимости, не объясняя ее, и тем самым открывал возможность нападков на свою логику со стороны скептиков эллинистического и римского периодов, а впоследствии эллинистического и теоретиков опытного знания. со стороны представителей и теоретиков понимания сущности до-Приведенное выше Аристотелем понимание сущности до-казательства дает нам право характеризовать логику Аристотеля как объективную. В. И. Ленин в своем комментарии «Метафизики» указывал: «У Аристотеля *везде* объективная логика *смешивается* с субъективной и так притом, что *везде* *и* *она* объективна. Нет сомнения в объективности познания. Навязная вера в силу разума, в силу, мощь, объективную истинность познания»¹.

Объективизм — не только основа учения Аристотеля о доказательстве, но и характерная черта его анализа отдельных логических форм, которые он всегда старается поименовать из связей бытия. В самом деле, по Аристотелю, аподиктический (доказывающий) силлогизм есть установление истинности сказывания чего-то о вещи или о многих вещах через знание объективной причины той или иной определенности вещи, благодаря чему средний и крайний термины в силлогизме отражают или причину, или следствие, или носителя причины и следствия. Определение, по Аристотелю, есть речь о сути бытия определяемого предмета, и поэтому в состав знания принимаются только реальные определения. Индукция, по Аристотелю, — это та же силлогическая связь, но в обратном порядке: это не вывод через знание причины или следствия, а вывод о причине и следствии через знание носителей причины и следствия. Категории для Аристотеля — это не только высшие роды значимых слов, но вместе с тем и высшие роды бытия. Преледикация, т. е. виды связей сказуемого с подлежащим

¹ В. И. Ленин, *Соч.*, т. 38, стр. 366.

(в традиционной логике их часто называют видами признаков), — это виды определенностей предметов: нечто может быть присуще вещи 1) как ее род, или 2) как ее определение, или 3) как то, что принадлежит исключительно ей, но не составляет ее определения (собственное), или 4) как побочное (случайное) для нее. Наконец, само суждение, определяемое как утверждение или отрицание чего-то о чем-то, рассматривается как истинное или ложное отражение в сознании имеющейся в действительности связи — соединения или разъединения (присущности или неприсущности). Если логическое по способу существования относится к психическому и словесному и в этом смысле субъективно, то, согласно Аристотелю, оно по своему происхождению и сущности вместе с тем относится к бытию, как мыслимый строй вещей к реальному строю вещей. Правда, последовательность знаний не совпадает с последовательностью в бытии: по Аристотелю, если первое по природе (*πρῶτον φύσις*) есть общее, ибо оно определяет единичное, то первое для познания или, иначе говоря, для нас (*πρῶτον πρὸς ἡμᾶς*) есть единичное, ибо общее познается только через единичное. Однако осуществляется ли познание в направлении от общего к единичному (в силлогизме) или от единичного к общему (в индукции), связь между общим и единичным, определяющим и определяемым остается одной и той же. Субъективны лишь путь и последовательность доказывания или рассуждения, сама же связь определяющего и определяемого объективна. Вот почему средний и крайний термины по природе не всегда совпадают в трех фигурах со средним и крайними терминами по их логической функции.

Таким образом, отличительной чертой логики Аристотеля является понимание связи элементов мысли и самих мыслей из связей бытия, и это дает право характеризовать логику Аристотеля как онтологическую, что, однако, не означает, что Аристотель подменил, подобно Пармениду или Платону, логическую теорию метафизической и что логика Аристотеля была метафизикой в современном смысле этого слова. Такой именно идеалистической метафизикой она оказалась бы, если бы истолковывала бытие, исходя из неподвижных форм мыслей, а не наоборот, — формы мыслей из связей бытия. Метафизическим является, правда, учение Аристотеля о неизменных вневременных формах

сущего и о материи как чистой возможности (что относится уже к его первой философии, а не к его науке о доказательстве). Однако для логики Аристотеля более характерны объективизм, попытки понять формы и законы мышления из связей бытия и в их взаимной связи. В. И. Ленин в своем комментарии «Метафизики» Аристотеля писал: «Прехарактерно вообще везде, *passim*, живые зачатки и запросы диалектики... Логика Аристотеля есть запрос, искание, подход к логике Гегеля, — а из нее, из логики Аристотеля, *о диалектике*, на каждом шагу ставит вопрос и *менно* ход к логике Гегеля, — а из нее, из логики Аристотеля, бросив все поиски, колебания, приемы постановки вопросов. Именно приемы постановки вопросов, как бы *пробные* системы были у греков, наивная разносторонность, отражаясь пресохлоуно у Аристотеля»¹.

Иногда говорят о метафизичности логики Аристотеля в том смысле, что она принципиально связана с «первой философией» Аристотеля, получившей название «Метафизики», и связана двояким образом: не только как орудие, как средство, обоснования положений первой философии, но и как наука, имеющая общие принципы с первой философией².

Логика Аристотеля есть наука не о сущем, а о познании сущего и — в противоположность формалистическим теориям в логике — наука о средствах установления истин, т. е. соответствия мысли действительности, а не только о средствах согласия рассужда с самим собою. Логика Аристотеля связана не только с наукой о началах сущего («первой философией»), но в не меньшей мере и с частными науками о сущем — с математикой, естествознанием и с обществеными науками, в частности с этикой и политикой. Эта связь с частными науками особенно заметна в учении о родах и видах, об определении, о классификации, в котором раскрывается логика наблюдений фактов действительности, для сравнения, отождествления и различения. Поэтому для самого Аристотеля логика была, несомненно, не только орудием первой философии, но и всякого человеческого знания. Аристотель находил онтологические основы логики не только в общем учении о первых причинах и началах сущего, но и в частном учении о первых причинах и началах сущего³.

136.

¹ В. И. Ленин, *Соч.*, т. 38, стр. 366.

² С. Prantl, *Geschichte der Logik im Abendlande*, Bd. I, S. 89.

сущего, но и в учении о движении («Физика»), в классификациях животных, в классификациях государственных форм и т. д.

Это обязывает нас, прежде чем перейти к изложению логики Аристотеля, остановиться на ее онтологических основах.

Сначала следует хотя бы кратко рассмотреть учение Аристотеля о четырех причинах, о первых и вторых сущностях, о материи и форме, о возможности и действительности, об общем и единичном, так как именно в этих категориях Аристотель определяет сущее и объясняет природу знания.

Определяя «первую философию» как науку о первых причинах и началах (πρῶτα αἰτία καὶ τὰς ἀρχάς)¹, Аристотель различает четыре рода причин²: 1) сущность (οὐσία) и «суть бытия», как переводит А. В. Кубицкий выражение «τὸ τί ἦν εἶναι», которое можно было бы перевести дословно: «что именно стало быть» или «что именно есть ставшее»; это причина, в силу которой вещь есть именно то, что она есть; 2) материю (ὕλη) и субстрат (τὸ ὑποκείμενον — подлежащее) — то, из чего что-либо возникает³; 3) движущую причину — то, откуда происходит начало движения (ὄντων ἡ ἀρχὴ τῆς κινήσεως), и 4) целевую причину — то, ради чего что-либо осуществляется (τὸ οὗ ἐνεχέν), и благо. Сущностью Аристотель как в «Категориях»⁴, так и в «Метафизике»⁵ называет не только единичную вещь (первая сущность), но и общие формы для единичных вещей (роды и виды — вторые сущности), причем единичная вещь определяется им как составное целое, состоящее из формы и материи. Как первые, так и вторые сущности отличаются от несущностей (качества, количества, отношения и т. д.) тем, что они существуют сами по себе, самостоятельно (Сократ, человек), а не в качестве принадлежностей другого (белое, длиною в два локтя, больше и т. д.). Под сущью бытия Аристотель понимает сущность вещей без материи или форму (μορφή, εἶδος) вещи самое по себе, т. е. то, что

¹ «Метафизика» I, 1, 981 b 28—29.

² «Метафизика» I, 3, 983 a 26—32.

³ «Физика» I, 9, 192 a 31—32.

⁴ «Категории», 5, 2 a 11—19.

⁵ «Метафизика» VII, 3, 1028 b 34—1029 a 2; VII, 13, 1038 b 10;

V, 8, 1017 b 21—26.

⁶ «Метафизика» VII, 7, 1032 b 14.

остается мысленного в единичной вещи при отвлечении ее от материи. От сути бытия вещи и от единичной вещи Аристотель отлучает общую сущность — то, что присуще не только определенным предметам, но и другим предметам, имеющим самостоятельное бытие (суть бытия — то, что присуще только определенным предметам). Причиной, или началом, бытия Аристотель считает не первые сущности, не единичные вещи, а общую сущность и суть бытия, объединяемые в понятие формы¹, хотя, как он подчеркивает и в «Категориях»² и в «Метафизике»³, общее без единичного не существует, и если нет единичного, то нет и общего.

Что бы ни было предметом изучения, если вопрос ставится об объяснении совершившегося, исследователь ищет всегда ту или иную из указанных причин, а полное объяснение действительности требует установления всех четырех причин. Так, например, медная статуя предполагает в качестве причины своего возникновения сущность и суть бытия статуи, благодаря которым она становится статуей, а не чем-нибудь иным. Суть бытия статуи — это ее форма, которая, как говорит Аристотель, есть «облик иден» (*τὸ εἶδος τῆς ἰδέας*)⁴, и эту форму можно было бы назвать законом, по которому делается статуя или формируется материал. Однако, как уже видно отсюда, для возникновения статуи необходим, кроме формы, материал, материя, которой в данном случае оказывается медь. Но наличие материала статуи и ее формы еще не порождает статуи. Необходимо существовал источник этого движения. Таким источником движения, или движущей причиной, в данном случае является скульптор. Наконец, не всякое движение может образоваться из меди статую. Чтобы возникла статуя, необходимо представление о цели работы и подчинение движения этой цели. Таким образом, для объяснения движения (целевую причину).

Различия четыре причины и подвергнув критике своих предшественников за неполноту и односторонность их уче-

¹ «Метафизика» VII, 17, 1041 b 4—9.
² «Категория», 5, 2 b 5—6.
³ «Метафизика» VII, 16, 1040 b 26—27.
⁴ «Метафизика» VII, 3, 1029 a 4—5.

ний о началах, Аристотель строит свое учение о сущем как о сочетании четырех начал, из которых три — суть бытия, движущая причина и целевая причина объединяются в понятие формирующего, определяющего начала и противоставляются четвертому, формируемому, определенному началу — материи. Материя, по Аристотелю, не простая лишенность (*στέρησις*), не бытие, а в известном смысле сущность¹, однако она как таковая лишена каких-либо определений² и представляет собою возможность определения³, возможность стать чем-то определенным. Как говорит Аристотель, «материя сама по себе неизвестна (*ἄγνωστος*)»⁴. Форма же есть то, что сообщает материи определенность. Возможность (*δύναμις*), получающая или иные определения, формируясь, переходит в действительность, становится энергией (*ἐνέργεια*)⁵, которая в качестве осуществленной формы называется энтелехией (*ἐντελέχεια*) — по этимологическому объяснению Дильса состоит из двух слов: *ἐντελές* и *ἐχεν*, что значит обладать завершенностью, осуществленностью⁶. Все, что дано в опыте, состоит из материи и формы, является осуществленной возможностью, причем в силу относительности и взаимной предполагаемости этих начал то, что в одном отношении — форма, в другом может оказаться материей. Так, например, обесанные камни есть возможность и материя для дома, но как обесанные камни они представляют собой действительность и форму для необесанных камней.

Таким путем Аристотель пытается преодолеть тот разрыв между сущностью началом и единичной вещью, в котором он справедливо упрекает Платона. Платон, как указывает Аристотель, отрешил сущность от вещи и создал учение об идеях, которое именно в силу отрешенности (*χωρισμός*) идей от вещей не только ничего не объясняет, ибо идеи в таком толковании лишь удваивают мир вещей, не способствуя пониманию реального движения и изменения, но и ведет к абсурду, поскольку сущность отрешается от того,

¹ «Физика» I, 9, 192 a 3—6; «Метафизика» VIII, 1, 1042 a 32.
² «Метафизика» VII, 3, 1029 a 20.

³ «Метафизика» VII, 7, 1032 a 20—22.

⁴ «Метафизика» VII, 10, 1036 a 8—9 (А. В. Кубицкий переводит здесь *ἄγνωστος* — «непознаваемая» — *Ред.*).

⁵ *ἐνέργεια* — сила в действии, действительность. — *Ред.*
⁶ «Метафизика» IX, 8, 1049 b 4—5; 1050 a 21—23.

сущностью чего она является. Попытку Платона связать сущность и вещь через «причастность» вещей идеям Аристотель называет ничем не объясняющей метафорой и на покинвает аргумент софистов, известный под названием «стрелы человека», ибо если между вещью и идеей есть нечто общее, то должно быть третье общее, чему причастны вещь и ее идея, это третье в свою очередь должно быть опять нечто между которой и первой идеей должно быть опять нечто общее и т. д. до бесконечности¹. В. И. Ленин в своем комментарии лекции Гегеля по истории философии указывал: «Критика Аристотелем „идей“ Платона есть критика идеализма, как идеализма вообще: отсюда же идет и „закон“ и требуется понятие, абстракции, отсюда же идет и „закон“ и „необходимость“ etc.»²

Учение Аристотеля о формирующем и материальном началах бытия предпринимает и ответ на вопрос об отношении общего и единичного в бытии.

Во «Второй Аналитике»³ воспринимаемое единичное определяется как то, что существует «здесь» (тоу — где-то) и «теперь», т. е. координировано в пространстве и времени, а общее — как то, что «всегда» и «повсюду», т. е. лишено пространственно-временных координат и может реализоваться в любое время и в любом месте, когда и где возникнут соответствующие условия. Сочетание формы и материи в бытии образует единичную вещь (этот человек, эта лошадь и т. д.), которая сама ни о чем неказывается, но о которой многое может сказываться. С единичных вещей начинается познание действительности, и «все остальное, — говорит Аристотель, — или сказывается о них», как о подлежащих, или же находится в них, как в подлежащих⁴. Единичные вещи Аристотель называет, как было выше указано, первыми говорителями. Если бы не существовало первых сущностей, — ничего другого⁵. Однако определяющим началом единичной вещи является форма, сообщаящая ей определенность, а не материя, которая, по Аристотелю, есть только возмож-

ность стать той или иной определенностью. Форма же есть общее, а не индивидуальное, ведь она может быть формой и другой единичной вещи. Будучи формой не одной, а многих единичных вещей, она есть или вид (*εἶδος*), или род (*γένος*), если делится на виды. Виды и роды Аристотель называет в «Категориях» вторыми сущностями (*δευτέραι σφαῖραι*). О них может что-то сказываться, и они сами могут сказываться о чем-то и прежде всего о таком подлежащем (*ὑποκειμένῳ*), о котором сказывается все остальное, но которое само ни о чем неказывается (такое подлежащее можно назвать абсолютным подлежащим, или субстратом), когда знание является ответом на вопрос, что именно есть нечто (*τὸ τί ἐστι*). Ответ на этот вопрос, если он относится только к подлежащему, называется определением, и то, что содержится в определении, получает название сути бытия (*τὸ τί ἦν εἶναι*). Таким образом, суть бытия есть, во-первых, содержание сущности, причем такое, которое присуще только определенному (только тому, о чем задан вопрос — что оно такое); во-вторых, суть бытия, поскольку материя не является подлежащим началом, есть то, что, как было сказано выше, остается в вещи, если отвлечься от материи, т. е. формой; и, в-третьих, суть бытия, поскольку она есть то, что остается в вещи без материи, должна быть общей формой.

Следует, однако, иметь в виду, что вопрос: «что именно есть нечто», может быть задан не только в отношении сущностей, т. е. того, что имеет самостоятельное существование, но и в отношении не имеющих самостоятельного существования качественных и иных категориальных определенностей. Например, можно спросить: что такое «цвет», что такое «равное» и т. д. Как пишет Аристотель: «Когда задается вопрос: „что именно есть нечто“, в одних случаях имеется в виду сущность и вот эта вещь, в других — каждое из высказываний — о количестве, о качестве и все другие такового рода»¹. А так как в ответе на этот вопрос раскрывается суть бытия определяемого, то можно говорить о сути бытия не только вещей и вообще сущностей, но и о сути бытия качества, количества и всякой иной категориальной определенности. Только здесь, как выражается Аристотель, «это будет суть бытия не просто, а суть бытия качества или количества»².

¹ «Метафизика» VII, 4, 1030 а 18—20.

² «Метафизика» VII, 4, 1030 а 31—32.

¹ «Метафизика» I, 9.

² В. И. Ленин, *Соч.*, т. 38, стр. 278.

³ «Второй Аналитике» I, 31, 87 в 28—33.

⁴ «Категории», 5, 2 в 4—5.

⁵ «Категории», 5, 2 в 5—6.

Хотя знание действительности начинается с единичного и без него оно невозможно, оно не может осуществляться без общего, более того, оно состоит именно в знании общего, как того, что определяет действительность. При этом, однако, общее, по Аристотелю, не отрешено от единичного, а существует в единичном, а через единичное. Как говорю вам не помню единичного, а через многого (παρὰ τὸ μὴ μνησθῆναι τὸ ἐν ἑνὶ, ἀλλὰ διὰ τὸ πολλόν)¹, и рит Аристотель, виды существуют не помню многого (κατὰ πολλόν)¹, и то общее не существует помимо единичных вещей². Так Аристотель пытается преодолеть то противопоставление общего единичному и тот отрыв их друг от друга, которые породили софистику метарцев и киников и были причиной искусственности конструкции Платона. Хотя эта попытка Аристотеля является подходом к диалектическому решению проблемы, ибо общее мыслится в единстве с единичным, однако Аристотелево учение еще несет в себе черты Платоновой идеализма и Платоновой метафизики: материи отводится чисто пассивная роль, а форма наделяется чертами неизменного и неподвижного сущего, приводящего в движение материю; форма понимается не как проявление материи, а как начало, независимое от нее и определяющее ее. Как видно, Аристотель не преодолел разрыва между общим и единичным, между формой и материей, и этим объясняется его колебания между идеализмом и материализмом, внутреннее противоречие его учения.

В самом деле, с одной стороны, форма объявляется общим началом. В таком случае она не может индивидуализировать вещи, как считала вслед за Аристотелем вся средневековая схоластика, кроме Дунса Скотта и некоторых других, утверждавших, по словам Бонавентуры³, что принципом индивидуализации является индивидуальная форма (haecceitas, *с. d. individualis*).

С другой стороны, если принципом индивидуализации считать материю, то материя должна быть признана в какой-то мере определяющим началом и сущностью. И действительно, в «Физике» Аристотель вопреки определению материи как только возможности говорит, что «материя

¹ «Вторая Аналитика» I, 11, 77 а 5; I, 24, 85 а 31.
² «Метафизика» VII, 16, 1040 в 25—27; VII, 13, 1038 в 10—13.
³ С. Plant, Geschichte der Logik im Abendlande, Bd. III, S. 119.

близка к сущности и в известном отношении есть сущность¹, это утверждается также и в первой главе VIII книги «Метафизики», где материя прямо называется сущностью, тем, что лежит в основе (τὸ ὑποκείμενον) при всех противоположных друг другу изменениях². Если же материя есть сущность, то она могла бы служить элементом определения единичных вещей, единичное должно было бы считаться определяемым через форму и материю. Однако в VII книге «Метафизики» Аристотель решительно отрицает определенность единичного: «А для чувственно воспринимаемых единичных сущностей потому-то и нет ни определения, ни доказательства, что они наделены материей, природа которой такова, что она может быть и не быть»³. С этим отрицанием определенности единичного согласуется и учение Аристотеля о том, что единичное, или первая сущность, не может ни о чем сказываться. Правильное определение обратимо без ограничения, и, следовательно, в нем подлежащее может занимать место сказуемого, что для единичного, по мнению Аристотеля, невозможно. Единичное оказывается абсолютным подлежащим (оно не может никогда занять в суждении место сказуемого) и неопределимым именно потому, что оно состоит не только из определяющей и определяемой формы, но и из неопределенной и неопределяющей материи. Именно материя, которая не может ни о чем сказываться (ибо если бы она сказывалась о чем-то, то тем самым становилась бы формой), делает невозможным определение единичного. Между тем в 7 главе той же VII книги «Метафизики» Аристотель пишет: «Формою я называю суть бытия каждой вещи и первую сущность»⁴. Эта фраза говорит уже о признании индивидуальных форм. И поскольку единичные вещи возникают и разрушаются, то следовало бы в таком случае признать, что есть возникающие и разрушающиеся формы, однако это несовместимо с учением о форме как о невозможном и неразрушимом начале⁵. Правда, в 11 главе той же VII книги «Метафизики», где говорится, что суть бытия и единичное в некоторых случаях, например у первых сущностей, тождественны, и в качестве примера указываются

¹ «Физика» I, 9, 192 а 5—6.
² «Метафизика» VIII, 1, 1042 а 32—34.
³ «Метафизика» VII, 15, 1039 в 27—30.
⁴ «Метафизика» VII, 7, 1032 в 1—2.
⁵ «Метафизика» VII, 15, 1039 в 23—27.

«кривизна» и «бытие кривизной»¹ (κλῖσις καὶ εἶναι). Видимо под первой сущностью разумеется индивидуальный образ, лишенный материи, ведь к нему присоединяется только бытие. Однако, если это так, то «Кривизна» не может считаться тем, что существует только «здесь» и «теперь», т. е. единичностью в собственном смысле этого слова, ибо любая кривизна может реализоваться не только здесь и теперь, но и в другом месте и в другое время именно потому, что образ кривизны, лишенный материи, есть уже абстрактный и тем самым общий.

Очевидно, эти противоречия — результат того, что Аристотелю не удалось полностью преодолеть метафизику Платона. Несмотря на диалектические формулировки о познаваемости общего через единичное и о существовании общего в единичном, Аристотелю не удалось освободить общее от черт, присущих вечным, неизменным и независимым от материи идеям Платона, или от черт, присущих единому, неподвижному сущему Парменида, и образовать понятие материи как определяющего, развивающегося и проявляющегося в разных формах сущностного начала. Более того, Аристотель, развивая в 7 главе XII книги «Метафизики» мысль об источниках движения, цепь которых должна опираться на движущее, но уже ничем не движимое и, следовательно, неподвижное начало, приходит к учению о форме форм и к представлению о едином первом двигателе — бо-жестве, которое, будучи целью всего, является неподвижным источником всякого движения и деятельности которого состоит в самосознании, в мышлении, направленном на самого себя (νόησις νοήσεως)². Это воззрение есть уже чистый идеализм, о котором В. И. Ленин писал: «Идеализм идеализм, но он объективнее и оптимистичнее, общее, чем идеализм Платона, а потому в натурфилософии чаще = материализму»³.

Изложенные положения «первой философии» Аристотеля предопределяют и его теорию познания: мышление и чувственное восприятие связываются друг с другом и противопоставляются друг другу так же, как связано и противопоставлено общее и единичное. При этом, подобно

¹ «Метафизика» VII, 11, 1037 а 33 — б 3.
² «Метафизика» XII, 7, 1072 б 29—30; XII, 9, 1074 б 34.
³ В. И. Ленин, *Соч.*, т. 38, стр. 278.

тому как в «первой философии» проблема общего и единичного, несмотря на моменты диалектики, диалектически остается нерешенной, так и в теории познания проблема мышления и чувственного восприятия, несмотря на имеющиеся здесь моменты диалектики, остается до конца нерешенной. Вот как определяется связь мышления и чувственного восприятия в III книге сочинения «О душе» и в I книге «Второй Аналитики».

«Так как, по-видимому, не существует никаких отдельных предметов, помимо чувственно воспринимаемых величин, то постигаемое умом находится в чувственно постигаемых формах: (сюда относится) и то, что называется абстракциями (ἐν ἀφαιρέσει), и то, что составляет свойства (ἕκαστα) и состояния (τάδε) чувственно познаваемого. И поэтому не имеющий чувственных восприятий (человек) ничему не научится и ничего разумом не постигнет»¹.

«Если нет чувственного восприятия, необходимо отсутствует знание, которое нельзя будет приобрести, если мы не научаемся или через индукцию, или через доказательство. Доказательство исходит из общего, а индукция — из частного. Созерцать же общее невозможно без индукции... Но индукция невозможна без чувственного восприятия, ведь чувственное восприятие направлено на единичное, ибо (иначе) получить знание о них невозможно. В самом деле, как (знание) из общего невозможно без индукции, так и индукция * — без чувственного восприятия»².

Однако, если знание общего невозможно без восприятия единичного, то, с другой стороны, по Аристотелю, восприятие единичного еще не составляет знания общего. Знание направлено: 1) на необходимое — на то, что в объекте не может быть иначе, и 2) на общее, т. е. на то, что есть не только в определенном месте и в определенном момент времени, но всегда и повсюду. «Но и через чувственный момент восприятие, — говорит Аристотель, — нельзя знать, так как если восприятие и направлено на такое-то, а не просто на это, однако воспринимается необходимо это (τὸδε) где-то (ταῦτα) и теперь (νῦν)». Общее же и то, что во всем, воспринять

¹ «О душе» III, 8, 432 а 3—8.

² δι' ἐκταύτης — (знание) через индукцию. — *Ред.*

³ «Вторая Аналитика» I, 18, 81 а 38 — б 9.

⁴ Ср. с переводом в «Аналитиках», опубликованных в 1952 г. Госполитиздатом (стр. 241—242): «Но и посредством чувственного

невозможно, так как оно не это и не теперь, иначе оно не было бы общим. Под общим мы разумем то, что всегда (всегда) и повсюду (каждое) ¹. Предмет чувственного восприятия как противоположное необходимому и общему может быть назван случайностью, о которой, как говорит Аристотель, «нет знания через доказательство» ².

Таким образом, если общее пребывает в единичном, определяя его, а не наряду с единичным, и тем самым, можно сказать, понимается как закон единичного, то восприятие единичного оказывается необходимым исходным пунктом знания общего: оно есть первое в процессе знания, первое «для нас», тогда как общее, по Аристотелю, есть первое «по природе» ³. Но если, с другой стороны, предметом знания является не случайное, а необходимое, не единичное, а общее, то восприятие единичного еще не составляет знания, а общее и необходимое предполагает дру- гую способность, которую Аристотель называет умом (νοῦς) или мышлением (νῆσις). Таким образом, чувственное восприятие и мышление различаются прежде всего как постижение единичного и знание общего.

Далее, мышление характеризуется тем, что оно находится во власти мыслимого существа, а именно, человек может мыслить тогда, когда захочет, ибо предмет мышления есть общее, а общее, как говорит Аристотель, некоторым образом находится «в самой душе». Чувственное же познание не находится во власти чувствующего существа, ибо для того, чтобы состоялось чувственное восприятие, необходимо присутствие чувственного объекта, который находится вне воспринимающего ⁴. Способность чувственного восприятия становится его действительностью, если налицо находящийся вовне чувственный предмет, а способность мышления может стать действительностью мышления и без сохранения и удерживания памяти образа (или образы) внешних предметов. «Мыслимое начало, — говорит Ари-

стотель, — не может знать (общее). Ибо хотя чувственное восприятие есть восприятие качества (общее), а не (только) чего-то определенного

в данном месте и в данное время, —

¹ «Вторая Аналитика» I, 31, 87 b 28—32.

² См. выше, стр. 95.

³ «О душе» II, 5, 417 b 17—26.

стотель, — мыслит формы в образах, и когда уму в образах проясняется то, к чему следует стремиться и чего надо избегать, то и в отсутствие ощущения при наличии у (мыслящего существа) этих образов оно приходит в движение» ¹. «(Пусть) эти нозмы (νοήματα) — мыслимые содержания — не образы (εἰκασματα), но (во всяком случае они не могут проявляться) без образов» ².

Мышление Аристотель подразделяет на два вида: 1) мышление о «неделимом» (τὸν ἀδιαιρέτῳ), т. е. о таком соединении, которое не является соединением отдельных мыслей (нозм); оно не может быть ложным, и 2) мышление, состоящее в соединении мыслей, мыслимых содержаний (нозм), которое, если оно мыслью соотносено с действительностью в формах утверждения или отрицания, может быть истинным или ложным. «Мышление о неделимом относится к той области, где не может быть лжи. А то, где (встречается) и ложь и истина, представляет собою соединение нозм, как бы составляющих единство... Если же (мысль будет направлена) на прошлое или имеющее произойти, то (человек мыслит), примышляя время и составляя соединение. Ошибки заключаются всегда именно в соединении...», а соединяет эти отдельные (нозмы) в единство — ум» ³.

Очевидно, мышление о неделимом — это постижение общих смысловых значений слов, понимание словесных выражений, а мышление, состоящее в соединении нозм, — это либо суждения, в которых нозмы соединяются в форме утверждения или отрицания относительно действительности и которые в силу этого могут быть истинными или ложными и выражаются в «высказывающих речах» (как это будет видно в дальнейшем из учения о суждении), либо это будут соединения в иных формах, в которых мысль не может иметь значения истинны или лжи. Мышление, которое состоит в соединении нозм, образующем истину или ложь, Аристотель иногда называет рассуждением, или размышлением (διάνοια). В «Поэтике» рассуждение определяется как то, «посредством чего доказывают существование, или несуществование чего-либо или что-либо вообще высказывают» ⁴. В «Метафизике» же Аристотель рассуждение отождествляет

¹ «О душе» III, 7, 431 b 2—5.

² «О душе» III, 8, 432 a 13—14.

³ «О душе» III, 6, 430 a 26—b 6.

⁴ «Поэтика», 6, 1450 b 11—12.

с утверждением или отрицанием, т. е. с суждением: «Рас-суждение, как это видно из определения (истины и лжи), либо утверждает, либо отрицает»¹.

Процесс чувственного восприятия, а также процесс становления обладающего, как указывает Аристотель, отно-мышления, обладающего, как указывают Аристотель, отно-сительной свободой, определяются им в категориях возмож-ности и действительности, а именно как процесс перехода от возможности к действительности знания. «Ясно, что чув-ствующая способность (τὸ αἰσθητικόν) сама по себе суще-ствует не в состоянии действительности (ἐνέργεια), но только в возможности (δυνάμει). Поэтому (с ней дело обстоит так же), как, например, с горючим материалом, (который) сам по себе не загорается без того, что его зажигает; если бы он воспламенялся самостоятельно, то не было бы нужды в действующем огне. Так как чувствующей способности мы придаем двоякий смысл (ведь и того, кто только имеет возможность слышать и видеть, мы называем слышащим и видящим, как, например, человека), который в данный мо-мент спит, называем мы также и тех, кто действительно (слышит и видит), то и чувственное восприятие назы-вается (чувственным восприятием) в двояком значении — одно как возможное, другое как действительное»². Чув-ственно воспринимаемый объект превращает чувствующую способность из сущей в возможность в сущую в действи-тельности³. При этом ощущение понимается Аристотелем материалистически, как отпечаток форм чувственно воспри-нимаемых вещей или как отпечаток качеств вещей. «Ощуще-ние есть то, что способно принимать чувственно воспри-нимаемые формы (εἴδη) без материи, подобно тому как воск принимает отпечаток печати без железа и без золота... Подоб-но не посылка (нечто) от того, что имеет цвет или вкус, или звук, но поскольку каждый из них берется в виде определенной (τὸν λόγον)»⁴.

Процесс мышления также есть переход от возможности к действительности, но уже от возможности знания общего

¹ «Метафизика» IV, 7, 1012 а 2—3.

² «О душе» II, 5, 417 а 6—13.

³ «О душе» III, 7, 431 а 4—5.

⁴ «О душе» II, 12, 424 а 17—24.

к действительности знания общего. «Если же мышление подобно ощущению, то оно оказывается или претерпеваю-щим что-либо со стороны мыслимого, или чем-либо подоб-ным»¹. От процесса чувственного восприятия процесс мышления отличается не тем, что чувственное восприятие для перехода в действительность должно исходить из дан-ного, а мышление якобы не исходит ни из какой данности (ведь и мышление должно быть чем-то претерпевающим), а тем, что предметы их по-разному даны. Как было сказано, для действительности чувственного восприятия необходимо присутствие находящегося вовне объекта, а для действи-тельности мышления достаточно сохраненного памяти об-раза предмета. Если Аристотель называет душу местопре-быванием форм, то с той оговоркой, что «не вся (душа), а разумная» является местопребыванием форм, и притом душа «(охватывает) формы не в их действительной нали-чности (ἐντελέχεια), а в возможности»². «Или страдательное состояние есть нечто общее (как для чувствующей способ-ности, так и для ума)?» — спрашивает Аристотель и отве-чает: «Поэтому раньше было сказано, что в возможности ум известным образом заключает в себе мыслимое, но в дей-ствительности этого нет, пока он не помыслит. Здесь должно быть так, как на пишемной доске, на которой в явном виде ничего не написано, то же происходит и с умом»³. Примером перехода мышления от возможности к действительности может служить геометрическое построение, о котором говорится в IX книге «Метафизики»: «А если бы эти построе-ния уже были разделены, (искомые) свойства были бы (сами собой) очевидны; теперь же они заключены в построении возможным образом. Почему совокупность углов в треуголь-нике составляет два прямых? Потому что углы, примыкаю-щие к одной точке, равны двум прямым. Если бы поэтому была проведена линия, параллельная одной из сторон, тогда при взгляде (на чертеж) непосредственно стало бы ясно, почему это так... Таким образом, ясно, что свойства, существующие в возможности, открываются, если дать им выражение в действительности. И происходит так потому, что мышление это — действительность (ἐνέργεια)»⁴. Оче-

¹ «О душе» III, 4, 429 а 13—15.

² «О душе» III, 4, 429 а 27—29.

³ «О душе» III, 4, 429 б 29—430 а 3.

⁴ «Метафизика» IX, 9, 1051 а 23—31.

видно, процесс мышления есть выделение особой способностью в объекте того, что в нем есть общего, что в действительности объекта есть его определяющее начало, а в действительности познания называется мыслью.

Было бы совершенно неверным отождествлять в какой-либо степени учение Аристотеля о процессе мышления с учением Платона о знании как «вспоминании» душию истолковывать учение Аристотеля в духе кантовского приоризма как учение о некоторой спонтанной деятельности рассудка, подвластного многообразию чувственного опыта под понятия согласно априорным категориям сознания. Ведь для Аристотеля «постижимое умом находится в чувственно постижимых формах» и «как знание из общего невозможно без индукции, так и индукция»¹ — без чувственного восприятия². Поэтому мышление не есть ни отход от данности чувственного восприятия, ни постижение особой данности мысли, находящей в отрешенности ее от чувственного восприятия, а есть способность открытия в чувственном восприятии особого предмета познания — общего (вспомним, что чувственно воспринимаемый предмет, единичное, есть единство определяющей формы — общего — и определяемой материи). Что касается учения о врожденности знания, то Аристотель прямо называет его нелепым, ибо, как говорится во «Второй Аналитике», если бы знание было врождено, то мы видели бы более точным знанием, чем доказательство, не замечая этого³. Учение о врожденности знания решительным образом отвергается и в 9 главе I книги «Метафизики» в связи с критикой учения об идеях и чистарительное знание или всех (исходных данных), или некоторых, и то, которое орудием имеет доказательство, и то, определенное надо знать заранее, и они должны быть (нам) понятными, то же имеет силу и для изучения через индукцию. С другой стороны, если бы даже оказалось, что нам такое знание прирождено, то нельзя не изумляться, как это

¹ *«Второй Аналитики»* I, 9, 992 б 30—993 а 2.
² *«Метафизика»* I, 9, 992 б 7—9.
³ *«Второй Аналитики»* I, 19, 99 б 25—27.

мы, сами того не замечая, обладаем наилучшего из наук»¹.

Если предмет мысли, общее, находится, согласно Аристотелю, в чувственных вещах, то и мышление как процесс познания общего, хотя оно и является особой способностью души, не отрешено от чувственного восприятия, как это было у Платона, а есть индуктивное восхождение от чувственного восприятия единичного к общим началам, восхождение, которое осуществляется через память, удерживающую образы воспринятого, через опыт (*ἐμπειρία*), образующийся из памяти, если она часто имеет дело с одним и тем же, и утверждающий в душе общее как единое помимо многого (присутствующее во многом в качестве одного и того же сущего), наконец, через искусство, имеющее дело с произведением вещей, и через науки, имеющие дело с сущим. «Снова останавливаются на этом, — так заканчивает Аристотель свое рассуждение о познании общего, — пока не удерживается (не что) неделимое и общее, например вместо такого-то животного — животное (вообще), и далее таким же образом. Итак, очевидно, что первые начала нам необходимо познавать через индукцию, ибо таким образом восприятие порождает общее»². Общее, познаваемое таким путем, составляет начало доказательства и становится таким пунктом дедукции. В частности, и предмет математики является для Аристотеля отвлечением количественной определенности и непрерывности от чувственных свойств вещей³.

В учении о мышлении и чувственном восприятии Аристотель близко подходит к диалектическому решению проблемы, но так же, как и в учении об общем и единичном, он не преодолевает разрыва между мыслимым и воспринимаемым, между мышлением и восприятием.

В самом деле, хотя Аристотель признает, что мышление связано с чувственным восприятием, ибо только через чувственное восприятие оно находит свой объект, однако оно понимается им как особая способность души, подобно тому, как общее, хотя и не существует помимо возникающего и преходящего единичного, тем не менее остается вечной и неизменной сущностью. Выше было указано, что мышление

¹ *«Метафизика»* I, 9, 992 б 30—993 а 2.

² *«Второй Аналитики»* I, 19, 100 б 1—5.

³ *«Метафизика»* XI, 3, 1061 а 28—б 4, см. ниже, гл. 10.

отрицание как разные качества решения познавательной задачи, мы находим форму мысли, называемую суждением. Наконец, если, сопоставляя связи разных в том, что в них суждений, мы находим сходство одного суждения следует из истинности или ложности других суждений, то тем самым истинности или ложности других мысли, называемую умозак-
устанавливаем особую форму мысли, устанавливается как ос-
лужением.

Во всех случаях форма мысли устанавливается между собою или мыслей
бый тип связи элементов мысли между собою или мысли. приме-
друг с другом, иначе говоря, как строение мысли. приме-
рами типов связей элементов мысли являются формы про-
стых суждений, формы вопроса или проблемы и т. д. При-
мерами типов связей законченных мыслей друг с другом
являются связи простых суждений внутри сложных сужде-
ний, формы умозаключений. Формы мысли и их правила
устанавливаются путем абстракции, так же как и грамма-
тические (морфологические и синтаксические) формы и
правила. Но в отличие от грамматики формальная логика
находит формы мысли и их правила, абстрагируясь не от
конкретных слов и сочетаний слов, являющихся выраже-
нием мыслей, а от самих конкретных мыслей, составляющих
смысловую сторону речи, отвлекаясь тем самым и от выра-
зительных словесных форм, в которых мысли существуют,
но непременно пользуясь ими как выражениями мыслей.

Если найдена какая-либо форма мыслей, то можно, ана-
лизировав соответствующие мысли путем абстрагирования той
или иной связи от того, что связывается, отличать в форме
мысли некоторую логическую константу (логическое по-
стоянное) от той или иной логической переменной. Это раз-
личие между логической константой и логической перемен-
ной дает возможность, обозначая их особо, символизировать
логические формы и исследовать их закономерности. Логиче-
ские константы имеют свои названия (общность суждения,
конъюнкция, дизъюнкция, условная связь, эквивалент-
ность, отрицательность и т. д.), свои словесные выражения
(всякий, все, и, или, если..., то, не и т. д.), хотя в математи-
ческой логике в целях устранения двусмысленностей не-
которых словесных выражений вводятся для обозначения не-
логических констант особые знаки (квантор общности, не-
знаки конъюнкции, дизъюнкции, импликации и т. д.).
В этих случаях логические переменные, т. е. то, вместо чего

может быть подставлено какое-либо конкретное содержание,
обозначаются обычно буквами алфавита.

Учение Аристотеля о высказывании (*ἀποφάνσις*), т. е.
о суждении и его элементах — подлежащем и сказуемом,
об отношении утверждения и отрицания, о силлогизме как
связи терминов и как связи суждений и о различных фигу-
рах силлогизмов — было не чем иным, как выделением ло-
гических форм и логических констант, объективное значение
которых Аристотель искал в связях действительности:
в связях вещей с тем, что им присуще или не присуще,
в связях причин, действий и носителей причин и действий
и т. д. Отличив логические формы от содержания, логиче-
ские константы от логических переменных, Аристотель
первый ввел специальные обозначения для тех и других.
Логические константы Аристотель выражал словесно, а ло-
гические переменные обозначал буквами греческого алфа-
вита. В качестве примера можно привести выражение пер-
вой фигуры силлогизма: «Если *A* скажется о всяком *B*,
а *B* скажется о всяком *Γ*, то *A* необходимо скажется
о всяком *Γ*»¹. Здесь слова «если... то» и «скажется о вся-
ком» выражают логические константы следования и сужде-
ния, т. е. логические связи законченных мыслей друг с дру-
гом и элементов отдельных законченных мыслей — посыл-
лок, а буквы греческого алфавита обозначают логические
переменные, допускающие подстановку на их место опре-
деленных терминов. Отличие Аристотелева обозначения ло-
гических констант и переменных от обозначений, принятых
в традиционной логике, состоит в том, что в традиционной
логике за меньшим термином закреплен знак *S*, за большим
термином — знак *P*, а за средним термином — знак *M*; логи-
ческие же связи элементов в суждении и различия утвер-
дительного и отрицательного, общего и частного предичи-
рования обозначаются гласными: *A*, *E*, *I*, *O*; наконец, связь
следования заключенная из посылок или выражается сло-
вом «следовательно», или обозначается чертой, прове-
денною под обозначением посылок, и схема получает та-
кой вид:

$$\begin{array}{c} M \text{ а } P \\ S \text{ а } M \\ \hline S \text{ а } P \end{array}$$

¹ «Первая Аналитика» I, 4, 25 b 37—39.

Приведенный пример обозначения первой фигуры силлогизма свидетельствует о выделении Аристотелем формы мысли как особой ее стороны, исследуемой в качестве одного из условий образования истинного суждения, т. е. суждения, соответствующего независимой от сознания действительности. Выделение Аристотелем форм мысли и изучение их как условий истинности суждения учениями его последователей по сравнению с логическими возникновением так называемой формальной логики, шаг, представлявший собою формализацию мысли, которая, однако, у Аристотеля не переросла в формалистическое истолкование логических связей, поскольку для Аристотеля форма мысли имеет смысл лишь как средство познания и лишь как такая связь элементов мысли или мыслей друг с другом, которая отражает связи действительности.

Поэтому логика Аристотеля может быть названа формальной логикой в том широком смысле, в котором это название указывает лишь предмет изучения — формы мысли, но еще не предвещает ни вопроса об их истолковании, ни приемов исследования.

Логика Аристотеля — хронологически первую логическую теорию в истории той культуры, истоки которой были в Древней Греции, и лежащую в основе всех последующих логических теорий, — не следует отождествлять ни с логикой стоиков и эклектиков эллинистического и римского периодов, ни со схоластической логикой средневековья, ни с кантовской формальной логикой и традиционной логикой, ни с современными системами математической логики и логикой отношений.

В отличие от логики стоиков, которая была в основном новым логическим предложением, логика Аристотеля есть в осмысли, исследуемая логическая связь чего-то о предмете — термин, как это, в частности, видно из приведенной выше первой фигуры силлогизма¹. В логике Аристотеля

¹ Шольц называет логику Аристотеля логикой предикатов (Prädikatenlogik) и противопоставляет ее логике стоиков как логике высказываний (Aussagenlogik) (H. H. Scholz, Geschichte der Logik, 1931, S. 62). В логике стоиков так же, как и Шольц, — логикой имен (Namenlogik, Etkenlogik). (J. Lukasewitz, Zur Geschichte der Aussagenlogik, Annalen der Philosophie, Bd. 5, Nr. 2/3, 1935, S. 112).

логическими переменными являются термины: предметы мысли и то, что о них говорится как присущее им или не присущее. В логике стоиков логическими переменными являются сами суждения в целом (аксиомы). Например, в стоической формуле условной связи: «если первое, то и второе», слова «если... то» выражают логическую константу условной связи, а слова «первое» и «второе» обозначают логические переменные, взамен которых могут быть поставлены истинные или ложные суждения в целом. Правда, у Аристотеля силлогизм исследуется не только как связь терминов, отражающая связь единичной вещи, вида и рода и того, что присуще виду и роду, и связь причины (средний термин по природе), следствия (большой термин по природе) и носителя причины и следствия (меньший термин по природе), но и как зависимость истинности или ложности заключения (т. е. суждения в целом) от истинности или ложности посылок (которые также являются суждениями в целом). Для чего Аристотель пользуется формой условной связи: «если есть А, то есть и В»¹, «при наличии первого необходимо есть и второе»². Силлогизму как связи терминов посвящена первая книга, а силлогизму как связи следования — вторая книга «Первой Аналитики». Однако интерпретация силлогизма как типа связи следования у Аристотеля подчинена интерпретации силлогизма как типа связи терминов. Поэтому связь следования у Аристотеля имеет смысл лишь в качестве содержательной связи, в которой следствие по своему содержанию определено основанием, т. е., говоря языком современной математической логики, имеет смысл не «материальной», а строгой импликация³. С другой стороны, исследуемые стоиками типы логических связей сложных суждений: соединительная, разделительная, соединительно-разделительная и условная, не говоря уже о причинных суждениях и о суждениях сравнений или отношений, также истолковываются в качестве связей, фиксирующих существование фактов. Таково именно значение пяти модусов условных силлогизмов, введенных в логику стоиками и непосредственными учениками Аристотеля — перипатетиками Феофрастом и Евдемом: 1 и 2 модусы — невозможность существования одного и отсутствия

¹ «Первая Аналитика» II, 2, 53 b 13—14.

² «Первая Аналитика» II, 4, 57 b 1—2.

³ Подробнее об этом см. ниже, гл. 8, § 4.

другого, откуда, если есть первое, то есть и второе, и если нет второго, то нет и первого (условная связь); 3) модус — невозможность существования вместе первого и второго откуда, если есть первое, то нет второго; 4 и 5 модусы — невозможность существования и отсутствия вместе первого и второго, откуда, если есть первое, то нет второго, и если нет первого, то есть второе (разделительная связь). Автором предложенного «Диалектического введения» вместо 3 модуса был предложен модус невозможности их сосуществования, первого и второго при допустимости их сосуществования откуда при отсутствии первого есть второе (соединительная разделительная связь). Впоследствии Боэций (470—525 н. э.) объединил все возможные четыре случая отрицания членов соединения (коннексии): 1) отрицание сосуществования двух членов коннексии, 2) отрицание наличия одного и отсутствия другого, 3) отрицание отсутствия одного и наличия другого, 4) отрицание существования форм коннексии, диалектики и условной связи¹. Этот результат можно было бы выразить следующей таблицей:

$\overline{A} \cdot \overline{B}$ экв.	$A \vee B$ экв.	$\overline{A} \longrightarrow B$
$A \cdot B$ экв.	$\overline{A} \vee \overline{B}$ экв.	$A \longrightarrow \overline{B}$
$A \cdot B$ экв.	$\overline{A} \vee B$ экв.	$A \longrightarrow B$
$\overline{A} \cdot B$ экв.	$A \vee \overline{B}$ экв.	$\overline{A} \longrightarrow \overline{B}$

Отсюда, кстати говоря, легко было бы найти и закон дистрибутивности отрицания конъюнкции (коннексии) в отрицательной дизъюнкции: отрицанию конъюнкции эквивалентна дизъюнкция отрицания членов конъюнкции, а отрицанию дизъюнкции эквивалентна конъюнкция отрицаний членов дизъюнкции:

$$A \cdot B \text{ экв. } \overline{A} \vee \overline{B}; \quad \overline{A \vee B} \text{ экв. } \overline{A} \cdot \overline{B}$$

Этот закон впервые был сформулирован, видимо, уже в средние века. Как не трудно убедиться, изложенная интерпретация логических связей, изложенная интерпретация фактов, совершенно иная, чем аристотелевская интерпретация связи терминов. В аристотелевской ин-

¹ С. Prantl, *Geschichte der Logik im Abendlande*, Bd. I, S. 701.

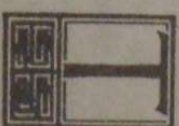
терпретации имеются в виду не связи существования фактов, которые в словесном выражении должны быть связями предложений, а связи единичных и общих предметов и того, что им присуще (сказывается о них). Поэтому логика Аристотеля может быть определена не просто как логика предикатов, но и как логика связей единичного и общего, тогда как логика стоиков может быть определена как логика связей предложений и как логика связей существования единичных фактов.

В наименьшей степени логика Аристотеля отличается и от западной средневековой логики. Хотя последние и опирались до середины XII в. на логическое учение Боэция, на «Введение к категориям» Порфирия, а из логических трактатов Аристотеля — на его «Категории» и книгу «Об истолковании», а после XII в. — и на весь «Органон», однако, помимо вопросов Аристотелевой логики, она особое внимание начинает уделять вопросам семантики и, начиная с конца XIII в., создает в этой области ряд детально разработанных учений. Основной проблемой логики Аристотеля была проблема доказательств, понимаемая им как проблема познания действительности и нахождения средств установления объективной истины, с чем были связаны живые зачатки диалектики в его учении. Для схоластической же логики проблема средств установления объективной истины теряла то значение, которое она имела у Аристотеля, ибо истина считалась уже данной в догматах религии и в принятых церковью отдельных положениях античной философии. Задача логики сводилась к определению правил выведения одних положений из других — правил формальной последовательности мышления. Поэтому основное внимание уделяется технике силлогизма, детальному анализу логико-грамматических связей, установлению различных типов следования, значений терминов (*terminorum proprietates*), приемам истолкования суждений (*exponibilia*). Здесь аристотелевская логика теряет свою онтологическую и гносеологическую основу, и исследование логических связей и закономерностей осуществляется с точки зрения правил словесных рассуждений как техника мышления. Более того, сама техника мышления, названная диалектикой, объявляется у Петра Испанского в XIII в. и его последователей искусством искусств и наукой наук, содержащей принципы, начала всех методов. Это превращение

ГЛАВА ПЯТАЯ

УЧЕНИЕ АРИСТОТЕЛЯ О СУЩНОСТИ СУЖДЕНИЯ

значении как средства доказывания, т. е. установления необходимой истины. Этот порядок потребует изучения в первую очередь книги Аристотеля «Об истолковании», в которой «Первой Аналитики», в которых теория силлогизма, и тех частей «Метафизики», в которых исследуются законы противоречия и исключенного третьего, поскольку эти законы имеют значение законов, определяющих отношение утверждения и отрицания. Основными источниками учения о понятиях являются соответствующие части «Метафизики», «Топики» и «Категорий». Основной источник учения об умозаключении — «Первая Аналитика», а теории доказательства — «Вторая Аналитика». Изложение логики Аристотеля целесообразно завершить рассмотрением трактата «О софистических опровержениях», поскольку в этом трактате содержится анализ не только приемов софистики, но и вообще пороков в доказывании.

а форма мысли, которая в современной логике носит название су-

ждения, или предложения, называется Аристотелем способом ее выражения высказыванием (*ἀπφρασις*), или высказывающей речью (*λόγος ἀποφαιτικός*), а по ее функции в умозаключении — посылкой (*πρότασις*) и определяется в книге «Об истолковании» следующим образом:

«Не всякая (речь) есть высказывающая, а только та, которой присуще выражать истину или ложь. Это присуще не каждой (речи), как, например, молва есть речь, но она не истинна и не ложна. Прочие (речи) остаются без внимания, так как их рассмотрение относится к области риторики и поэтики, высказывающая же (речь) составляет предмет настоящего исследования.

Первая единая высказывающая речь есть утверждение (*κἀτάφασις*), затем отрицание (*ἀντίφασις*), а все прочие (речи)

объединяются через союз *... Простое высказывание есть звук (φρῶν), обозначающий присущность (συνεχὴς) вещи со времени¹, (у) чего-то или неприсущность в «Первой Аналитике» определяется Платоном с помощью в «Первой Аналитике» утверждающая так: «Речь, что-то относительно чего-то утверждающая или отрицательная»².

Как видно из приведенных отрывков, в них дается и логическая и онтологическая интерпретация суждения. Логически суждение есть утверждение или отрицание чего-то относительно чего-то — та форма мысли, в которой мысль относительно чего-то — ложной. Онтологической основой суждения является присущность или неприсущность чего-то чему-то. Онтологическая интерпретация имеет значение как указание в бытии того, в силу чего суждение в качестве познавательной формы мысли оказывается возможным. В самом деле, суждение как утверждение или отрицание чего-то относительно чего-то есть соединение в мысли того, что является единым в действительности, или разобщение в мысли того, что не едино. Вместе с тем суждение может быть истинным лишь в силу своего соответствия бытию, т. е. в силу соответствия того, что соединено или разъединено в суждении, тому, что соединено или разъединено в бытии. Как говорит Аристотель: «Истина имеет место в том случае, когда утверждение относится к соединенному (бытию), отрицание — к разъединенному; а при неправде дается распределение, противоречащее этому»³. Если бы в бытии не было соединения и разъединения, если бы оно было однородно или если бы в разнородном не было бы единого и тождественного, то истинность суждения была бы невозможной. Соединение и разъединение в бытии есть связь чего-то одного с иным и притом такая связь, которая является тождеством в различии и различием в тождестве. Эту связь имеет в виду Аристотель в своем учении о различных типах единства, где он различает единое по числу, по виду, по роду и по аналогии⁴. «А затем одни вещи образуют одно

* Перевод представляется нам спорным: συνεχὴς ἓς — единые

¹ Об истолковании, 4—5, 17 а 2—24.

² «Первая Аналитика» I, 1, 24 а 16—17.

³ «Метафизика» VI, 4, 1027 б 20—23; см. выше (гл. 4).

⁴ «Метафизика» VI, 4, 1027 б 20—23; см. выше (гл. 4).

вещей, — по пропорции, по соразмерности, соот-

по числу, другие — по виду, иные — по роду, а иные — по аналогии. По числу — одно (образует) те, у которых материя одна, одно по виду — те, у которых понятие (ἰδέα) одно, одно по роду — те, которые принадлежат к одной и той же категорической схеме, одно по аналогии — те, которые стоят между собою в таком же отношении, как что-нибудь другое к чему-нибудь другому. При этом последние (более общие) формы единства всегда сопутствуют предшествующим, как, например, то, что едино по числу, едино и по виду, но то, что едино по виду, не все едино по числу; в свою очередь по роду едино все, что едино и по виду, но то, что едино по роду, не все едино по виду, а — по аналогии; с другой стороны, то, что едино по аналогии, не все едино по роду. Очевидно вместе с тем, что случается, когда говорится о многом, будут противоположны тем, когда говорится о едином. Одно будет обозначаться как многое, потому что оно не непрерывно, другое — потому что у него материя, или первая или последняя, может быть отнесена к различным видам, еще другое — потому что (в этом случае) понятий, указывающих суть бытия, больше чем одно¹. Эта связь единого и многого есть вместе с тем связь общего и единичного, ибо многое по числу может быть единым по виду и по роду только потому, что в нем есть нечто общее. Отрицание множественности в бытии, отрицание связей чего-то одного и иного, различия в тождестве и единичного помимо общего, как это делали представители мегарской школы, или, наоборот, отрицание тождества в различии, общего помимо единичного, как это делали представители кинической школы, ведет к отрицанию предикации вообще, к учению о допустимости лишь контаминирующих суждений. Только понимание бытия как связи чего-то одного и иного, единичного и общего, тождественного и различного дает возможность понять суждение как форму знания действительности.

После того как установлено, что суждение, чтобы быть истинным, должно соответствовать имеющимся в бытии соединениям и разъединениям, присущности или неприсущности чего-то чему-то, встает вопрос: каким логическим требованиям должна удовлетворять мысль, чтобы возникло то, что Аристотель называет утверждением и отрицанием,

¹ «Метафизика» V, 6, 1016 б 31—1017 а 6.

Соотнесение со-
по себе она не истинна и не ложна. (Соотнесение со-
держания мысли с действительностью может определиться
как истинна или ложь только в том случае, если оно осуше-
ствится в форме податания чего-то (предмета мысли или
любой его определенности) существующим или несущест-
вующим в действительности, т. е. в форме утверждения или
отрицания чего-то относительно чего-то.

К установлению изложенных условий образования мы-
сли, определенной как истинная или ложная, Аристотель
приходит через анализ смысловой стороны грамматической
формы той речи, которую он называет высказыванием или
высказывающей речью. Такой метод установления формы
мысли вряд ли может вызывать возражения по существу.

Всякая мысль существует и для других, и для самого
думющего не иначе, как в языковом выражении, в речи,
способной выражать не только содержание мысли, но и
любую форму, в которую облекается мысль. Поскольку
форма мысли есть тип связи элементов мысли между собой
и мысли друг с другом, а всякая мысль имеет ту или иную
форму, то в любом языке должны существовать и средства
выражения этих связей, а не только их названия, которые,
кстати говоря, появляются только после того, как в абстрак-
ции уже состоялось выделение логической формы. Этими
средствами выражения являются грамматические формы,
из которых наиболее важна для логики синтаксическая
форма. В самом деле, именно грамматические формы (при
наличии словарного состава языка) позволяют сознанию
становиться мыслящим сознанием, отдающим себе отчет
в действительности своих содержаний. Без грамматических
форм связи предмета мысли с содержанием мысли и связи
мысли друг с другом не находили бы выражения, а без этих
связей не было бы мышления как опосредствованного отра-
жения действительности, в котором сознание не просто
отражает действительность, а отдает себе отчет в действи-
тельности своих содержаний.

Отсюда, чтобы найти логическую форму, необходимо
обратиться к непосредственной действительности мысли
в человеческой речи, а через раскрытие смысловой стороны
грамматических форм можно установить и соответствующую
логическую форму. Так именно и поступает Аристотель
в своей книге «Об истолковании», посвященной исследова-
нию суждения вообще и его частных форм. Однако он нигде

не вводит специального термина для обозначения чистой
логической формы суждения, как это делается в современ-
ной логике, а пользуется грамматическими терминами:
«речь», «высказывающая речь» и т. д., обозначающими язы-
ковые выражения соответствующих логических форм.

Аристотель начинает свою книгу «Об истолковании»
с установления соотношения между языком и познанием.
«В звуке, — пишет Аристотель, — есть символы (*символа*)
впечатлений, содержащихся в душе, а письмена — это
(символ) того, что есть в звуке»¹, причем если письмена
и звуки не у всех людей одни и те же, то одними и теми же
для всех являются впечатления и вещи. Штейнталь²,
обращая внимание на то, что Аристотель считает символами
впечатлений души не самые звуки, а то, что есть в звуках,
полагает, что символами впечатлений души являются, по
Аристотелю, значения звуков, которые следует отличать,
как это делали также стоики, от впечатлений души, т. е.
психических состояний. Известные основания для этого он
находит в другом месте трактата «Об истолковании»: «Со-
державшиеся в звуке утверждения и отрицания суть символы
того, что находится в душе»³. Однако, если Аристотель при-
знал впечатления души общими для многих людей, то, ви-
димое, он имел в виду не индивидуальные переживания,
и в таком случае более естественно признать, что впечатле-
ния души, ассоциирующиеся со звуками, о которых гово-
рится в приведенном отрывке, сами являются одним из
значений звуков, выполняющих функции выражения. Если
Штейнталь не прав, то что же имел в виду Аристотель. Если
введенном месте трактата «Об истолковании»⁴ К сожалению,
Аристотель оставил свое высказывание без каких-либо
разъяснений, открыв в этом, как и во многих других слу-
чаях, широкое поле для различных догадок. Если воспользо-
ваться этой возможностью строить догадки, то допустимо
высказать еще две догадки. А именно: 1) может быть, не
будет ошибкой думать, что Аристотель интуитивно различал
звук (то, что в современной лингвистике иногда называют
фоной) и фонему, т. е. звук с его различающей функцией

¹ «Об истолковании», 1, 16 а 3—9.

² H. Steintal, Geschichte der Sprachwissenschaft bei den Griechen
und Römern, mit besonderer Rücksicht auf die Logik, Teil 1, Aufl. 2,
Berlin, 1890, S. 191.

³ «Об истолковании», 14, 24 b 1—2.

фонема в известном смысле в отношении к другим звукам. В каком, по Аристотелю, находится (εἶναι) в звуке в том смысле, в каком, по Аристотелю, находится в вещи не роды и виды, а качества вещи (см. об этом гл. 7 настоящей работы). 2) Может быть, Аристотель имел в виду различие между конкретным звуком и абстрактным звуком, т. е. некоторой единичных произнесен-ных «а». В самом деле, каждый единичный звук «а», т. е. множество, например конкретный единичный звук «а», т. е. звук, существующий только «здесь» и «теперь», не повторим и потому не может в своей единичности стать символом общих для многих людей представлений и мыслей. Таким символом может быть только то общее, что «есть» в каждом из единичных неповторимых звуков «а». Этот абстрактный звук «а» мог бы быть назван, если выражаться языком Аристотеля, сутью бытия или видом (εἶδος) «а». Суть бытия или вид того или иного конкретного единичного звука, но тоже существует не отрешенно от единичного в том же смысле, в каком находится в единичной вещи качества, в данном случае фонемы. Вид причастен единичному как причина или закон, по которому возникает единичное. Вспомним (см. гл. 4), что, согласно Аристотелю, единичное есть составное целое, состоящее из формы и материи.

Если не всякая мысль может быть истинной или ложной, то так же обстоит дело и с выражением мысли — с речью. Каким же требованиям должна удовлетворять речь, чтобы быть истинной или ложной, или, точнее, чтобы стать выражением истины или лжи?

Аристотель различает в речи (λόγος) имя (ὄνομα) как в семантическом смысле неделимый звук (φώνη), условно как семантически неделимый звук, присоединяющийся к зна-чению указания того, что происходит во времени, и глагол (ῥήμα) обозначающий то, что говорится о чем-то другом¹. При сам по себе без связи, то он употребляется как имя, что-то обозначающее (например, бежать), но не сообщающее, есть ли что-то или чего-то нет. Только в соединении с имен-ным глаголом становится выражением соотношения содержания

¹ «Об истолковании», 2, 3.

голоса, в основе различия имен и глаголов лежит функция слова: имя — это слово, имеющее функцию обозначать что-то и выражать какое-то содержание, глагол — это слово, имеющее, помимо функции обозначать что-то, еще допол-нительную функцию, когда он соединяется с именем, — функцию сообщать что-то о подлежащем и выражать связь содержания мысли с бытием просто или во времени: в прош-лом, настоящем или в будущем, т. е. соотносить мыслимое с действительностью. Ни имена сами по себе, поскольку в них не мыслится соотношение содержания мысли с дей-ствительностью (что возможно только во времени, выраже-нием чего служит глагол), ни глаголы сами по себе, по-скольку они без имен не выражают соотношения чего-то с действительностью, не являются средствами выражения истины или лжи, т. е. не являются высказываниями. Иначе говоря, имена сами по себе и глаголы сами по себе могут выражать лишь незаконченные мысли, т. е. такие, в которых остается неопределенным либо предмет мысли, либо — если предмет мысли назван через имя или глагол — то, что думают об этом предмете. Только через соединение имен с глаголами возникает выражение законченной мысли, в котором назван предмет мысли и выражено то, что о нем думают.

Как говорит Аристотель, «имена и глаголы сами по себе подобны мысли без соединения и разъединения, например человек, белое, когда ничего не прибавляется, так как это еще не истина и не ложь. Показательство этого следующее: ведь и козлоолен (κροκόδειλος) что-то обозначает, но еще не истина и не ложь, когда не прибавлено бытие или небы-тие или вообще, или в отношении времени»¹.

Именно присоединение к мыслимому бытия, т. е. соот-несение мыслимого с действительностью, делает мысль та-кой, которая может определяться как истинная или ложная. Средством же присоединения бытия является присоединение к имени глагола. Поэтому, как говорит Аристотель, «вся-кая высказывающая речь должна включать глагол или его флексию (πτῶσις)»². Например, без присоединения «есть», «был» или «будет» слово «человек» не будет высказыванием. Без глагола нет утверждения и отрицания³.

¹ «Об истолковании», 1, 16 а 13—18.

² «Об истолковании» 5, 17 а 9—11.

³ «Об истолковании» 10, 19 в 12—13.

Отсюда видно, что тот элемент утверждения или отрицания, который впоследствии был выделен в виде связи (сериал) и который Аристотель не выделял, относя его к ска- занию (но всему тому, что называется о предмете мысли), зумому (но всему тому, две функции: во-первых, соот- ветствующий, по Аристотелю, нозмы) и, во-вторых, соот- ветствующий содержанию мысли действительностью.

Однако, как было уже сказано¹, не всякое соотношение носит мысленное с действительностью образуют нозмы или сочетания нозм с действительностью образуют форму мысли, в которой мысль может определяться как истинная или ложная. Выражать истину и ложь может только такая речь, которая есть утверждение или отрицание. Чтобы оказалась возможной истина или ложь, необходимо такое соотношение мыслимого содержания с действительностью, в котором что-то сообщается о действительности как существующее (в том числе — присущее) или не существующее, т. е. в форме утверждения или отрицания. Утверждение и отрицание могут быть истинными или ложными в зависимости от того, соответствуют они или не соответствуют существованию или присущности чего-то чему-то в действительности. Поэтому простое высказывание Аристотель определяет как утверждение или отрицание и как звук, как некое звуковое единство, обозначающее присущность или неприсущность одного другому с различием во времени. Решающим для определения истинности или ложности оказывается соответствие того, что сказано, с тем, к чему оно отнесено. В «Метафизике» Аристотель указывает: «Так вот, обстоятельства (περίστασις) называются ложными в указанных случаях, или если их нет, или если высказанное ими представление есть представление о несуществующем предмете; а ложное высказывание это такое, которое, поскольку оно ложное, говорит о несуществующем предмете; так что всякое высказывание ложно по отношению к объекту, отличному от того, о котором оно истинно, как, например, (истинное) высказывание о круге ложно, в отношении треугольника»².

Поэтому утверждение того, что действительно есть в том предмете, который имеется в виду в суждении, и отрицание того, чего нет в имеющемся в виду предмете, есть истина,

¹ См. выше, стр. 127.

² «Метафизика» V, 29, 1024 b 24—28.

а утверждение того, чего нет, или отрицание того, что есть в имеющемся в виду предмете, есть ложь.

Отсюда видно, что утверждение и отрицание в понимании Аристотеля не есть психологическое состояние убежденности или уверенности в чем-то, а есть полагание в мысли чего-то в качестве существующего или несуществующего, присущего или неприсущего предмету мысли в действительности. Это полагание может быть или принимаемым лишь в качестве вероятного (как это бывает в диалектических рассуждениях, которые Аристотель определяет как рассуждения, исходящие из вероятного), или необходимо истинным (как это имеет место в аподиктических рассуждениях), или только имеющим видимость вероятного (как это имеет место в софистических рассуждениях). Полагание может сопровождаться убеждением, недоверием, колебанием, сомнением, верою и т. д. Для логики имеет значение не факт наличия или отсутствия психологического состояния убежденности, не та или иная степень веры или уверенности в том, что принимается или полагается в рассуждении как существующее или несуществующее, как присущее или неприсущее чему-то, а само это полагание, которое истинно или ложно в зависимости от соответствия или несоответствия его действительности. С точки зрения Аристотеля, вопросами убеждения кого-то в чем-то и вопросами средств создания убежденности у собеседника или слушателей должна заниматься не наука о доказательстве, а наука или, точнее, искусство, соответствующее диалектике, но направленное на практические цели, а именно искусство убеждать, риторика, задача которой, по Аристотелю, состоит именно в нахождении всех возможных средств убеждения¹. Для логического же исследования имеют значение не эти вопросы, а вопросы доказывания, в состав которого входит полагание чего-то в качестве существующего или несуществующего, присущего или неприсущего, ибо именно полагание, а не убеждение лежит в основе умозаключений. Таким образом, утверждение и отрицание, имеющие смысл полагания существования и несуществования чего-то, в Аристотелевой логике рассматриваются как факты не психологические, а гносеологические или, точнее, логические.

¹ «Риторика» I, 2, 1355 b 26—27.

В зависимости от того, содержит ли высказывание только утверждение или отрицание существования предмета или, кроме того, сообщает о какой-то определенности мыслимого предмета, Аристотель различает двухчленные, трехчленные суждения. Пример трехчленного высказывания: «человек есть справедливый»¹.

В соответствии с учением о суждении как утверждении высказывания различает в суждении два элемента: 1) подлежащее (ὑποκείμενον) — то, относительно чего что-то утверждается или отрицается, то, о чем что-то говорится (καὶ ὅ κατ'αὐτόν), разумея под подлежащим то, на что направлена мысль — сам предмет мысли, а не репрезентант предмета в сознании в виде его понятия или представления и не его словесное обозначение. Понятиями и словесных выражениях, а не о том, что они репрезентируют или обозначают. 2) Сказуемое (κατ'αὐτοῦ λεγόμενον)², т. е. все то, что утверждается или отрицается. То, что в традиционной логике выделяется в качестве связи суждения (copula), Аристотель не выделял, может быть, потому, что основную функцию, выполняемую связкой, — соотношение с действительностью (присоединение бытия) — он считал функцией сказуемого — простого («человек есть справедливый») в трехчленном. Вопрос о выделении связи, выражаемой словами «есть» (ἐστί) и «не есть» (οὐκ ἐστί), как особой частицы, соединяющей или разъединяющей термины посылки, впервые поставил, по-видимому, Александр Афродисийский³.

В зависимости от того, относится ли утверждение или отрицание к одному или ко множеству, а также от того, сказано ли, что-то всеобщим или не всеобщим образом, и, наоборот, в зависимости от того, высказывается ли действительность, возможность или необходимость чего-то, Аристотель

¹ «Об истолковании», 10, 19 b 14—18.
² «Об истолковании», 10, 19 b 19—21.
³ «Первая Аналитика» 1, 1, 24 b 17—18; ср. «Физика» 1, 185 a 31—32.

⁴ Схолия к «Первой Аналитике» Аристотеля, 146 a 18 — b 43.

в книге «Об истолковании» и в «Первой Аналитике» классифицирует суждения следующим образом:

Во-первых, как было сказано, всякое суждение есть утверждение или отрицание. Утверждение определяется как высказывание чего-то о чем-то. Отрицание определяется как высказывание, отрицающее что-то от чего-то¹. При этом каждому утверждению противостоит отрицание, и наоборот отрицанию — утверждение². Одно утверждение имеет лишь одно отрицание³. Одно утверждение отрицать именно то, не меньше и не больше, что утверждается о том же предмете, будет ли предмет единичным или общим, высказывается ли о нем что-то всеобщим образом или нет⁴. Поэтому утверждение и отрицание одного и того же относительно одного и того же относятся друг к другу как истина и ложь. Они связаны законами противоречия и исключенного третьего. А именно, если утверждение чего-то истинно, то отрицание того же — ложно, а если утверждение ложно, то отрицание того же — истинно. И наоборот: если отрицание чего-то истинно, то утверждение того же — ложно, а если отрицание ложно, то утверждение того же — истинно. Это деление суждений на утвердительные и отрицательные в традиционной логике получило название деления суждений по качеству.

Во-вторых, что-либо может сказываться о многом и об одном. «Есть предметы общие и единичные. (Общим я называю то, что может сказываться о многом, а единичным то, что не может сказываться о многом; человек — общее, Каллий — единичное.)»⁵ О многом что-либо может сказываться всеобщим образом, например «всякий человек бел» и «ни один человек не бел», и не всеобщим образом, например «не всякий человек бел» или «есть некий белый человек»⁶. В этом делении суждений не трудно видеть так называемое деление суждений по количеству: на единичные, общие и частные, хотя общность и частность суждений о многом есть, по Аристотелю, элемент сказуемого, а не «количества» подлежащего. В «Первой Аналитике» Аристотель вводит еще класс так называемых неопределенных сужде-

¹ «Об истолковании», 6, 17 a 25—26.
² «Об истолковании», 6, 17 a 31—34.
³ «Об истолковании», 7, 17 b 13—18 a 1.
⁴ «Об истолковании», 7, 17 a 38—39.
⁵ «Об истолковании», 7, 17 b 5—6, 25—26.

ний (ἀνέκδοτον), т. е. таких, в которых отсутствует указание на то, всякому или некоторым присуще то, что сказано, но он не упоминает единичных суждений. «Посылка есть речь, о чем-либо что-либо утверждающая или отрицающая. Она может быть общей (καθόλου) или частной (ἐν μέρει), или неопределенной. Общей я называю присущее всякому или какому-то некоторому (πᾶσι ἢ τινὶ) присущее всякому или не присущее (μὴ πᾶσι), неопределенной — присущее не всякому (μὴ καθόλου) всему (τινὶ) или присущее не присущее без (указания) всему — присущее или не присущее (если говорят): противоположности некоторому, например, «если говорят»: «удовольствие изучается одной и той же наукой, или — удовольствие не есть благо»¹. Впоследствии перестали выделять неопределенные суждения, и в тех случаях, когда они встречаются в умозаключениях, предлагалось принимать их за частные.

В-третьих, Аристотель делит суждения в зависимости от того, называется ли что-то как возможное или как действительно, или же как необходимое. Это деление известно под названием деления по модальности. «Не одно и то же, — говорит Аристотель в «Первой Аналитике», — быть присущим (просто) (ἐστὶν ἁπλῶς) или необходимо присущим (ἐστὶν ἀναγκρᾷ ἁπλῶς), или возможно присущим (ἐνδεχέσθαι ἁπλῶς)². Соответствующие суждения в традиционной логике называют асерторическими, аподиктическими и проблематическими. Как будет видно из последующих глав, Аристотель имеет в виду здесь не логические модальности — просто истинное, необходимо истинное и возможно истинное, а онтологические: действительное, реально необходимое и реально возможное.

Сводную классификацию в целях анализа силлогизма Аристотель дает во 2 главе 1 книги «Первой Аналитики»: «Всякая посылка обозначает или присущность (просто), или присущность из необходимости, или возможную присущность, из них... одни бываю утвердительными, другие отрицательными; и далее из утвердительных, другие иные общие, и далее из утвердительных и отрицательных классификации суждений у Аристотеля совершенно не упоминаются сложные суждения, состоящие из нескольких

¹ «Первая Аналитика» I, 1, 24 а 16—22.
² «Первая Аналитика» I, 8, 29 б 29—30.

³ «Первая Аналитика» I, 2, 25 а 1—5.

ких простых суждений, связанных между собой при помощи конъюнктивной (соединительной), дизъюнктивной (исключительно-разделительной) или исключающе-разделительной) и условной связи. Эти суждения были подвергнуты исследованию уже после Аристотеля стоиками. Однако это не значит, что Аристотель их не знал как предмет логических исследований.

Так, правило условных суждений рассматривается Аристотелем в 5 главе II книги «Топики»¹ в качестве приема диалектического опровержения из следствий. Как говорится в этой главе «Топики», каждый, кто что-то утверждает, в известном отношении утверждает многое, так как из каждого положения вытекает всегда многое. Например, если кто-либо утверждает, что этот предмет человек, то он также утверждает, что он — существо живое, одушевленное, двуногое, одаренное разумом и способное к познанию. Можно в таком случае через опровержение одного из таких следствий опровергнуть выдвинутое положение. Возможно, что условные суждения не подверглись у Аристотеля специальному исследованию в более поздних произведениях с той тщательностью, с какой он исследовал силлогизм, потому что считал их предметом изучения скорее диалектики, чем аподиктики. Ведь связь следования: если истинно одно, то истинно и другое, сама по себе не содержит никакой необходимости в признании чего-то истинным; в ней есть необходимость признания истинным последующего, раз признано истинным предшествующее, только в силу признания связи следования, выражаемой словами «если... то». В первой книге «Второй Аналитики»² Аристотель противопоставляет логическое (в смысле диалектического) аналитическому как уходящее в бесконечность условное безусловному. Форму условной связи имеет любое умозаключение, и, как будет показано в дальнейшем, Аристотель определение этой связи, в силу которого она считается ложной в одном и только в одном случае, — когда истинно предшествующее и ложно последующее, — применил в исследовании силлогизма, рассматривая посылки в качестве предшествующего, а заключение в качестве

¹ «Топика» II, 5, 112 а 16—23.

² «Вторая Аналитика» I, 22, 84 а 7—11; ср. «Вторая Аналитика» II, 8, 93 а 1—15.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

УЧЕНИЕ АРИСТОТЕЛЯ ОБ ОТРИЦАНИИ И О ЗАКОНАХ ПРОТИВОРЕЧИЯ И ИСКЛЮЧЕННОГО ТРЕТЬЕГО

последующего¹. Однако задача Аристотеля состояла в том, чтобы найти в силлогизме такое отношение, и притом отношение объективное, которое делало бы необходимым следствие истинности заключения из истинных посылок, т. е. оправдывало бы основанность и следствия. Такими отношениям как связь основанности и следствия терминов исключением, по Аристотелю, являются отношения причины, посылки, источника, истолковываемые им как отношения причины, следствия и носителя причины и следствия.

Правило исключющей дизъюнкции, согласно которому не допускаются вместе отрицание и признание обоих членов дизъюнкции, Аристотель применил в «Топике»² также в качестве приема опровержения. Если предмету необходимо присуще только одно из двух, то можно воспользоваться утверждением одного для отрицания другого и отрицанием одного для утверждения другого.

¹ «Первая Аналитика» II, 2, 53 б 11—15; II, 4, 57 а 36 — б 4.

² «Топика» II, 6, 112 а 24—31.

то время как логические связи дизъюнкции, конъюнкции и условной связи не были

исследованы Аристотелем с надлежащей полнотой, вопросу сущности отрицания и законам отношения утверждения и отрицания, т. е. законам противоречия и исключенного третьего, он уделяет много внимания. И это, конечно, не случайно, ибо аподейктика в отличие от диалектики есть область категорических суждений, область безусловного утверждения или отрицания, безусловного решения вопроса об истинности или ложности высказывания, иначе говоря, аподейктика есть необходимость выбора между двумя членами противоречия.

Как было раньше указано, утверждение и отрицание связаны друг с другом так, что всякому утверждению соответствует одно отрицание и, наоборот, всякому отрицанию

вание, встречаем мы ту особенность, что из двух высказываний всегда одно либо истинно, либо ложно»¹.

Связанность законом противоречия и законом адекватности утверждения и отрицания. Этим утверждение и отрицание чуждого третьего является признаком адекватности утверждения и отрицания. Этим утверждение и отрицание отличаются от всех других противоположностей, как указывает Аристотель, могут оказаться такими, в которых, так же и отношения противной противоположности, как указывает Аристотель, нет середины, но это бывает, как и в случаях противоречия, нет середины, но это бывает лишь тогда, когда противные противоположности таковы, что одна из противоположностей по природе обязательно должна быть налицо, например быть здоровым или больным для тела живого человека². Если же противоположностями таковы, что одна из них обязательно по природе должна быть налицо, например черное и белое, то они обе могут быть отрицаемы и, следовательно, допускается третье.

Между лишним и обладанием, подобно противоречию, нет середины, но опыт-таки при условии, что то свойство, об обладании которым или о лишении которого идет речь, по природе присуще вещи, например зрение и слепота в отношении глаза. Если же соответствующее свойство по природе не присуще вещи, то обладание и лишение оба могут быть вместе отрицаемы, например зрение и слепота в отношении вещи, не способной к зрению³. Правда, можно было бы добавить, что под лишностью зрения можно понимать также и неспособность обладать зрением, а под незрением понимать весь класс предметов, которые не могут определяться как зрячие. В таком случае к противоположностям — зрячим и незрячим — был бы применим закон исключенного третьего в безусловной форме. Но в этом случае мы перешли бы от онтологической противоположности реально-обладания чем-то и лишности чего-то и отрицания. Это различие отмечалось Аристотелем в X книге «Метафизики»: «Потому между членами противоречия нет (ничего) среднего, а когда мы имеем дело с известным отсутствием, такое среднее бывает: все, что бы мы ни взяли, это или есть равное, или не есть равное, между тем не о всем можно сказать, что это равное или неравное, но (разве)

¹ «Категория», 10, 13 а 37 — б 35.
² «Категория», 10, 12 а 2 — 25.
³ «Категория», 10, 12 а 26 — б 5, 13 а 4 — 17.

только о том, в применении к чему можно говорить о равенстве»¹.

Отношение противоречия, понятое таким образом, есть логическое отношение утверждения и адекватного отрицания, а законы противоречия и исключенного третьего — логические законы, связывающие мысль в форму суждения. Однако, как было сказано выше, утверждение и отрицание, по Аристотелю, имеют в бытии свой аналог: существование или несуществование какой-то определенности, причем истина и ложь утверждения и отрицания есть соответствие или несоответствие объективному существованию или несуществованию. Соответственно с этим мы находим у Аристотеля как логическое, так и онтологическое истолкование законов противоречия и исключенного третьего.

Закон противоречия в его логическом истолковании формулируется Аристотелем в «Метафизике» следующим образом: «Не могут быть вместе истинными противоположные положения» и «невозможно истинными образом вместе утверждать и отрицать»². Такова же формулировка и во «Второй Аналитике»: «Невозможно что-либо вместе утверждать и отрицать»³. Здесь говорится только о несоместности утверждения и отрицания одного и того же. Но наряду с этим Аристотель мыслит закон противоречия и как универсальное начало бытия, притом как самое достоверное начало. «Существует в области сущего начало, в отношении которого нельзя ошибиться... Это именно то, что не может одно и то же в одно и то же время быть и не быть»⁴.

Отговорка «в одно и то же время» показывает, что здесь имеется в виду реальная, изменяющаяся во времени действительность и что принцип противоречия не исключает возможности существования и несуществования одного и того же в разное время: можно быть не знающим в юности и знающим в зрелом возрасте. В IV книге «Метафизики» в качестве аксиомы, «имеющей силу для всего существую-

¹ «Метафизика» X, 4, 1055 б 8—11; см. также «Первая Аналитика» I, 46, 51 б 25—28: «Точно так же не одно и то же: быть неравным и не быть равным. Ибо у одного, являющегося неравным, есть подлежащее, и это есть неравное; у другого же нет. Поэтому не все есть равное или неравное, но все есть равное или не есть равное».

² «Метафизика» IV, 6, 1011 б 13—14, 20—21.
³ «Вторая Аналитика» I, 11, 77 а 10.
⁴ «Метафизика» XI, 5, 1061 б 34—1062 а 1.

истот, и в качестве начала, которое необходимо знать человеку, если он познает хоть что-нибудь, приводится закон противоречия в следующей формулировке: «Невозможно, чтобы одно и то же вместе было и не было, будут здесь и тому же и в одном и том же отношении (как только мы также присоединим все (оговорки), какие только мы могли бы присоединить, во избежание словесных затруднений), — это, конечно, самое достоверное из всех начал»¹. Оговорка в одном и том же отношении вводит для указания того, что возможны присущность и неприсущность одного и того же в одно и то же время, но в разных отношениях, например, в одно и то же время можно знать одно и быть в этом отношении незнающим и не знать другого и быть в этом втором отношении знающим. При этом закон противоречия понимается Аристотелем как закон определенности самих вещей. Далее, — говорится в той же IV главе «Метафизики», — если по отношению к одному и тому же предмету вместе правильны все противоречащие («друг другому») утверждения, то ясно, что в таком случае все будет одним (и тем же). Действительно, одно и то же будет и триерой, и стеной, и человеком, раз обо всяком предмете можно и утверждать и отрицать что-нибудь, как это необходимо признать тем, которые принимают учение Протагора. И в самом деле, если кто-нибудь полагает, что человек не есть триера, то очевидно, что он не триера. А следовательно, он вместе с тем и есть триера, раз противоречащие («друг другому») утверждения истинны. И в таком случае получается, как у Анаксгора: «Все вещи вместе и, следовательно, ничего не существует истинным образом»².

Закон противоречия в онтологическом его понимании вовсе не исключает смены противоположностей в одной и той же вещи. В «Категориях» указывается, что речь, оставаясь той же самой, оказывается иногда истинной, а иногда ложной в зависимости от смены противоположностей в действительности³. Более того, закон противоречия в его онтологическом понимании, в силу которого одна и та же определенность действительности не может в одно и то же время в одном и том же отношении вместе существовать и не существовать, не исключает существования в одной

¹ «Метафизика» IV, 3, 1005 b 19—23.
² «Метафизика» IV, 4, 1007 b 18—26.
³ «Категория», 5, 4 a 30 — b 19.

и той же реальной вещи или в реальном явлении противоположных и борющихся друг с другом определенностей, борьба между которыми разрешается в движении.

Однако Аристотель, понимая закон противоречия как универсальный принцип мышления и бытия, «имеющий силу для всего существующего», пользуется им как основной метафизического понимания действительности: определенности, называемые формами бытия, приобретают у него характер вечных и неизменных начал, которым не присущи становление, ни изменение, ни разрушение. Отсюда у Аристотеля возникает отмеченная В. И. Лениным¹ упорнейшая борьба с Гераклитом².

Что касается закона исключенного третьего, то в своем безусловном значении он имеет смысл лишь закона отношения утверждения и адекватного отрицания — отношения истинны и лжи, т. е. чисто логического закона. Правда, у Аристотеля есть и онтологическое истолкование закона исключенного третьего, но в последнем случае этот закон перестает быть безусловным и оказывается применимым лишь с теми оговорками, о которых говорилось выше, когда речь шла о противных противоположностях, а также об отношении лишения и обладания. Вот логические формулировки закона исключенного третьего: «Равным образом, не может быть ничего посредине между двумя противоречащими («друг другому суждениями»), но об одном одно необходимо либо утверждать, либо отрицать. Это становится ясным прежде всего, если мы определим, что такое истина и ложь. В самом деле, говорить, что сущее не существует или несущее существует, — это ложь, а («говорить»), что сущее существует и не-сущее не существует, — это истина»³. «Если теперь-ложь есть не что иное, как отрицание истинны, то все не может быть ложным, ибо один из членов противо-

¹ См. В. И. Ленин, *Соч.*, т. 38, стр. 366.
² «Метафизика» IV, 7, 1012 a 24—26: «И, по-видимому, положенные Гераклита, утверждающее, что все существует и не существует, делает все истинным». «Метафизика» XI, 5, 1062 a 31—34: «И, ставя вопрос подобным образом, удалось бы и самого Гераклита быстро принудить к признанию, что противоположные утверждения об одном и тех же вещах никогда не могут быть верными». См. также «Метафизика», кн. IV, гл. 5, 8.
³ «Метафизика» IV, 7, 1011 b 23—27; см. также 1012 a 2—3; X, 4, 1055 b 2, 8—9.

реша должен быть истинным»¹. Онтологический аспект закона исключенного третьего выявляется в следующей формулировке: «Ведь противоречие означает как раз это — такое противопоставление, в котором одна из двух частей (обязательно) присуща любой вещи, причем промежуточного здесь ничего нет»². Как видно из этой формулировки, оно здесь отсутствует, если один из членов противоположности по природе обязательно присущ вещи (так же, как при наличии отрицаний противоположности и отношений лишения и обладания). Для логической формулировки закона исключенного третьего не требуется уже никакой оговорки: достаточного, если члены противоположности определены как утверждение и адекватное отрицание.

Можно подумать, что закон исключенного третьего и закон противоречия восполняют друг друга и составляют такое же единство, какое имеется в исключашей дилемке или (или день, или ночь), где альтернативы, которые не могут быть вместе исключены (если нет дня, то есть ночь), не могут также совмещаться (если есть день, то нет ночи). Оба закона действительно восполняют друг друга в случае точного соответствия отрицания утверждению, что у поздних комментаторов стало называться «совершенным противоречием» (*τὸ ἐν ἀντιφάσει*)³. Но если отрицание соответствует утверждению не точно, то или оба закона теряют свое значение, или действует лишь один закон противоречия. Эти случаи Аристотель исследует в своей книге «Об истолковании» как в целях определения разных смыслов отрицания, так и в целях установления видов высказываний.

Для того чтобы найти отрицание, точно соответствующее утверждению, и тем самым установить подлинное противоречие, нужно знать, что именно в суждении утверждается, и отрицать следует именно то, что утверждалось, не меньше и не больше. При этом, говорит Аристотель, далеко не всегда, где именно ставится отрицание в высказывании. Отрицанием высказывания: «Быть белым человеком» будет высказывание: «Не быть белым человеком», а не высказывание: «Быть небелым человеком»⁴. При определении

¹ «Метафизика» IV, 8, 1012 b 8—11.
² «Метафизика» X, 7, 1057 a 34—36.

³ C. Prantl, Geschichte der Logik im Abendlande, Bd. I, S. 595.
⁴ «Об истолковании», 12, 21 b 2—3.

противоречия проще всего дело обстоит с единичными суждениями, в которых отсутствует различие между утверждением чего-то всеобщим образом и не всеобщим образом. Чтобы отрицать совершенным и адекватным образом суждение «Сократ — белый», достаточно отвергнуть ту определенность Сократа, которая мыслилась, и сказать: «Сократ не белый»¹. Здесь отрицание предпринимается определенной равносильно отрицанию самой предикации, т. е. самого суждения. Другое дело, когда речь идет об отрицании суждений о многом. В этих случаях какая-либо определенность может сказываться или всеобщим образом, например «всякий человек справедлив», или частным образом — «есть некий человек справедлив», чему равносильно высказывание «некоторые люди справедливы». Если утверждению о многом всеобщим образом: «всякий человек справедлив», противопоставляется отрицание той же определенности и тоже всеобщим образом: «ни один человек не справедлив», то в этом случае не только отрицается утверждение, но с отрицанием связывается признание противоположной всеобщности. Два таких общих суждения, как говорит Аристотель, не могут быть вместе истинными, и, следовательно, здесь действует закон противоречия, но они могут оказаться вместе ложными, и противоречие им суждений: «не всякий человек справедлив» и «есть некий справедливый человек», могут быть вместе истинными. Противоположность таких суждений, как «всякий человек справедлив» и «ни один человек не справедлив», Аристотель называет противной противоположностью, а самые высказывания — противными (*ἐναντία αἰ ἀποφύσει*). Очевидно, в этом случае мы имеем дело с чем-то большим, чем только отрицание утверждения. Отрицанием — и только отрицанием — утверждения: «всякий человек справедлив», будет суждение: «не всякий человек справедлив», ведь смысл утверждения состоял в предикциировании людям всеобщим образом справедливости, и отрицание утверждения в этом случае должно заключаться в отрицании всеобщности предикциирования. Равно как отрицанием — притом достаточным отрицанием — суждения в целом: «ни один человек не справедлив», будет суждение: «есть некий справедливый человек». Такие пары суждений не могут быть вместе

¹ «Об истолковании», 7, 17 b 28—29.

истинным и вместе ложным: одно из них непременно ложно, а другое истинно¹. Такая противоположность суждений и есть противоречие, связанное не только законом противоречия, но и законом исключенного третьего. «Противостоит же противоречанию образом (ἀντιθέσθαι... ἀντιπρῆξις) утверждение отрицанию, если одно обозначает общее, а другое обозначает не общее, например, «каждый человек бел» и «не всякий человек бел», «ни один человек не бел» и «есть некий белый человек»². Здесь смысл человек не бел и есть некий белый человек»³. Здесь смысл так называемых частных суждений раскрывается как отрицание соответствующих общих суждений.

Резюмируя изложенное, можно сказать, что: 1) если в одном суждении отрицается не то же самое, что утверждалось в другом, или то же самое отрицается, но не отрицается того же самого, то в таком случае эти суждения не только того же самого, но и относительно друг к другу как утверждение и отрицание и связаны законом противоречия, ни законом исключенного третьего; 2) если в одном суждении отрицается то же самое, что утверждалось в другом, и относительно того же самого, то такие суждения относятся друг к другу как утверждение и отрицание и связаны законом противоречия во всех случаях, независимо от того, является ли другое суждение только отрицанием или не только отрицанием, лишь бы отрицание состоялось (отрицание может implitely содержаться в утверждении, оно может быть выражено явно, с ним может быть связано новое утверждение, оно может быть более чем достаточным отрицанием); 3) если в одном суждении отрицается то же самое, что утверждалось в другом, и относительно того же самого, и при этом только отрицается, то такие суждения будут относиться друг к другу как утверждение и противоречащее ему адекватное отрицание: они будут связаны не только законом противоречия, но и законом исключенного третьего.

С отрицанием суждения не следует смешивать введение языковых отрицательных терминов или, как их назовем, соответствующих отрицательных имен и глаголов. При отрицании не только определенных суждений могут быть глаголы, но и неопределенные или неопределенные глаголы. Например, можно ввести неопределенные имена для подде-

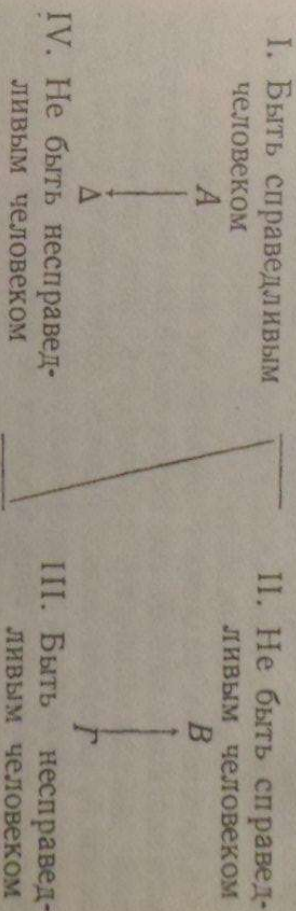
¹ «Об истолковании», 7, 17 б 26—27.
² «Об истолковании», 7, 17 б 16—20.

жащего, и тогда возможны будут такие противоположности¹:

- I. Есть человек.
- II. Нет человека.
- IV. Нет нечеловека.
- III. Есть нечеловек.

В этой таблице суждения первое и третье (I и III), второе и четвертое (II и IV) совместимы друг с другом: одно суждение не отрицает другого, оба или утверждают, или отрицают существование разного, хотя в третьем и четвертом (III и IV) введен отрицательный (неопределенный) термин. Суждения же первое и второе (I и II), третье и четвертое (III и IV) не совместимы друг с другом, ибо здесь утверждается и отрицается одно и то же относительно одного и того же.

Иное отношение будет, если неопределенным термином станет сказуемое²:

Эти суждения связаны следующими отношениями³. Если есть первое (I), то есть и четвертое (IV), как показано стрелкой, но не наоборот, так как четвертое (IV) суждение не исключает отрицание человека вообще, в том числе и справедливого человека: о том, что не есть несправедливый человек, нельзя с необходимостью сказать, что это есть справедливый человек: может быть, это вообще не человек. Равным образом, если есть третье (III), то есть и второе (II), но не наоборот. Из этой таблицы видно, что так называемое превращение (obversio) не есть образование

¹ «Об истолковании», 10, 19 б 15—16.

² «Об истолковании», 10, 19 б 27—29.

³ Разбор этого примера, взятого из книги «Об истолковании», сделан на основании того анализа противоположных высказываний, который дан Аристотелем в «Первой Аналитике» I, 46, 51 б 36 — а 17; см. также 51 б 26—27.

эквивалентного суждения, ибо из истинности утверждения в этом случае следует истинность превращенного суждения, не следует истинности исходного суждения.

Суждения первое и второе (I и II), третье и четвертое (III и IV), первое и третье (I и III) попарно, как показано в таблице линий, не могут сказываться об одном и том же, но первое и четвертое (I и IV), второе и четвертое (II и IV), а также второе и третье (II и III) совместимы. Что касается суждений второго и четвертого (II и IV), то они совместимы потому, что являются отрицаниями, допускающими вообще несуществование человека.

Если отношение утверждения и отрицания уясняет смысл общих и частных суждений, то это отношение имеет значение также и для уяснения смысла суждений различных модальностей. Именно отношение утверждения и отрицания дает возможность установить смысл суждений о возможности и необходимом. Наибольшие трудности связаны с учением о суждениях возможности.

Аристотель различает логическую возможность — возможность мысли быть соответствующей или несоответствующей действительности, возможность быть истинной или ложной, которую можно назвать допустимостью (*ἐνδεχόμενον*), и возможность онтологическую, или реальную (*δυνατόν*), как то, что может быть и может не быть в самой действительности.

При этом Аристотель устанавливает три значения термина «возможное»: «Ибо возможным мы называем и то, что необходимо, и то, что не необходимо, и то, что возможно (*δυνατόν*)»¹. Это значит, что мы иногда называем возможным не только возможное в собственном смысле, т. е. то, что может быть и может не быть, но и то, что существует, и даже то, что возникает необходимым образом. Утверждение или отрицание возможного в собственном смысле подчинено тем же правилам, что и утверждение и отрицание существующего и необходимого; в частности, здесь приращения суждений о существующем третьего и общие правила об отрицании суждений о существующем.

Другое дело — высказывания об онтологической возможности в собственном смысле. Такие суждения по су-

¹ «Первая Аналитика» I, 3, 25 а 38—39.

шеству имеют смысл утверждения того, что что-то в будущем может случиться и может не случиться¹. Примером такого суждения может быть следующее: «завтра может быть морское сражение». Отрицанием такого суждения нельзя считать суждение: «завтра может не быть морского сражения», ибо и то и другое суждения совместимы. Несовместимыми и не допускающими третьего будут суждения: «завтра может быть морское сражение» и «завтра не может быть морского сражения». Таким образом, отрицанием суждения о возможности будет суждение о невозможности и, наоборот, отрицанием суждения о невозможности будет суждение о возможности. Онтологическая возможность как особый род бытия такова, что она не содержит в себе никакой необходимости и в этом смысле противоположна ей. Отсюда вытекает ряд следствий, часть которых будет рассмотрена в учении Аристотеля о силлогизме (на примере, недопустимость обращения общеотрицательного суждения о возможном и обратимость частноотрицательного суждения о возможном). Здесь же одно из следствий должно быть рассмотрено в связи с законами противоречия и исключенного третьего. Это следствие формулируется как неприменимость закона исключенного третьего к суждениям о будущем. Как говорит Аристотель, необходимо, чтобы что-то стало или не стало в будущем, но не необходимо, чтобы оно именно стало (иначе оно перестало бы быть возможным)². Например, завтра необходимо будет или не будет морское сражение, но не необходимо, что завтра оно будет, так же, как не необходимо, что завтра его не будет. В таком случае ни один из членов противоположности в суждении о будущем не может считаться ни необходимым истинным, ни необходимым ложным, хотя один из них, например «завтра не будет морского сражения», является отрицанием другого: «завтра будет морское сражение». «Отсюда ясно, — говорит Аристотель, — что не необходимо, чтобы из всех противоположных утверждений и отрицаний одно было истинным, а другое ложным»³.

Однако здесь выражения «утверждение» и «отрицание» употребляются Аристотелем уже не в том смысле, в каком он употреблял их сам при разъяснении закона исключен-

¹ «Об истолковании», 9; «Первая Аналитика» I, гл. 3, 13 и 17.

² «Об истолковании», 9, 19 а 28—32.

³ «Об истолковании», 9, 19 а 39 — б 2.

кого третьего. Это будет видно из рассмотрения возможных

Если суждения: «автра будет морское сражение», выражают мыслимые смыслы суждений о будущем морского сражения, то, как это явля не будет морского сражения», морское сражение» возможности. «автра может быть морское сражение», то, как это и завтра может не быть морского сражения», то, как это было указано выше, они не относятся друг к другу как утверждение и отрицание, а каждое из них может рассматриваться как утверждение одной из возможных противоположностей¹. Они вместе могут быть истинными, если существует реальная возможность завтрашнего морского сражения, или ложными, если такой реальной возможности нет. Отношение их друг к другу не связано ни законом исключенного третьего, ибо истинной может быть отрицание одного и другого при признании невозможности или необходимости завтрашнего морского сражения, ни законом противоречия, ибо и то и другое суждения совместимы и выражают одну и ту же возможность только в противоположных формах. Истинность или ложность их обоих вместе будет зависеть от соответствия или несоответствия мыслимой возможности объективной возможности морского сражения в момент высказывания суждений. Подлинным отрицанием суждения о реальной возможности завтрашнего морского сражения («автра может быть морское сражение») будет, как было выше сказано, не суждение: «автра может не быть морского сражения», а суждение: «автра не может быть морского сражения», эквивалентное суждению: «ложно, что завтра может быть морское сражение». Иначе говоря, отрицанием возможности чего-либо является полагание его невозможности, т. е. того, что противоположно необходимости, а не возможности. Так как полагание невозможности есть подлинное отрицание возможности, то суждения о возможности и невозможности подчинены закону противоречия и закону исключенного третьего. Такие суждения несовместимы, и между ними нет ничего среднего: если ложно полагание возможности чего-либо, то истинно полагание его невозможности, и если ложно полагание невозможности чего-либо, то истинно полагание его возможности. Точно также же отношение будет и между противоречащими противоположностями: «может не быть» и «необходимо будет».

¹ «Реперная Аналитика» 1, 13, 32 а 28 — в 3.

Если бы, далее, суждениям: «завтра будет морское сражение» и «завтра не будет морского сражения», придавался смысл аподиктических суждений о необходимости завтра морского сражения и о его невозможности завтра, то такие суждения были бы подчинены закону противоречия, ибо невозможность чего-либо содержит отрицание его необходимости, но не были бы подчинены закону исключенного третьего, ибо каждое из них содержало бы больше, чем этого достаточно для отрицания другого. Ведь достаточным отрицанием необходимости будет не-необходимость, т. е. возможность, а достаточным отрицанием невозможности также будет возможность. Оба таких суждения могли бы быть отрицаемы вместе через признание реальной возможности завтрашнего морского сражения — возможности того, что оно будет, и возможности того, что его не будет. Однако здесь, как видно из сказанного, закон исключенного третьего оказывался бы неприемлемым не в силу исключения из общего правила, а только потому, что сами суждения относились бы друг к другу не как противоречащие, а как противные (контрарные) противоположности.

Очевидно, Аристотель, говоря о неприменимости закона исключенного третьего к утверждениям и отрицаниям относительно будущего как об исключении из общего правила связанности этим законом всякого утверждения и отрицания, имел в виду не противоположные возможности будущего (не относящиеся друг к другу как утверждение и отрицание и составляющие содержание проблематических суждений) и не контрарные противоположности необходимого и невозможного (составляющие содержание аподиктических суждений), а какие-то иные противоположности. Какие же именно? Если это не противоположности проблематических и аподиктических суждений, то остаются противоположности асерторических суждений, т. е. суждений просто о действительном. Если дело обстоит так, то в этом случае суждения: «завтра будет морское сражение» и «завтра не будет морского сражения», должны иметь смысл асерторических суждений о будущем, т. е. суждений, присписывающих или отрицающих что-то просто в отношении действительности будущего, в данном случае — в отношении действительности завтрашнего дня. В этом, условно говоря, асерторическом смысле противоположности: «завтра будет морское сражение» и «завтра не будет морского сражения».

относится друг к другу как бытие и небытие морского сражения, т. е. как противоречащие утверждения и отрицания. Тем самым имеют вид адекватности завершенного дня еще не. Однако самой действительности завершенного дня еще нет, а тем самым отсутствует то, в отношении с чем суждения могут быть истинными или ложными. В таком случае, несмотря на то что данные суждения находятся друг к другу в противоречащей противоположности, ни одно из них не истинно и не ложно и, следовательно, закон исключенного третьего, в силу которого одно из противоречащих суждений необходимо истинно, неприменим.

Здесь для логики Аристотеля возникает кажущееся непреодолимым затруднение, которое сам Аристотель, к сожалению, не разъяснил. В самом деле, как примирить изъятие суждений о будущем из сферы действия закона исключенного третьего с Аристотелевой же интерпретацией этого закона как закона отношения друг к другу утверждения и отрицания, в частности с указанными на то, что один из членов противоречия должен быть непременно истинным? Если приведенные суждения о будущем — действительные утверждения и отрицание и к ним неприменим закон исключенного третьего, то необходимо особо определить те утверждения и отрицания и те противоречия, к которым этот закон применим. Если же закон исключенного третьего применим ко всем утверждениям и отрицаниям как соединениям и разъединениям в мыслях того, что соединено или разъединено в бытии, как это явствовало из формулировок самого Аристотеля, то надо признать, что в суждениях о будущем, если они не понимаются в смысле проблематических и аподиктических, утверждением и отрицанием названо что-то, имеющее лишь вид утверждения и отрицания, но по существу не являющееся ни тем, ни другим.

В самом деле, всякое утверждение и отрицание в Аристотелевой логике, как мы видели выше, выражает соотношение содержания мысли с действительностью в форме постановки чего-то существующим или несуществующим в действительности. В зависимости от того, соответствует ли это утверждение самой действительности или не соответствует, будущие же, пока оно не стало настоящим, существуют лишь в виде реальной возможности или реальной необходимости. Поэтому в отношении него смысла имеют утверждения и

отрицания только в форме проблематических и аподиктических суждений. Ассерторическое же суждение о будущем, строго говоря, есть *contradictio in adjecto*, ибо оно должно быть полаганием чего-то существующим или несуществующим в той действительности, которой еще нет. Ввиду отсутствия будущей действительности утверждение или отрицание, т. е. полагание чего-то существующим или несуществующим в ней, лишено смысла или может иметь смысл только в качестве вопроса или проблемы, которая может быть решена, когда окажется налицо соответствующая действительность. В самом деле, если какое-то будущее есть только возможность или необходимость, то судить о будущем событии как о событии наличного бытия значит мыслить будущее событие в чуждых ему категориях, и невозможность признать соответствующее высказывание ни истинным, ни ложным означает только невозможность мыслить предмет в тех категориях, в каких делается попытка его мыслить. Это значит, что в отношении суждений о будущем, если они не понимаются ни в качестве сказывания возможного (проблематических), ни в качестве сказывания необходимого (аподиктических), а в качестве сказывания действительного (ассерторических), определение их как истинных или ложных лишено смысла до наступления будущего. Конечно, мыслимое (ноумен) можно в действительном суждении соотносить и с будущим. Но все дело в том, что, поскольку будущее еще не дано, в действительном, а не в мнимом суждении, можно соотносить ноумен только с возможностью или с необходимостью, а не с действительностью будущего. В этом случае действительное суждение будет, таким образом, суждением проблематическим или аподиктическим, но не ассерторическим, а если ни тем и ни другим, то проблемой или вопросом.

Итак, неприменимость закона исключенного третьего к суждениям о будущем, строго говоря, означает неприменимость его не к суждениям того или иного вида как полаганиям чего-то существующим или несуществующим, а к проблемам, хотя бы они и имели форму утверждающих или отрицающих высказываний о не данной еще действительности.

Аристотелево противопоставление онтологической возможности онтологической необходимости может быть понято прежде всего как отрицание фатализма, предопреде-

женности состава будущего. Оно означает прежде всего признания того, что в настоящем содержатся такие реальные возможности, которые сами по себе могут стать, но могут и не стать действительностью и для осуществления которых требуется познать присоединение каких-то новых условий.

Если эти добавочные условия не даны, то возможность остается возможностью. Если появляются добавочные условия, препятствующие возможности стать действительностью, реальная возможность исчезает. Если появляются добавочные условия, превращающие возможность в действительность, то тогда возможность становится действительностью, то тогда возможность становится действительностью закономерно, с необходимостью. В таком понимании возможное, действительное и необходимое образом противопоставались бы друг другу абсолютным образом и составляли бы все вместе некоторое диалектическое единство. Мы говорим об этом как об одной из допустимых интерпретаций Аристотелева учения о возможном и необходимом. Однако не исключена и другая интерпретация.

Противники Аристотеля понимали его учение о возможном и необходимом как учение об абсолютной метафизической противоположности того и другого, исключаяющей переход возможности в необходимость, и возражали против самого признания онтологической возможности. Так, один из таких противников Аристотеля, представитель мегарской школы Диодор Кронос (умер около 307 г. до н. э.), ссылался при этом на то, что из возможного не может возникнуть невозможное: если в действительности осуществляется один из членов противоречия, то другой оказывается невозможным, а если бы он был ранее возможен, то тем самым из возможного возникло бы невозможное. Метафизическое противопоставление возможного и необходимого как взаимно гипостазирования логического противоречия между суждениями о возможном и о невозможном, являющееся видом к представлению об абсолютной возможности, которое никак не может совпасть с необходимостью, которая панимо реальных возможностей, или к отрицанию реальных возможностей, т. е. к фатализму.

Некоторым основанием для этой второй интерпретации Аристотелева учения о возможном и необходимом могло бы служить то обстоятельство, что, как мы видели, Аристотель «возможному» (*δυνάμει*) в собственном смысле противопоставляет возможное как необходимое и просто существующее. Однако это противопоставление всего вероятнее имеет тот простой смысл, что в действительности в любой момент существуют реальные возможности как то, что до появления добавочных условий может быть и может не быть, и что эти возможности никак нельзя отождествлять ни с действительностью, ни с необходимым. Такое понимание, конечно, не исключает перехода возможности в действительность и того, что этот переход при появлении соответствующих добавочных условий становится необходимым и обусловленным. Строгое различие и понимание связи возможного, действительного и необходимого очень важно в борьбе против фатализма, с одной стороны, и против абсолютного индетерминизма — с другой.

Применяя отрицание и законы противоречия и исключенного третьего, Аристотель в 13 главе книги «Об истинности» дает следующую таблицу модальностей¹:

А

В

1. Могущее быть
<i>δυνατόν εἶναι</i>	1. Не могущее быть
<i>οὐ δύνατον εἶναι</i>
2. Допустимое быть
<i>ἐνδεχόμενον εἶναι</i>	2. Недопустимое быть
<i>οὐκ ἐνδεχόμενον εἶναι</i>
3. Не невозможное быть
<i>οὐκ ἀδύνατον εἶναι</i>	3. Невозможное быть
<i>ἀδύνατον εἶναι</i>
4. Не необходимое быть
<i>οὐκ ἀναγκαῖον εἶναι</i>	4. Необходимое не быть
<i>ἀναγκαῖον μὴ εἶναι</i>
5. Могущее не быть
<i>δυνατόν μὴ εἶναι</i>	5. Не могущее не быть
<i>οὐ δύνατον μὴ εἶναι</i>
6. Допустимое не быть
<i>ἐνδεχόμενον μὴ εἶναι</i>	6. Недопустимое не быть
<i>οὐκ ἐνδεχόμενον μὴ εἶναι</i>
7. Не невозможное не быть
<i>οὐκ ἀδύνατον μὴ εἶναι</i>	7. Невозможное не быть
<i>ἀδύνατον μὴ εἶναι</i>
8. Не необходимое не быть
<i>οὐκ ἀναγκαῖον μὴ εἶναι</i>	8. Необходимое быть
<i>ἀναγκαῖον εἶναι</i>

Как видно из этой таблицы, в левой ее части А указаны виды возможностей, а в правой части В указаны противоре-

¹ «Об истинности», 13, 22 а 24—31.

чащие им виды необходимости. Первые четыре вида возможности и необходимости являются возможностными, а последние — необходимостными. Вторые четыре вида бытия и необходимости являются возможностными, а первые — необходимостными бытия. Необходимому (B_4 и B_5) противоречит не невозможное (B_6 и B_7 , которые та же части таблицы), а не-необходимое (A_4 и A_5 , указанные в левой части таблицы). Необходимое и невозможное не могут быть вместе, как вид возможного (A_4 и A_5 , указанные в правой части таблицы). Истинными, они связаны законом противоречия как контрадикторными, они могут быть вместе ложными, ибо, согласно Аристотелю, можно отрицать и то и другое, признавая истинным только возможное. Следовательно, необходимостные и невозможные не находятся в отношении противоречия к третьему.

IV. Не могущее не быть—*Contrariae*—III. Не могущее быть
Противные

Subalternae-
Подчиненные

Contradictoriae—Противоположные

1. Моргущее *бать-Subcontrariae* - II. Моргущее не *бать*
Подпротивные

¹ C. Prantl, Geschichte der Logik im Abendlande, Bd. III, S. 14, Anm. 45, S. 46, Anm. 164.

Эта таблица в отношениях «подчинения», очевидно, не соответствует учению Аристотеля о возможном в узком, собственном значении слова.

* $\pi\alpha\nu\tau\iota$ означает также «во всех отношениях», «совершенно». — *Ред.*
1. «Первая Аналитика» I, 39, 47 а 8—9

«Первая Аналитика» 1, 32, 47 а 8—9.

² A. Schopenhauer, Ueber die vielfache Wurzel des Satzes vom zureichenden Grunde, Leipzig, 1875, 2 Kap., § 6.

«Вторая Аналитика» I, 2, 71 b 9-12.

«Вторая Англетика» 1, 1, 71 а 1-2.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

УЧЕНИЕ АРИСТОТЕЛЯ О ПОНЯТИИ, О КАТЕГОРИЯХ И О ПРЕДИКАБИЛИЯХ (ВИДАХ СКАЗЫВАНИЯ О ПОДЛЕЖАЩЕМ)

опрос о понятии в логике Аристотеля сложен уже по одному тому,

что в сочинениях Аристотеля невозможно найти термин, равнозначный термину «понятие» (*conceptus, notio*), которое в традиционной логике употребляется в двух значениях. 1) С одной стороны, под понятием разумеют законченную мысль о предмете или о множестве предметов в их существенных признаках — мысль, отвечающую на вопрос «что утверждения того, что необходимо и достаточно для определения предмета, является определением, видом высказывания о предмете, видом знания. 2) С другой стороны, под понятием разумеют всякое необразное, отвлеченное от условий восприятия предмета в определенном момент времени и в определенном пункте пространства содержание

мысли, т. е. любое смысловое общее значение термина, или, точнее, любой предикат, будет ли этим предикатом мыслимая сущность, качество, отношение или что-то другое. Такое понятие является лишь элементом законченной мысли, требующим развития в ответе на вопрос: «что это такое?»

Аристотель понятие в первом значении называет: 1) речью о сущности, выражением знания сущности (*ἡγήσις τῆς οὐσίας*)¹, 2) речью о форме (виде) (*τὸ δ' εἶδος ἢ λόγος*)², 3) логической сутью бытия, «в качестве чего эта вещь обозначается сама по себе»³, 4) определением, понимаемым как речь о сути бытия⁴, 5) определением, понимаемым как знание того, что именно есть что-либо, и сущности⁵; 6) просто «логос» (*λόγος*), как это имеет место в следующем отрывке из «Физики»: «Ведь общее известно нам по понятию (*κτὶς δὲ λόγος*), единичное — по чувственному восприятию, так как понятие относится к общему, чувственное восприятие — к частному, например большее и малое известны по понятию⁶, плотное и редкое — по чувству»⁷. Понятие называется «логосом» также и в 5 главе «Категорий», где различаются случаи, когда нечто сказывается только по имени, например качество «белое» об отдельном человеке, и когда нечто сказывается не только по имени, но и по понятию (*τὸν λόγον*), например сущность «человек» об отдельном «человеке»⁸.

Понятие во втором значении, как всякое мыслимое содержание, Аристотель называет просто «мыслимым» — *νοητὸν* (*νόημα*)⁹ или, в случае когда имеются в виду эле-

¹ «Метафизика» III, 3, 998 b 12.

² «Метафизика» II, 2, 996 b 8 (это место переведено А. В. Кубицким следующим образом: «У дома началом движения является (строительное) искусство и строитель, тем для чего (целью) — продукт, материей — земля и камни, формой — понятие (*τὸ δ' εἶδος ἢ λόγος*). — Ред.).

³ «Метафизика» VII, 4, 1029 b 12—14.

⁴ «Метафизика» VII, 5, 1031 a 12.

⁵ «Вторая Аналитика» II, 3, 90 b 30—31.

⁶ Нам представляется здесь более верным перевод хит *τὸν λόγον* — на основе рассуждения, сопоставления (или размышления). — Ред.

⁷ «Физика» I, 189 a 5—9.

⁸ «Категории», 5, 2 a 13—14, 20; 3 a 15—18.

⁹ «О душе» III, 432 a 11; «Об истолковании», I, 16 a 14.

на бытие. А так как одни из сказываний обозначают суть, другие — качество, некоторые — количество, иные — страдание, иные — движение, иные — действие или страдание, иные — ответственные качества, иные — на вопрос «когда», то в соответствии с каждым из этих (родов) сказываний те же самые значения имеют и бытия¹. Такое же понимание категорий встречается и в I книге трактата «О душе»: «К какому роду (предметов) относится (душа) и что она собою представляет, я имею в виду: является ли она чем-нибудь определенным и сущностью или количеством, или качеством, или какой-нибудь другой категорией из установленных². Так как определить бытия возникают и уничтожаются в результате движения, то между категориями и родами бытия должно быть соответствие, и Аристотель в «Физике» различает три рода движения: 1) качественное движение (κίνησις τῆς ποιότητος), или изменение (ἀλλοίωσις); 2) количественное (κίνησις τῆς ποσότητος) — увеличение и уменьшение и 3) пространственное движение — перемещение (φύξις)³. К ним присоединяется четвертый род движения, сводимый к первым двум: сущностное движение (κίνησις τῆς οὐσίας) — возникновение и уничтожение. «Таким образом, — говорит Аристотель в III книге «Физики», — видов движения и изменения столько же, сколько и сущего»⁴.

Следует иметь в виду, что Аристотель не всегда выделял десять упомянутых категорий и часто, объединяя некоторые из них, сводил число категорий то к шести, то к четырем, а то и к трем⁵. Современной логике наиболее отвечает деление категорий на три, которое мы находим в XIV книге «Метафизики», где все категории сводятся к категориям: 1) сущности, 2) состояния (πρότυπον) и 3) отношения⁶.

Во всяком случае у Аристотеля нет нигде попытки деления категорий, и это — не упущение, так как для него категории имеют эмпирическое происхождение как ре-

¹ «Метафизика» V, 7, 1017 а 22—27; см. также VI, 2, 1026 а 33—б 2.
² «Душа» I, 1, 402 а 23—25.
³ «Физика» III, 200 б 26—201 а 10—15; V, 2, 226 а 23 — б 10; VIII, 7, 260 а 26—29.

⁴ «Физика» III, 201 а 8—9.

⁵ С. Prantl, Geschichte der Logik im Abendlande, Bd. I, S. 207, Anm. 356, там дана полная сводка различных указаний Аристотеля о числе категорий.

⁶ «Метафизика» XIV, 2, 1089 б 23—24.

зультат обобщений данных опыта, в противоположность Канту, для которого категории априорны как формы сознания и обусловлены функциями самодеятельного рассудка.

Если бы под понятиями разумелись значения слов, то категории могли бы быть названы высшими родами понятий. В этом случае категории оказались бы высшими по общности понятиями. Но если под понятиями разуметь мысли о сути бытия предметов, как это имеет место в логике Аристотеля, то категории сами по себе не могут считаться понятиями или родами понятий, а могут быть лишь родами значений слов и родами бытия. Ведь для Аристотеля нет понятий самих по себе, мыслимых отрешенно от соответствующих предметов. Каждое понятие есть понятие какого-либо предмета, и мыслимое о предмете становится понятием лишь в том случае, если через него определяется предмет, или, иначе говоря, если в нем раскрывается суть бытия предмета. Если же мыслимое о предмете не содержит определения предмета, если в нем не раскрывается суть бытия предмета, то какой бы общностью это мыслимое ни было, оно не может считаться понятием предмета. Например, в суждении: «человек — белый», «белый» сказывается о человеке не как определение человека и даже не как часть определения человека, а только как качество его. Следовательно, в этом суждении термин «белый» не выражает понятия. Как говорит Аристотель, здесь «белый» сказывается только как имя (ὄνομα), но не как понятие (ἐν λόγῳ)¹. Напротив, в сказывании об определенном человеке, что он есть человек, термин «человек» содержит определение предмета мысли и тем самым его понятие. Здесь, по выражению Аристотеля, «человек» сказывается не только как имя, но и как понятие². Таким образом, та или иная нома (содержание мысли) может быть понятием или частью понятия в зависимости от того, как она соотносена с предметом мысли — в качестве ли раскрывающей суть бытия предмета мысли, иначе говоря, в качестве ли знания, отвечающего на вопрос: что именно есть что-то, или иным образом. Нома может стать понятием только в качестве раскрытия сути предмета мысли, в качестве того, что Аристотель называет определением.

¹ «Категории», 5, 2 а 29—34.
² «Категории», 5, 2 а 19—26.

В 4—9 главах I книги «Топики» Аристотель различает четыре вида сказывания о предмете — четыре вида соотношения сказываемого с подлежащим: 1) соотношение, выраженное в определении, 2) собственное, 3) род и 4) случайное, отмечая при этом, что эти четыре вида сказывания всегда относятся к той или иной категории¹. Это учение о четырех видах сказывания, которое впоследствии стало называться учением о предикабиллиях, сводится к следующему.

Определением (*ῥησις*) Аристотель называет речь, обозначающую суть бытия². При этом он подчеркивает, что определение есть речь и не может состоять из одного слова, определяемое же не может говорить, что определение

показывает, что именно есть что-то и сущность³. Во «Второй Аналитике» Аристотель называет то, что хотя собственным (*ἴδιον*) Аристотель называет то, что хотя и не обозначает сути бытия предмета, но принадлежит исключительно предмету и не может сказываться о другом. Род (*γένος*) есть то, что принадлежит не только подлежащему, но может сказываться и о другом, делаясь на виды. Сказывание рода, раскрывающее сущность предмета, так же как и сказывание определения, отвечает на вопрос, что именно есть подлежащее.

Случайное (*συμβεβηκός*) есть всякое иное сказывание: то, что не является ни определением, ни собственным, ни родом.

Эти виды сказывания, как говорит Аристотель, подтверждаются через индукцию, хотя они могут подтверждаться и через следующее доказательство⁴.

Всякое сказывание или допускает чистое обращение (*ἀπαιτήτως ὁρίζεται*), или не допускает его. Если допускается чистое обращение, то сказывание есть либо определение, либо собственное. Если допускающее чистое обращение сказывание раскрывает суть (отвечает на вопрос: «что именно есть»), то оно определение; если же суть не раскрывается, то оно есть собственное. Если чистое обращение недопустимо, то мы имеем дело или с родом, или со случайным. Если сказанное составляет часть определения, то оно или род, или видовое различие (*διαφορά*); если же

оно не является частью определения, то оно случайное. На основании изложенного можно было бы установить следующие различия между родом и определением. Род есть часть сути бытия, принадлежащая не только определяемому, но и другим предметам. Определение, включая в себя, помимо рода, видовое различие, принадлежит только определяемому и обозначает суть бытия предмета. Надо, однако, добавить, что когда определяется предмет, не относящийся к категории сущности, например, когда определяется какое-либо качество или количество, то в качестве рода указывается, конечно, не реальная сущность, а то, что можно было бы назвать логической сущностью, и соответственно в определении раскрывается не просто суть бытия, а, как говорит Аристотель, суть бытия качества или количества¹.

Вот примеры указанных видов предикабиллий: 1) определение: «человек есть живое существо, одаренное разумом»; 2) собственное: «человек обладает способностью изучать грамматику»; 3) род: «человек есть живое существо»; 4) случайное: «человек сидит».

В VI книге «Топики» Аристотель рассматривает возможные ошибки в определении и устанавливает следующие правила определения²:

1) Определение должно раскрывать суть определяемого, что именно оно есть.

2) Так как определение является видом сказывания «собственного», то оно должно принадлежать только определяемому, т. е. не быть слишком широким³.

3) Так как определение раскрывает суть определяемого, то оно должно быть присущим всему подлежащему, или, иначе говоря, должно быть истинным для всякого единичного предмета, охватываемого понятием, т. е. не должно быть слишком узким.

4) Определение должно быть четким и полноценным, т. е. в нем недопустимы неясные выражения: двусмысленные, метафорические, малоупотребительные; недопустимо

¹ См. выше, гл. 4.

² «Топика» VI, гл. 1—14.

³ Также во «Второй Аналитике» (II, 13, 96 а 35 — б 1) указывается, что отдельные части определения могут быть присущими и иным, не определяемым предметам, но все вместе они должны быть присущими только определяемому.

¹ «Топика» I, 9, 103 б 20—27.
² «Топика» I, 5, 101 б 39.
³ «Вторая Аналитика» II, 3, 90 б 30—31.
⁴ «Топика» I, 8, 103 б 1—19.

также внесение в выражение определения чего-либо лица, место.

5) Определение не должно быть отрицательным, только не определяется то, что само является отрицательным.

6) Определять следует через более известное и начальное, так как только при этом условии устраняется множественность определений, а определение, по мнению Аристотеля, должно быть одно, так же как одна — суть предмета. Поэтому: а) не следует определять через противоположного. Поэтому: б) не следует определять через противоположного, за исключением случаев, когда определение через противоположное является единственно возможным, через противоположное одного невозможно без указания на отклонение его к противоположному другому (например, двойное нельзя определить без указания отношения его к половинному)¹; в) нельзя пользоваться для определения самим определяемым или сводить к нему определяющее; г) нельзя упускать род или принимать не ближайший, а отдаленный род. Поэтому видообразующее различие должно быть последующим в отношении рода и более первым в отношении вида².

В 13 главе II книги «Второй Аналитики» Аристотель, указывая способы определения, или, как он выражается, способы нахождения в том, что именно есть что-то (*τί ἐστι*), то, что о нем сказывается, весь процесс описывает как отделение от единичного того, что присуще и другим относящимся к тому же роду единичным предметам, с тем чтобы в совокупности отвлеченное относилось только к определяемому виду. Так, например, если мы, определяя тройку, укажем, что она существует, то укажем присущее как ей, так и другим предметам, причем предметам и иных родов (тому, что не является числом). Если же мы укажем нечетное, то тем самым мы отвлечем то, что будет присуще тройке и другим предметам в пределах одного и того же рода, т. е. числам. Чтобы найти определение тройки, необходимо добавить к «нечетному» «первое». Правда, первым может быть не только тройка, но и другое число (например, двойка может быть отнесено только к тройке, которая, таким образом, будет определена как первое нечетное.

¹ «Топика» VI, 4, 142 а 26—33.

² «Топика» VI, 6, 144 б 9—11.

В этой же главе Аристотель описывает приемы деления родов на виды, вплоть до неделимых видов, путем отыскания видообразующих различий как способ определения, причем, как видно из примеров (тройка, двойка, прямая линия, круг, прямой угол, цельнокрылые и раздельнокрылые летающие животные), не усматривает принципиальной разницы между математическими и биологическими определениями и классификациями.

Отношения рода, вида и видообразующего различия устанавливаются в «Топике» следующим образом. Род сказывается о виде и о тех единичных предметах, о которых сказывается вид, но виды, подвиды и единичные предметы не сказываются о роде. Особое положение занимает видообразующее различие. О нем не может сказываться род: род сказывается только о предметах, которым присущи видовые различия, например «живое существо» сказывается о человеке вообще и об отдельных людях, но не о видообразующем различии человека, которое в таком случае оказалось бы особым видом живого существа. О видообразующем различии не могут сказываться и виды, ибо тогда оно также само становилось бы видом. С другой стороны, видообразующее различие не может сказываться о роде, так как род охватывает большее число предметов, чем то, которому может быть присуще видообразующее различие. «Понятие (*λόγος*) вида создается из (видообразующего) различия и рода»¹.

Понятие как мысль о предмете в его сути и тем самым как вид суждения о предмете, отвечающего на вопрос, что именно есть предмет, очевидно, может быть истинным или ложным в противоположность значенным слов, мыслимым отрешенно от действительности.

Сущность понятия как знания сути бытия предмета или как суждения, отвечающего на вопрос: что именно есть что-то, можно установить путем сопоставления с другими мыслями, приводя в систему все указанные Аристотелем виды мышления.

Как было указано выше, Аристотель различает: 1) мышление о неделимом, т. е. содержания мысли или значения слов без их соединения (неделимые нозмы), 2) мышление,

¹ «Топика» VI, 6, 143 б 19—20; см. также «Второй Аналитики» II, 13, 97 б 3—4; «Метафизика» III, 3, 998 б 28—29.

которое состоит в сочетании мысленных содержаний и в котором сочетается либо не соотносится с действительностью (что-то мыслится «без присоединения бытия или небытия» (что-то мыслится «без соотносится с ней. В последнем случае мышление распадается на такое: 1) в форме соотносении с действительностью выражено не в форме утверждения или отрицания, иначе говоря, не в форме утверждения чего-то существующим или несуществующим (например, молва), и 2) в котором соотносении или отрицательностью выражено в форме утверждения или отрицания последнего вида мысли — в форме утверждения или отрицания — могут быть истинными или ложными. Только последние — могут быть истинными или ложными, и только они называются высказываниями, или суждениями. Суждения по видам отношения к подлежащему подразделяются на: 1) определения, 2) сказывания собственного, 3) сказывания рода и 4) сказывания случайного. Понятие как мысль, отвечающая на вопрос, что именно есть что-то, и раскрывающая суть бытия, есть не что иное, как вид суждения, называемый определением. Если понятие есть суждение, в котором о подлежащем утверждается его суть, и если оно как всякое суждение может быть истинным или ложным, то спрашивается: соотносится ли несоответствие с чем в самой действительности решает вопрос об истинности или ложности понятия?

Понятия для Аристотеля не являются конструктивными рассуждениями, которые выполняются согласно чистым априорным категориям рассуждения по трансцендентальным схемам и в которых упорядочивается многообразие чувственного опыта, как это впоследствии было у Канта.

Понятия для Аристотеля не являются также умственными знаками или значениями знаков множеств вещей или минимов (Вильям Оккам, Гоббс).

Для Аристотеля понятие есть речь (*λόγος*) о подлежащем, т. е. высказывание о предмете мысли того, что объекту делает предмет именно этим, а не иным. Соответствие этому началу и делает понятие этому объективному определению определения, истинным или ложным. Это высказывание начало предмета есть, по Аристотелю, его форма — то, что существует не только в данный момент и в данном месте,

но в любом моменте и в любом месте, всегда и повсюду, т. е. общее, притом такое общее, которое является причиной определенной предмету, той причиной, которую позднее стали называть формальной причиной (*causa formalis*). Это общее начало у Аристотеля носит название или сущности предмета, или сути его бытия, которая присуща только данному виду предмета (и, как уже отмечалось, может быть сутью бытия как сущности, так и других категориальных определенностей, например сутью «белого»). Общие сущности предметов, называемые в понятиях — речах, называются Аристотелем в «Категориях»¹ вторыми сущностями (*δευτέραι ουσίαι*) в отличие от единичных предметов, которые называются первыми сущностями (*πρώται ουσίαι*). Первыми они называются, очевидно, потому, что с единичных вещей начинается познание и только через единичное познается общее. Логически, согласно учению, изложенному в «Категориях», общие определяющие начала (вторые сущности) и единичные вещи (первые сущности) отличаются друг от друга тем, что как вторые сущности о другом, так и другое о вторых сущностях могут сказываться по понятию в качестве знания, отвечающего на вопрос, «что именно есть» нечто (например, «человек» — в качестве вида — сказывается об отдельном человеке, а о человеке сказывается «живое существо»). Первые же сущности, т. е. единичные вещи, могут быть лишь подлежащими, о которых что-то сказывается, но сами они не могут сказываться ни о чем, не могут быть сказуемыми. При этом как в «Категориях», так и в «Метафизике» существование вторых сущностей без первых признается невозможным. «Поэтому, если бы не существовало первых сущностей, не могло бы существовать и ничего другого»². «Ничто общее не существует отдельно, помимо единичных вещей»³. Онтологически единичное, как было сказано выше⁴, представляет собой, согласно учению Аристотеля, составное целое (*σύνολον*) — единство материи (определяемого начала) и формы (определяющего начала).

Из того, что вторые сущности являются общими определяющими началами вещей — формами (в речи они могут

¹ «Категории», 5, 2 а 11 — б 6.

² «Категории», 5, 2 б 5—6.

³ «Метафизика» VII, 16, 1040 б 26—27.

⁴ См. гл. 4.

быть не только подлежащими, но и сказуемыми), а первые сущности состоят из определяющего начала — формы — и определяемого начала — материи (в речи они не могут быть сказуемыми), делается вывод о неразрушимости и неуничтожимости вторых сущностей в противоположность разрушимости и уничтожимости единичного, а также вывод об определенности общего и неопределенности единичного, откуда следует, что понятие * может быть лишь понятием общего¹, но не понятием единичного.

«Так как это разные сущности, — говорится в «Метафизике», — составное целое и понятие (*λόγος*) (я хочу сказать, что в одних случаях сущность — это понятие, соединенное с материей, в других — понятие вообще), поэтому сущности, о которых говорится в первом смысле, подвержены уничтожению (ибо и возникновению также), а в отношении понятия его не бывает — в том смысле, чтобы оно могло разрушаться (и возникновения здесь тоже нет — возникает не бытие (и), но (бытие) вот этим определенным домом); напротив, (такие сущности) существуют и не существуют без возникновения и уничтожения — доказано ведь, что никто их не рождает и не производит. А для чувственно-воспринимаемых единичных сущностей потому-то и нет ни определения, ни доказательства, что они наделены материей, природа которой такова, что она может и быть и не быть, вследствие чего все отдельные вещи, принадлежащие сюда, и подвержены уничтожению»².

В этом указании на то, что объективная форма вещи не подвержена возникновению и разрушению, т. е. что она является вневременной, легко можно видеть влияние учения Платона о вечных идеях и даже представления Парменида о невозможном и неразрушимом сущем. Неопределенность же единичного является, с одной стороны, прямым следствием учения о материи как лишь возможности и определенном начале, никогда не выступающем в качестве определяющего, а с другой — вытекает из свойства всякого определения допускать чистое обращение. В самом деле, если бы единичное было определено, то,

поскольку определение допускает чистое обращение, единичное оказывалось бы не только подлежащим, но и сказуемым, и в таком случае понятие было бы определено через форму и материну, единством которых является единичное, и материя оказалась бы не только определяемым, но и определяющим началом.

Как видно из изложенного, понятие для Аристотеля, имея форму речи (*λόγος*), логически есть особый вид сказывания о подлежащем, называемый определением, а онтологически — общее определяющее начало единичных вещей, не отделяемое от них, называемое второй сущностью и сущью бытия.

Нельзя сказать, что Аристотель путает то, что впоследствии различали с разными отступлениями стоики и средневековые логики, а именно: 1) внешнюю (звуковую) сторону словесного выражения, обозначающее — *σημαίνον*, 2) смысловую сторону словесного выражения, высказываемое — *λέκον* и 3) предмет (*τρεῖς*). Видимость такой путаницы возникает в силу недостаточности логической терминологии у Аристотеля. А именно, как мы видели, логосом (*λόγος*), например, он называет и 1) выражение понятия и всякой вообще законченной мысли, и 2) сами мысли, выражаемые в речи, в частности понятия, и, 3) наконец, определяющее начало единичной вещи, как в только что цитированном отрывке «Метафизики». Однако вряд ли можно сказать, что, несмотря на явные недостатки терминологии, Аристотель мыслит указанные три области в чуждых им категориях: что, например, там, где подразумевается внутренняя сторона словесного выражения — выражаемое (смысл), приписывалось бы подразумеваемому то, что свойственно только словесному выражению или реальной вещи.

Вторые сущности Аристотель подразделяет на виды и роды. Вид (*εἶδος*) — это сущность, сказываемая о многих единичных вещах, например «человек» об отдельных людях. Род (*γένος*) — это сущность, сказываемая о многих единичных вещах, различающихся по видам, например «живое существо» о людях, лошадях и т. д. Вид образуется через присоединение к роду новой определенности, которая называется видообразующим различием (*εἰδωτικός διαφορά*), поскольку оно, как говорится в VI книге «Топики»¹,

¹ У Аристотеля здесь *ἄρα* — определение. — *Ред.*

² «Метафизика» VII, 13, 97 b 26—27.

X, 9, 1056 a 37 — b 1. «Поскольку одно составною частью (вещи) является понятие (*λόγος*), а другое — материя...»

¹ «Топика» VI, 6, 143 b 8—9.

создает вид (*εἶδος γενεή*); оно является качеством рода. При этом, как сказано в «Категориях», «из вторых сущностей вид в большей степени сущность, чем род, ибо он ближе к первой сущности»¹.

Виды и роды являются тем, в чем тождественны различные единичные вещи. В соответствии с этим Аристотель различает единства: единое по числу (*αριθμῶς*), единое по виду (*εἶδος*) и единое по роду (*γένεσι*)²; причем все, что едино по числу, едино по роду, но не наоборот, и все, что едино по виду, едино по роду, но не наоборот³.

Роды и виды, отличаясь друг от друга как такие сущности, из которых одна может сказываться о другой, образуют цепь видов «до неделимых» (*τὸν ἀτόμω*)⁴, причем одна и та же сущность в отношении другой сущности, определяющей ее, будет видом, а в отношении третьей, определяющей ее, если та есть общая, — родом. Однако во всей этой цепи роды и виды, какой бы степени общности они ни достигали, остаются содержательными определенностями и сказываниями о сущем. «Единое» и «сущее» не могут считаться родами: их определения не содержательны и поэтому они могут сказываться обо всем, а не только о сущностях. В самом деле, аргументирует Аристотель, видообразующие различия не есть род, ведь оно есть только качество рода, а не сущность, и если бы единое и сущее были родами, то видообразующие различия, не будучи родами, не могли бы быть единными и сущими; между тем каждое видообразующее различие сущствует и может быть одним⁵.

Как было сказано, в бытии роды и виды относятся друг к другу как определяющие и определяемые общие начала. Род определяет вид и в этом смысле предшествует ему. Роды идут прежде, чем виды, и предполагаются видами, причем обратный порядок следования бытия, как говорит Аристотель, недоступен: если есть водное животное, то есть живое существо, но не наоборот. Поэтому то, определенным началом чего является тот или иной вид, имеет в качестве определяющего начала и род этого вида.

¹ «Категории», 5, 2 б 7—8.

² «Толпики» I, 7, 103 а 6—9.

³ «Метафизика» V, 6, 1016 б 36—1017 а 1.

⁴ «Метафизика» III, 3, 998 б 28—29.

⁵ «Метафизика» III, 3, 998 б 22; «Толпики» IV, 2, 122 б 16—27 и гл. 6.

Логически род и видообразующие различия являются составными частями понятия, причем род характеризуется как первая составная часть (*πρῶτον εὐαγαρῶν*) в понятиях (*ἐν τοῖς λόγοις*), указываемая при обозначении сути вещи, видообразующие же различия рода представляют собой различные качества¹. Очевидно, понятием в целом, или определенным, является вид, если он не мыслится в качестве рода других сущностей, т. е. если он — низшая для подлежащего вторая сущность.

Отличие родов и видов от единичных вещей (первых сущностей) и от качеств характеризуется в 5 главе «Категорий» следующим образом.

1) Роды и виды могут быть сказуемыми, тогда как единичные вещи таковыми не могут быть.

2) В том, что роды и виды могут сказываться о подлежащем, они сходны с качествами. Однако роды и виды в отличие от качеств и определенностей иных категорий не входят, как говорит Аристотель, в подлежащем в том смысле, в каком можно считать находящимися в подлежащем качества. Очевидно, Аристотель, отрицая «нахождение» в подлежащем рода и вида в отличие от «нахождения» в нем качеств, указывает на разнотипность бытия сущности и иных определенностей вещи, ибо качество и другие определенности вещи сущствуют в вещах только как их принадлежности, а не сами по себе и не в виде их причин, тогда как вторые сущности сущствуют в единичных вещах не как их принадлежности, а сами по себе, именно как причины единичных вещей. Поэтому, если о качествах Аристотель говорит, что они находятся в подлежащем, то о вторых сущностях, может быть, было бы правильным говорить, что подлежащие являются их носителями или проявленными.

3) Роды и виды сказываются о подлежащем не только как имена, но и по понятию. Они являются сущностью подлежащего. Наоборот, качества сказываются о подлежащем только по имени. Например, «белое» — говорит Аристотель, — находясь в теле как в подлежащем сказывается о подлежащем (ведь тело называется белым), но понятие (*λόγος*) белого никогда не может сказываться о теле².

¹ «Метафизика» V, 28, 1024 б 5—6.

² «Категории», 5, 2 а 31—34.

Те предметы, у которых общее не только имя, но и понятие сущности (λογος τῆς οὐσίας), сменны человек и ные сущности (ζωονυχ), например имя «живое существо» бык, для которых общим является и имя «живое существо», и соответствующее понятие живого существа. Те предметы, у которых общим является только имя, но не понятие, Аристотель называл равноименными (ὀνομαχ), например равноименны человек и рисунок, которые могут быть наны созданными*, но у которых нет общего понятия сущности¹. Как видно отсюда, современное употребление терминов «синоним» и «омоним», для обозначения особ роков слов, далеко не совпадает с аристотелевским словоупотреблением, в котором эти термины относились не к словам, а к обозначаемым словами предметам.

4) Вторыми сущностями (родами и видами) устанавливаются не просто отдельные качества (как это делает, например, «белое»: ведь «белое» не означает ничего другого, кроме качества), а качества в отношении сущности: они обозначают некоторую качественно определенную сущность. Род при этом дает более общее определение, чем вид: если сказать «живое существо», то этим охватывается большее, чем если сказать «человек»². Таким образом, роды и виды отличаются от качеств как качественно определенные классы вещей от качественных определенностей как таковых.

5) Роды и виды могут сказываться и о единичных вещах, и о вторых сущностях: род сказывается о виде. Качество же и определенности других категорий могут сказываться только о единичных вещах. Например, «белый», «большой» могут сказываться об отдельных людях, но не о человеке вообще: сущность или суть бытия человека не может называться белой или большой.

6) К родам и видам в отличие от качеств неприменима степень сравнения: больше и меньше. Человек не может быть в большей или меньшей степени человек. Роды и виды с количественными: пять не может быть пятью в большей или меньшей степени.

* *ὀνομαχ* и *ζωονυχ*

¹ «Категории», I, 1 а 1—12.

² «Категории», 5, 3 в 15—21.

7) В «Топике» Аристотель указывает, что род и предмет должны быть в одной категории. Например, род какого-либо отношения должен быть отношением: для двукратного род — многократное¹.

Из приведенных характеристик родов и видов вытекает содержательное и объемное отношение их друг к другу, известное в традиционной логике как учение о подчинении понятий и о законе обратного отношения объема и содержания понятий. По объему отношение родов и видов выражается следующим образом: «Виды причастны (τὰ μὲν εἶδη μετέχουσιν) родам, но роды не причастны видам»². Это отношение по объему Аристотель поясняет отношением по содержанию, которое выражается так: «Вид принимает понятие (λόγος) рода, род же не принимает (понятие) вида»³. Это отношение по содержанию выражается также в следующей формуле: «Род сказывается о всех относящихся к нему видах»⁴. С этим связаны и формулы транзитивности сказывания по понятию, т. е. по сущности, исходящие из определяющего значения рода для вида, а вида для единичного. «О чем сказывается вид, о том должен сказываться и род»⁵. «Когда одно сказывается о другом как о подлежащем, то и все, что говорится о сказуемом, будет говориться и о подлежащем; например, «человек» сказывается о каком-нибудь определенном человеке, а «живое существо» — о человеке; следовательно, «живое существо» будет сказываться и о каком-нибудь определенном человеке: ведь определенный человек это — и «человек» и «живое существо»»⁶.

Последние две формулы можно рассматривать и как выражение в ранних трактатах аксиомы первой фигуры категорического силлогизма, сущность которого (по Аристотелю) состоит в зависимости сказывания о подлежащем по понятию (а не только по имени), т. е. сказывания о подлежащем в качестве его сущности, от того, что сказывается о сущности подлежащего. Эта зависимость указана в приведенных выше формулах и состоит в том, что все, что

¹ «Топика» IV, 1, 121 а 4—5.

² «Топика» IV, 1, 121 а 12—13.

³ «Топика» IV, 1, 121 а 13—14.

⁴ «Топика» IV, 1, 120 в 20—21; VI, 6, 144 а 32—36.

⁵ «Топика» IV, 1, 121 а 25—26.

⁶ «Категории», 3, 1, в 10—15.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

УЧЕНИЕ АРИСТОТЕЛЯ О СИЛЛОГИЗМЕ

можно утверждать или отрицать относительно сущности подлежащего, можно утверждать или отрицать и относительно самого подлежащего, или, иначе говоря, все, что можно утверждать или отрицать относительно класса предметов (если иметь в виду отношение причастности, т. е. отношение по объему), можно утверждать или отрицать относительно всякого предмета, который признан членом этого класса. Эта зависимость сказывания обуславливается отношениями: 1) второй сущности к подлежащему, к сущности что в заключении приписывается подлежащему, к сущности подлежащего, причем сущность оказывается средним термином и причиной той определенности, которая в заключении приписывается подлежащему.

§ 1. СИЛЛОГИЗМ КАК СВЯЗЬ ТЕРМИНОВ

иллогизм (συλλογισμός — подсчитывание, подытоживание, умозаключение)

ние) в «Первой Аналитике», посвященной учению о нем, определяется следующим образом: «Силлогизм есть речь, в которой, если нечто полагается, то вытекает с необходимостью иное, чем положенное, и именно из того, что оно есть; под выражением «из того, что оно есть» я разумею, что вследствие его вытекает*, «вследствие же его вытекает» значит, что для возникновения необходимости не требуется никакого постороннего термина (ἐξωθεν ὅρον). Совершенным (τέλειον) я называю силлогизм, не нуждающийся ни в чем другом, кроме принятого для обнаружения необходимого

* Ср. перевод в «Аналитиках» (стр. 10): «Под словами же: «в силу того, что это есть», я разумею, что это *отличное* вытекает благодаря этому». — *Ред.*

сти, несовершенным же — нуждающийся для этого в (другом) одном или многих, что хотя и необходимо (следует) из данных терминов, но (прямо) в посылках не принято»¹.

В этом определении силлогизма существенно указано, что заключение следует из посылок с необходимостью. Если возможное есть то, что может быть иначе, то необходимо как противоречащее возможному быть иначе»². Данное как противоречащее невозможно быть иначе» дано в логическом следовании, другими словами, что такое логическая необходимость? Так как каждое суждение, по Аристотелю, есть или истина, или ложь, иначе говоря, оно есть одно из членов противоречия, то логическая необходимость состоит в том, что принимается один из членов противоречия в силу того, что другой член признается недопустимым или невозможным. Недопустимым же или невозможным тот или иной из членов противоречия может быть признан в том случае, если он несовместим с уже установленными другими истинными положениями. Логическую возможность можно было бы определить как то, что в противоположность необходимости допускается как истина и вместе с тем может быть иным, т. е. ложным, без противоречия с другими положениями, установленными в качестве истинных. Логическая возможность состоит в том, что оба члена противоречия — утверждение и отрицание — оказываются не противоречащими другим суждениям, вследствие чего выбор между ними не необходим. Короче говоря, логическую необходимость можно определить как невозможность отрицания суждения без противоречия в мыслях, а логическую возможность — как то, что принимается без противоречия в мыслях и отрицание чего также не вызывает противоречия в мыслях.

Логическую необходимость и логическую возможность в следовании нельзя смешивать с суждениями о необходимости и о возможности. Как будет указано ниже, суждения о необходимости и возможности, так же как и о действительности, могут быть посылками и заключениями праматериальных силлогизмов, т. е. таких, в которых вывод с необходимостью следует из посылок. Суждения разных модальностей являются суждениями о том, что действительно, возможно или необходимо в бытии, причем любое из этих

¹ «Первая Аналитика» I, 1, 24 в 18—26.

суждений в правильном силлогизме будет вытекать с одинаковой логической необходимостью, т. е. в правильном силлогизме любая из модальностей будет утверждаться или отрицаться с необходимостью. В частности, в правильном силлогизме суждение о возможности должно вытекать с той же необходимостью, как и суждение о действительности или о необходимости. С другой стороны, в истинном или неправильном силлогизме из аподиктических и асsertорических посылок заключение будет следовать не с необходимостью, а только возможным образом.

Учению о силлогизме, которое начинается с 4 главы 1 книги «Первой Аналитики», предшествуют небольшие 2 и 3 главы, посвященные вопросу обращения (*ἐντιστροφῆς*) посылок. Посылку (*πρότασις*) Аристотель определяет как «речь, что-то утверждающую или отрицающую относительно чего-либо»¹, т. е. как суждение, составляющее ту часть силлогизма, из которой в соединении с другой посылкой с необходимостью следует заключение (*συμπεράσμα*).

Вопрос об обращении посылок есть для Аристотеля вопрос необходимости того, что истинность высказывания о сказуемом исходного суждения следует из истинности высказывания о подлежащем этого суждения. Такая необходимость есть в простом обращении общеутвердительной и частноутвердительной посылок и в частном (*ἐν μέρος*) обращении общеутвердительной посылки. Например, если *A* не присуще ни одному *B*, то необходимо, чтобы *B* не было присуще ни одному *A*, ибо если бы *B* было присуще некоторым *A* (если бы было возможно отрицание обращения), например, если бы *B* было присуще тем *A*, которые называются *Γ*, то *Γ*, которые суть некоторые *A*, были бы присущи некоторым *B*, и в таком случае пришлось бы признать ложным исходное положение о неприсущности *A* ни одному *B*, что недопустимо.

Частноотрицательная посылка не обращается с необходимостью. Так, если *A* не присуще некоторым *B*, то не необходимо, чтобы *B* не было присуще некоторым *A*; может быть, что *B* будет присуще всем *A*. Например, быть человеком не присуще некоторым живым существам, но быть живым существом присуще всякому человеку.

¹ «Первая Аналитика» I, 1, 24 а 16—17.

Что касается обращения посылок (аподиктических) не имеет сомнений, то обращение первых (аподиктических) не имеет никаких особенностей по сравнению с обращением простых посылок: обращение же посылок о возможности (проблематических) имеет ту особенность, что общетриципельная посылка о возможном необратима, как это доказывается в 17 главе I книги «Первой Аналитики». Если *A* возможно не присуще ни одному *B*, то этим не исключается, что *B* не будет присуще некоторым *A* с необходимостью. Между тем при обращении мы получили бы суждение: «*B* возможно не присуще ни одному *A*» и, значит, возможно присуще и всякому *A*. Это противоречило бы тому, что допускает исходное суждение, т. е. тому, что *B* необходимым образом не присуще некоторым *A*. Например, суждение: «Все люди не присуще некоторым *A*. Например, суждение: «Все люди возможно белы», допускает, что некоторые белые тела возможно не белы (например, снег). При обращении этого суждения мы получили бы: «Все белые тела возможно не люди» и, значит, возможно и люди, что противоречило бы суждению: «некоторые белые тела необходимо не люди».

В 3 главе I книги «Первой Аналитики» Аристотель указывает еще на обратимость частноотрицательных суждений о возможном, не давая, однако, никаких разъяснений по этому вопросу. Обратимость таких суждений можно доказать, если воспользоваться указаниями Аристотеля в 13 главе той же книги об особом виде обращения суждений о возможном. Этот особый вид обращения состоит не в образовании нового суждения о сказуемом исходного предложения, а в образовании второго суждения, полагающего противоположную возможность. Так, если истинно суждение: «*A* возможно присуще всякому *B*», то необходимо истинным и, наоборот, ведь возможное не присуще ни одному *B*, что может быть и не быть. Как разъясняет Аристотель, здесь имеет место не обращение утвердительного суждения в отрицательное или наоборот, а образование двух утвердительных, но противоположных друг другу суждений. «Бывает, что все посылки о возможном взаимно обратимы», — пишет Аристотель и добавляет: — «Я говорю не об обращении утвердительных (посылок) в отрицательные, а то, что они имеют утвердительную форму, будучи противоположны, как, например, (посылке) «возможно присуще»

(противоположно)* «возможно не присуще»¹. Как видно из сказанного, образование таких противоположных утвердительных суждений о возможном не является ни обращением суждений в собственном смысле, ни тем, что в традиционной логике называется превращением. Чтобы отличить это «обращение» от обращения в собственном смысле, можно было бы назвать его «обращением возможности». Если воспользоваться этим «обращением возможности», то можно доказать простое обращение частноотрицательного суждения о возможном таким путем. Суждение: «*A* возможно не присуще некоторым *B*», «обращается» в суждение: «*A* возможно присуще некоторым *B*», а это суждение просто обращается в суждение: «*B* возможно присуще некоторым *A*», чему равносильно: «*B* возможно не присуще некоторым *A*».

Может возникнуть вопрос: нельзя ли таким же путем получить простое обращение общетриципельного суждения о возможном? Аристотель этим путем доказывает как раз необратимость общетриципельного суждения. Доказательство состоит в следующем. Пусть дано суждение: «*A* возможно не присуще ни одному *B*». Простым обращением его было бы суждение: «*B* возможно не присуще ни одному *A*». Этому последнему суждению равносильно суждение: «*B* возможно присуще всякому *A*» («обращение возможности»). С другой стороны, исходному суждению: «*A* возможно не присуще ни одному *B*», равносильно суждение: «*A* возможно присуще всякому *B*». В таком случае оказывалось бы, что общетвердительное суждение: «*A* возможно присуще всякому *B*», обращается без ограничения в общетвердительное суждение: «*B* возможно присуще всякому *A*». «Но это, — говорит Аристотель, — неверно, ибо если одно возможно присуще другому, то не необходимо, чтобы другое было возможным образом присуще первому»². Говоря об обращении, мы пользовались Аристотелевой схемой построения посылок: «*A* присуще *B*» (*τὸ A ὑπάρχει τῷ B*), в которой на первом месте стоит сказуемое, а на втором — подлежащее. Термин «присуще», как было сказано выше, обозначает объективное отношение той или

* Более верным представляется нам перевод: (посылка) «возможно присуще» (обращается в посылку) «возможно не присуще». — Ред.

¹ «Первая Аналитика» I, 13, 32 а 29—33.

² «Первая Аналитика» I, 17, 37 а 2—3.

ной определенности (сказуемого) к ее носителю (подлежа-
ющей определенности) послышка в таком случае будет
шему). Общеутвердительная послышка B (тзучи тф В);
выражается так: «А присуще всякому В» (тзучи тф В);
обобщающая: «А не присуще ни одному В» (собеви
тф В); частноутвердительная: «А присуще некоторому В»
(тви тф В); частноотрицательная: «А не присуще некото-
рому В» (тви тф В оху отдруси).

Хотя греческое выражение « $\tau\acute{o}$ А $\epsilon\iota\sigma\delta\epsilon\chi\epsilon\iota$ тви тф В»
точно переводится на русский язык словами: «А присуще
некоторому В», мы в дальнейшем для выражения формы
частноутвердительного суждения будем пользоваться пере-
водом: «А присуще некоторым В», так как этот перевод
ближе к принятому в русских учебниках логики выражению
формы частноутвердительного суждения: «Некоторые S
есть P». Во всех случаях частноутвердительные суждения
понимается как такое, в котором нечто утверждается по
меньшей мере в отношении одного члена класса и допу-
скается, что утверждаемое может относиться и к остальным
членам класса (присуще по меньшей мере одному, а может
быть и всем). Соответственно выражение формы частноот-
рицательного суждения будет переводиться: «А не при-
суще некоторым В».

В этих формулах слова «присуще всякому», «не присуще
ни одному», «присуще некоторому», «не присуще некото-
рому» обозначают то, что в логической форме остается
постоянным при рассуждении о любых предметах с любым
содержанием. Они обозначают самые связи, в которых
находятся разнообразные предметы мыслей и их содер-
жания. Поэтому их можно назвать выражением логических
констант. Буквы греческого алфавита А, В ничего не вы-
ражают и ничего не называют, но обозначают те разнооб-
разные элементы мысли, которые находятся в обозначен-
ных связях. Поэтому их можно назвать логическими пере-
менными. Сами формулы в целом не являются суждениями;
они не истинны и не ложны. Они выражают лишь форму
суждений и могут быть названы функциями суждений,
которые становятся истинными или ложными суждениями,
через подстановку определенных значений на место перемен-
ных: через эту подстановку приведенные формулы могут
оказаться соответствующими или несоответствующими дей-
ствительности. В средневековой логике эти формулы в целом
получили символическое обозначение в виде букв латин-

ского алфавита: буквой А (первая гласная глагола Affir-
мо — утверждаю) стали обозначать форму общеутверди-
тельного суждения; буквой I (вторая гласная того же гла-
гола) — форму частноутвердительного суждения; буквой E
(первая гласная глагола Nego — отрицаю) — форму обще-
отрицательного суждения и буквой O (вторая гласная
глагола Nego) — форму частноотрицательного суждения.
Лейбниц для выражения форм этих суждений, помимо
способов выражения, соответствовавших аристотелевской
логике и сохранивших тот смысл общих и частных суждений,
которые допускал подчинение частных суждений общим,
вводил также следующие формулы: 1) А поп В поп ест
(«нет А, которое не есть В»; например, «нет неинтересных
книг», чему равнозначно: «всякая книга интересна») —
форма общеутвердительного суждения; 2) А поп В ест
(«существует А, которое не есть В»; например, «есть книги,
которые не интересны», чему равнозначно «некоторые
книги не интересны») — форма частноотрицательного су-
ждения; 3) А В поп ест («нет таких А, которые были бы В»;
например, «ни одна книга не интересна») — форма обще-
отрицательного суждения; 4) А В ест («есть такое А, которое
есть В»; например, «есть книги, которые интересны», чему
равнозначно: «некоторые книги интересны») — форма част-
ноутвердительного суждения¹.

В математической логике XIX в. в этих формулах были
символизированы и логические связи путем введения зна-
ков: «0» — знак пустого класса, т. е. класса, не имеющего
элементов; «=» — знак равенства объемов терминов;
« $\neq$ » — знак неравенства и «—» — знак отрицания. Фор-
мулы здесь символизированы следующим образом: 1) об-
щеутвердительное суждение: $A \rightarrow B = 0$; 2) частноотри-
цательное суждение: $A \rightarrow B \neq 0$; 3) общеотрицательное
суждение: $A \cdot B = 0$; частноутвердительное суждение:
 $A \cdot B \neq 0$. В современной математической логике в «исчис-
лении предикатов» принята символизация через введение
кванторов (знаков) общности (х) и существования (Ех).
Формы суждений соответственно символизировались следую-
щим образом (предмет суждения обозначается через «х»
предикат — через А; знак отрицания «—» сохраняется):
1) $(x)A(x)$ (для всякого х верно, что х есть А) — об-

¹ L. Couturat, La Logique de Leibniz, Paris, 1901, p. 350, 353.

ше утвердительное суждение; 2) $(Ex) \bar{A}(x)$ (есть такие x , что x не есть A) — частноотрицательное суждение; 3) $(x) \bar{A}(x)$ (для всякого x верно, что x не есть A) — отрицательное суждение и 4) $(Ex) A(x)$ (есть такие x , что x есть A) — частноутвердительное суждение¹. В приведенной символикации форм суждения существительной символикация общим как суждения существования противопоставляются общим как суждениям, противоположным суждениям, содержащим знание лишь той или иной зависимости или закономерности. У Аристотеля же, не признававшего в своей логике пустых классов, противопоставление имело смысл сказывания о непустом классе и при этом о всем (общее), и тем самым общее суждение понималось как суждения, содержащие знание не только общности, но и единичных фактов, в которых эта общность проявляется. Аристотелевское понимание природы общих и частных суждений было связано с тем принципом его философии, согласно которому общее помимо единичных вещей не существует (если нет единичного, то нет и общего)², а также с пониманием природы суждения как подлечения чего-то существующим или несуществующим. В соответствии с такой интерпретацией суждений в аристотелевской логике допускается: 1) подчинение частных суждений общим, 2) обращение с ограничением общеутвердительных суждений и 3) те модусы силлогизма, где из общих посылок делаются частные выводы (Darii, Faelarion). Между тем при противопоставлении частных суждений общим как суждений, содержащих знание существования элементарных классов, суждениям, не содержащим такого знания, упомянутые операции должны считаться недопустимыми, поскольку из знания только зависимости не вытекают с необходимостью знание существования единичных фактов, подчиненных этой зависимости. Это в свое время замечал Лейбница искать другие выражения форм суждений. Надо, впрочем, сказать, что аристотелевское понимание природы общих и частных суждений и понимание их друг друга. В аристотелевской форме общее суждение, не исключают

помимо признания существования зависимости, содержит дополнительный смысл признания существования соответствующих единичных фактов. Поэтому, если пользоваться символикой математической логики для обозначения аристотелевской формы общего суждения, пришлось бы в состав символов ввести дополнительно квантор существования объектов, связанных зависимостью. Противопоставление общих суждений как суждений зависимости частным как суждениям существования объектов только разграничивает два смысла и имеет большее значение для выявления различия между доказыванием только зависимости и доказыванием существования того или иного объекта или объектов.

Говоря о формах посылок силлогизма и их символическом обозначении, следует напомнить, что в книге «Об истолковании» Аристотель, классифицируя суждения, говорит о единичных суждениях, а в «Первой Аналитике», посвященной теории силлогизма, не указывает, что в числе посылок могут быть единичные суждения, и исследованию подвергает силлогизмы, содержащие только общие и частные термины. Отмечая этот факт, Я. Лукасевич в своей книге «Силлогистика Аристотеля с точки зрения современной формальной логики» объясняет его тем, что, согласно Аристотелю, единичное не может быть предикатом суждения¹, между тем как термины силлогизма должны быть таковы, чтобы могли без ограничений служить и субъектом и предикатом истинного предложения; ведь во всех трех фигурах аристотелевского силлогизма имеется термин, который один раз играет роль субъекта, а другой — предиката: в I фигуре им является средний термин, во II — больший термин, а в III фигуре — меньший².

Бохенский в своей книге, посвященной истории формальной логики³, разделяет взгляд Лукасевича. Можно было бы к сказанному добавить, что Аристотель вообще нигде не вводит символического обозначения единичного суждения, и там, где это необходимо, он единичный термин обозначает при помощи собственного имени, например «Сократ белый». Однако было бы неверно сказать, что

¹ См. выше, гл. 4.

² J. Lukasiewicz, *Aristotle's Syllogistic from the Standpoint of Modern Formal Logic*, Oxford, 1951, p. 5—7.

³ J. M. Bochenski, *Formale Logik*, S. 81.

Аристотель вообще не знает силлогизмов с единичными посылками. Например, в 27 главе II книги «Первой Аналитики» Аристотель приводит пример энтимемы, которая сводится к третьей фигуре силлогизма, состоящего из двух единичных посылок: мудрые (В) — добродетельны (А), так как Питтак (Г) мудр (В) и Питтак (Г) добродетелен (А)¹. В II главе I книги «Второй Аналитики» также приводится пример силлогизма I фигуры с меньшей единичной посылкой и единичным заключением². Утверждение, что Аристотель не допускает силлогизмов с единичными терминами, было бы тем более неверным, что каждый силлогизм есть по существу высказывание об элементах класса, т. е. о единичном, на основе знания отношений между классами (родами и видами) и элементами классов. Приводившие выше³ формулировки закона силлогизма из «Топики» («О чем сказывается вид, о том должен сказываться и род») и из «Категорий» остаются в силе и для «Первой Аналитики», где уже вводятся логические переменные и излагается формальная теория силлогизма. Отсутствие упоминания посылок с единичными терминами в общих положениях теории силлогизма объясняется, может быть, отчасти и тем, что та ступень обобщенности, которую приобрела аристотелевская теория силлогизма, не могла охватить силлогизмы с единичными терминами — для этого необходимо было бы ввести специальное символическое обозначение единичной посылки и особо рассмотреть случаи I фигуры в случае, если большая посылка — единичная. Однако вернемся к символическому обозначению посылок и рассмотрим элементы силлогизма.

Часто вместо «присущее» Аристотель пользуется выражением «сказывается» (*καταγορεύεται*). При этом в I главе «Первой Аналитики» он указывает, что выражение «одно сказывается о всяком другом» равносильно выражению «одно содержится или «есть» в другом как целое. «Если одно сказывается о всяком другом, то это равнозначные выражения»⁴.

¹ «Первая Аналитика» II, 27, 70 а 16—19.
² «Вторая Аналитика» I, 11, 77 а 17—18.
³ См. выше, гл. 7.
⁴ «Первая Аналитика» I, 1, 24 б 26—28.

Если выражения «быть присущим» и «сказываться» бесспорно означают содержательное (интенсивное), а не объемное (экстенсивное) истолкование посылок, то выражение «содержаться в» (быть в другом) иногда означает и объемные отношения, что видно из 4 главы I книги «Первой Аналитики», в которой начинается исследование первой фигуры силлогизма: «Если три термина так относятся друг к другу, что последний термин содержится в среднем в целом и средний содержится или не содержится в целом в первом, то для этих крайних (терминов) необходимо возникает совершенный силлогизм. Средним (термином) и называют тот, который сам содержится в одном, в то время как в нем содержится другой, и который по положению оказывается средним. Крайними я называю тот, который содержится в другом, и тот, в котором содержится другой»¹. Несомненно, что, если это место не истолковано, выражение «содержится в» имеет смысл включения объема меньшего термина в объем среднего и включения или исключения всего объема среднего в объем или из объема большего. В интенсивном же (содержательном) отношении терминов это означает, что содержание большего термина присуще или не присуще всему среднему, а средний термин присущ меньшему. Если бы в приведенном отрывке выражение «содержится в» имело смысл обозначения интенсивного отношения, т. е. было бы равнозначным выражениям «присуще» или «сказывается», и если бы смысл приведенного отрывка состоял в том, что больший термин присущ среднему, а средний термин или не присущ меньшему, как это ошибочно полагает Ланге в своем переводе «Первой Аналитики»², то в таком случае приведенный отрывок был бы схемой минимого силлогизма первой фигуры, в которой меньшая посылка оказалась бы отрицательной.

В других случаях Аристотель пользуется формулировками посылок в их интенсивном истолковании, употребляя выражения «быть присущим» и «сказываться».

Как видно из приведенного отрывка, Аристотель различает в силлогизме три термина: 1) средний (*τὸ μέσον*), 2) больший, или первый (*τὸ πρῶτον*, *πρῶτον*), 3) меньший, или последний (*τὸ ἔσχατον*, *ἔσχατον*). Термином (*ῥος*) Ари-

¹ «Первая Аналитика» I, 4, 25 б 32—37.

² «Первая Аналитика», перевод Н. Н. Ланге, СПб, 1894, стр. 63.

слогерь называется то, «на что распадается посылка», т. е. *σлогερ* называется (*κατ'αφορμεν*) в посылке, и 2) то, что, что называется в посылке (*καθ' οὗ κατ'αφορμεν*), т. е. о чем говорится в посылке. Меньшим термином скажем и подлежащее суждения. Большим — то, что называется Аристотель называет то, о чем делается вывод, — подлежащее заключения, а большим — то, что называется в заключении о подлежащем (о предмете вывода), т. е. скажем о подлежащем в силлогизме возникает чего-то о подлежащем заключения в силлогизме возникает через знание определенной связи подлежащего и сказуемого заключения с третьим термином, который получает название среднего и логически является посредствующим звеном в связывании подлежащего и сказуемого заключения. Вот как определяется Аристотелем логическое значение среднего термина в силлогизме: «Итак, мы говорили, что никогда не получится силлогизма, приписывающего одно другому, если не берется что-то среднее, которое было бы взято в известном отношении к каждому (из крайних терминов) путем сказываний»¹. «Отсюда вытекает, что следует брать что-то среднее между двумя, которое установило бы связь сказывания*, если должен читаться силлогизм об отношении того-то к тому-то»².

Если различать знание через самое себя и через иное, то силлогизм является знанием через иное, и этим иным, через которое приобретает знание, является средний термин. Такого его логическое значение. Можно сказать, что средний термин — это своего рода логическая «причина» сказывания чего-либо с необходимостью о подлежащем заключения. Однако Аристотель в ряде мест «Второй Аналитики» характеризует онтологическую причину как среднее и средний термин определяет как онтологическую причину той или иной определенности подлежащего. «Когда мы спрашиваем, есть ли что-либо то-то или существуя ли что-либо просто, то спрашиваем, есть ли сущее для него или нет; когда же мы узнали, что что-либо есть то-то или что это существует в частности или просто, и далее спрашиваем, «почему» (*τι διὰ τί*) или «что» (именно) есть это» (*τι ἐστι*), то спрашиваем, что (именно) есть среднее... Следовательно, при всех этих исследованиях или

¹ «Вторая Аналитика» I, 23, 41 а 2—4.

² «Вторая Аналитика» I, 23, 41 а 11—13.

спрашивают, есть ли среднее или что именно оно есть, ибо среднее есть причина, и она ищется во всех (исследованиях)¹.

«Причина существования — будет ли (существование) не той или иной (определенностью), а просто сущностью* будет ли она не просто (сущностью), а чем-либо (присущим) самим по себе или случайным образом, — (причина) есть (не что иное, как) среднее»².

«Все эти причины³ обнаруживаются через среднее. Ибо то, что если это есть, необходимо должно быть и другое, не (обнаруживается), когда взята только одна посылка, (для этого необходимо) по крайней мере две (посылки), и это наступает в том случае, если (обе посылки) имеют один средний (термин). Если берется этот один (термин), то заключение необходимо»⁴.

Действительно, если иметь в виду ту фигуру силлогизма, с которой мы начали изложение и которую Аристотель называет первой, то для того, чтобы заключение в ней было необходимо истинным (соответствующим действительности), требуется, чтобы средний (по его логической функции) термин отражал бы вместе с тем реальную причину той определенности, которая приписывается предмету вывода (подлежащему заключения). Иначе говоря, необходимо, чтобы средний по его логической функции термин был бы средним и по его онтологическому значению, т. е. был бы реальной причиной. Реальная причина той или иной определенности всегда есть среднее между ее носителем и ее следствием. Если определенный факт есть носитель какой-то причины, то вслед за фактом возникает и вызываемое этой причиной следствие. Поэтому, если в одной посылке указана действительная причина той или иной определенности (положительной или отрицательной), а в другой — наличие этой причины в том или ином предмете, то вывод о наличии в этом предмете указанной определенности будет необходимо истинным.

¹ «Вторая Аналитика» II, 2, 89 б 37—90 а 7.

* Ср. перевод в «Аналитиках» (стр. 250): «Ибо причина того, по чему (не что) есть не это или это, а (некоторая) сущность вообще...» — *Red.*

² «Вторая Аналитика» II, 2, 90 а 9—11.

³ 1) Суть бытия, 2) то, что необходимо должно быть, если что-то есть, 3) причина движения и 4) цель.

⁴ «Вторая Аналитика» II, 11, 94 а 23—27.

Такая онтологическая интерпретация связи терминов силлогизма как отражения связи следствия, причины и носителя причины вполне соответствует принципу силлогизма, выражающему связь терминов силлогизма как связь существей (рода, вида и единичной вещи) и того, что им присуще (в них содержится). В самом деле, не потому ли сказанное о роде или виде (то, что присуще роду или виду) переносится на все причастное соответствующему роду или виду, что род и вид, проявления которых составляют единичные вещи, являются сущностями причинами тех или иных определенностей единичных вещей?

Правда, возможны силлогизмы и с таким средним термином, который не соответствует реальной причине той или иной определенности, но это значит только то, что заключение такого силлогизма, хотя и будет вытекать из посылок с необходимостью, не будет, однако, содержать знание через причину, а только, как выражается Аристотель, знание через более известное.

В 13 главе I книги «Второй Аналитики» Аристотель приводит пример силлогизма, не опирающегося на знание причины, и силлогизма, опирающегося на знание причины. Пусть в первом случае терминами будут: Γ — планеты, B — не мерцать, A — близкие. Если из индукции или из восприятия известно, что то, что не мерцает, близко, то возможен такой силлогизм:

Что не мерцает (B), близко (A)

Планеты (Γ) не мерцают (B)

Планеты (Γ) близки (A).

Но, замечает Аристотель, такой силлогизм образован не из знания причины, а из знания того, что что то есть, ведь планеты не потому близки, что они не мерцают, а потому они не мерцают, что близки. Если исходить из причины мерцать, то будет силлогизм из знания причины:

Что близко (B), не мерцает (A)

Планеты (Γ) близки (B)

Планеты (Γ) не мерцают (A).

В этом втором случае, поскольку средний термин совпал с причиной той определенности, которая приписывается подлежащему в заключении, заключение не только с необходимостью следует из посылок, но, поскольку содержит знание причинной, т. е. необходимой, связи, кроме того, должно считаться необходимо истинным. Можно сказать, что в этом случае смысл большей посылки состоит в указании причины и ее следствия, а смысл меньшей посылки — в указании присутствия этой причины в предмете (подлежащем) вывода. Отсюда, если посылки соответствуют действительности, необходимо будет соответствовать действительности и приписывание в заключении подлежащему той определенности, причина которой указана в большей посылке и найдена как присущая подлежащему выводу в меньшей посылке.

В первом же примере, поскольку средний термин совпадает не с причиной, а со следствием той определенности, которая приписывается подлежащему в заключении, хотя заключение и с необходимостью вытекает из посылок, однако не может считаться необходимо соответствующим действительности, ибо то обстоятельство, что в подлежащем наличествует следствие той или иной определенности, еще не делает необходимым наличие в подлежащем и самой этой определенности, как это будет видно из учения об энтимеме. Иначе говоря, в силлогизме, опирающемся на знание причины, логическое основание совпадает с реальной причиной той или иной определенности, и поэтому здесь имеет место и необходимостью логического следования, и необходимостью реального наличия в подлежащем приписываемой ему определенности. В силлогизме же, не опирающемся на знание причины, логическое основание не совпадает с реальной причиной той определенности, которая приписывается подлежащему в заключении, а поэтому здесь есть только необходимостью следования заключения из посылок, но нет необходимости того, что приписываемая подлежащему определенность реально ему присуща.

Пока что мы пользовались такой схемой связи терминов друг с другом, в которой что-то сказывается о среднем термине и о чем-то сказывается сам средний термин. В этой схеме средний термин может и должен совпадать с реальной причиной приписываемой подлежащему определенности, чтобы заключение было необходимо истинным. Иначе

говоря, приведенная схема — это схема умозаключения через знание причины той или иной определенности и через знание наличия этой причины у подлежащего заключения.

Однако возможны и другие схемы связи терминов в силлогизме, а именно такие, в которых или средний термин, или крайний термин связываются о среднем. В этих случаях, очевидно, мы встретимся с иными типами знания, которые, как будет видно из дальнейшего, могут быть охарактеризованы: 1) или как сказывание чего-то о подлежащем на основании знания несоответствия этого следствия определенности и знания несоответствия того, что сказуемое и о подлежащем на основании знания того, что сказуемое и подлежащее в качестве определенностей имеют один и тот же носитель или не имеют его.

Та схема, в которой, как выражается Аристотель, средний термин есть то, «что содержится в другом, и то, в чем содержится другое», называется им первой фигурой силлогизма. Отношение терминов в ней символически выражается так: «Если A сказывается о всяком B и B сказывается о всяком Γ , то A с необходимостью сказывается о всяком Γ »¹.

Вторая фигура определяется у Аристотеля следующим образом: «Если одно и то же присуще одному всему, а другому ни одному (не присуще), или и тому и другому всему, или ни одному, то такую фигуру я называю второй; средним термином в этой (фигуре) я называю тот, который сказывается об обоих (крайних)... Средний термин стоит вне крайних и по положению является первым»². Для понимания последнего указания надо иметь в виду, что у Аристотеля на первое место в послылке ставится сказуемое, присущее всякому N и (не присуще) ни одному X , то X не присуще ни одному N ³.

Третью фигуру Аристотель определяет так: «Если одному и тому же одно присуще всему, а другое не присуще ни одному, или и то и другое (присущи ему) всему или не

¹ «Первая Аналитика» I, 4, 25 b 35—36.
² «Первая Аналитика» I, 4, 25 b 37—39.
³ «Первая Аналитика» I, 5, 26 b 34—39.
⁴ «Первая Аналитика» I, 5, 27 a 9—10.

присущи ни одному, то такую фигуру я называю третьей; средним (термином) в ней я называю тот, о котором оба (крайних) сказываются, а крайними — те, которые сказываются... Средний термин стоит вне крайних и по положению является последним»¹. Символическое выражение третьей фигуры таково: «Если P и R присущи всякому Σ , то P по необходимости будет присуще некоторым R »².

Так как не всякая комбинация посылок, различающихся как утверждения и отрицания относительно всего многого, не всего многого и единичного, дает заключение с необходимостью, Аристотель в каждой фигуре проверяет, из каких именно посылок заключение следует с необходимостью и из каких не следует. На основании этой проверки устанавливаются известные правила отдельных фигур силлогизма. А именно: в первой фигуре посылка с большим термином не может быть отрицательной; во второй фигуре одна из посылок должна быть отрицательной, а посылка с большим термином не может быть частной; в третьей фигуре посылка с меньшим термином не может быть отрицательной; для всех фигур не будет необходимости заключения, если обе посылки отрицательные или обе частные. В качестве примера проверки комбинации посылок первой фигуры, не дающей заключения с необходимостью, можно привести следующий: «Но если первый (термин) присущ всему среднему, а средний не присущ ни одному последнему, то для крайних (терминов) не возникает силлогизма, так как при этих условиях нет ничего необходимого: ведь первый (термин) может быть присущ как всякому, так и ни одному последнему, так что ни частное, ни общее (заключение) (здесь) не вытекает. И если из таких (терминов) не вытекает ничего необходимого, то нет и силлогизма. Терминами для присущего всякому пусть будут *: живое существо, человек, лошадь; для не присущего — живое существо, человек, камень»³. Здесь, как и в других случаях отсутствия необходимости в следовании заключе-

¹ «Первая Аналитика» I, 6, 28 a 10—15.
² «Первая Аналитика» I, 6, 28 a 18—19.
³ Ср. перевод в «Аналитиках» (стр. 15): «Пусть терминами для случая, (когда первый термин) присущ всему (последнему), будут...»
⁴ «Первая Аналитика» I, 4, 26 a 2—9.

ния из посылок, пример приводится, очевидно, для того, чтобы наглядно показать возможность истинного отрицательного утверждения, так и фактически истинного отрицания при одной и той же связи терминов в истинных посылках. Из указанных терминов получаются следующие силлогизмы с большей общеутвердительной и меньшей общеотрицательной посылками:

I

Всякий человек — живое существо
Ни одна лошадь не человек

Всякая лошадь — живое существо.

II

Всякий человек — живое существо
Ни один камень не человек

Ни один камень не живое существо.

Если в одном случае из истинных посылок допустимо истинное утверждение, а в другом случае также из истинных посылок допустимо истинное отрицание, причем связь терминов в посылках одна и та же, то, очевидно, такая связь терминов не порождает логической необходимости, в силу которой истинно только или утверждение, или отрицание.

Из всех силлогизмов только силлогизмы первой фигуры Аристотель считает совершенными, т. е. такими, которые, жения необходимости, кроме данных посылок. Это значит, что силлогизм первой фигуры для обнаружения необходимости сказывания чего-то о подлежащем не нуждается в знании чего-либо сверх того знания, которое дано в посылках, ни в каком-либо преобразовании посылок. Это, очевидно, потому, что порядок присутствия терминов друг другу или порядок сказывания их друг о друге в посылках, о котором сказывается о роде, сказывается о всяком виде, о котором сказывается о роде, сказывается о всяком предмете, причастном к этому виду или к этому роду. Вместе с тем порядок следования терминов в посылках первой фигуры таков, что средний по логической функции

термин занимает такое же место в отношении крайних терминов, какое занимает реальная причина приписываемой определенности в отношении ее следствия и ее носителя. Тем самым здесь порядок следования терминов в посылках соответствует порядку связи следствия, причины и носителя причины.

Иной порядок терминов во второй и третьей фигурах, где средний термин или следует за обоими крайними терминами, или оба крайних термина следуют за средним термином, что не соответствует ни тому, что сказывание о виде следует сказыванию о роде и сказывание о единичном — сказыванию о виде и роде, ни тому, что сказывание о носителе причины следует сказыванию чего-то как следствия этой причины. Между тем необходимость второй и третьей фигур должна покоиться на тех же отношениях рода, вида и единичного, а также следствия, причины и носителя причины, как и в первой фигуре. Чтобы обнаружить эту необходимость без привлечения новых терминов или новых знаний, требуется, очевидно, или такое преобразование посылок, которое привело бы порядок следования терминов в посылках в соответствие с порядком следования терминов первой фигуры, или (если это неосуществимо) какой-то иной прием доказывания при помощи первой фигуры и притом из тех же самых терминов. В том и в другом случае заключение второй и третьей фигур будет показано на основании следования терминов первой, совершенной фигуры. Один прием доказывания второй и третьей фигур при помощи первой фигуры состоит в обращении одной из посылок силлогизма второй или третьей фигуры, а другой прием заключается в сведении к невозможному, т. е. в установлении при помощи первой фигуры невозможности отрицания заключения, полученного по второй или третьей фигуре.

Примером первого приема может служить доказывание модууса Camestres второй фигуры через перестановку посылок и обращение общеотрицательной посылки и заключения.

Пусть даны посылки:

М присуща всякому *N*

М не присуща ни одному *X*

N не присуща ни одному *X*.

Приняв за меньший термин N и переставив посылки, мы получим:

M не присуще ни одному X
 M присуще всякому N .

Затем, обратив общеприпательную посылку, мы получим силлогизм первой фигуры (Celarent):

X не присуще ни одному M
 M присуще всякому N

 X не присуще ни одному N .

Полученное заключение обращается в суждение: « N не присуще ни одному X », которое и является заключением из исходных посылок второй фигуры.

В качестве примера сведения к невозможному можно привести доказывание модуля Ватгоса второй фигуры:

M присуще всякому N
 M не присуще некоторым X

N не присуще некоторым X .

Если условно примем за истину суждение, противоречащее заключению, т. е. будем считать истинной то, что N присуще всякому X , то: из ранее данной посылки — M присуще всякому N — и из нового суждения — N присуще всякому X — получим: M присуще всякому X .

Однако было принято, что M не присуще некоторым X . Так как последний силлогизм первой фигуры является правильным и совершенным, то источник ложности заключения надо искать в посылках. Посылка: « M присуще следовательно, ложной должна быть условно принятая то должно быть истинным: « N не присуще некоторым X », что и требовалось доказать.

Таким образом, все силлогизмы второй и третьей фигур можно доказывать при помощи соответствующих силлогизмов первой фигуры прямыми или косвенным путем. С другой стороны, можно и частные модулы первой фигуры (Darii, Ferio) доказывать как через третью фигуру путем обращения (об этом говорится в 45 главе I книги «Первой Анали-

тики»), так и через общие модулы второй фигуры (Camestres, Cesare) путем сведения к невозможному (об этом говорится в 7 главе I книги «Первой Аналитики»).

Например:

A присуще всякому B
 B присуще некоторым Γ

 A присуще некоторым Γ .

Условно примем за истину суждение, противоречащее заключению, т. е. будем считать истинной: « A не присуще ни одному Γ ».

Если взять ранее данную посылку — « A присуще всякому B » — и присоединить к ней то, что условно принято по противоречию, то получим силлогизм второй фигуры (Camestres):

A присуще всякому B
 A не присуще ни одному Γ

 B не присуще ни одному Γ ,

что недопустимо, так как противоречит другой данной посылке: « B присуще некоторым Γ ».

Если все частные модулы первой фигуры доказываются через общие модулы второй фигуры, то общие модулы второй фигуры в свою очередь доказываются через общеприпательный модуль первой фигуры (Celarent). Если к этому добавить, что все модулы третьей фигуры доказываются через общие или частные модулы первой фигуры, то оказывается, что все силлогизмы без исключения можно свести к общим силлогизмам первой фигуры (Barbara и Celarent)¹.

Излагая учение Аристотеля о силлогизме как связи терминов, следует еще остановиться на вопросе о силлогизмах четвертой фигуры. Как известно, те силлогизмы, которые стали называться модулами четвертой фигуры, были введены в логику учениками Аристотеля Феопрастом и Евдемом в качестве дополнительных пяти силлогизмов первой фигуры и, по словам Ион-Рошда (Аверроэса), были выделены в качестве четвертой фигуры жившим во II в. н. э. врачом перипатетиком Галеном². Допустимость этого

¹ «Первая Аналитика» I, 7, 29 b 1—25.

² С. Prantl, Geschichte der Logik im Abendlande, Bd. I, S. 571, Anm. 99.

выделение новых модусов в четвертую фигуру решительно оспаривалась логиками средневековья. Лишь вслед за логикой Пор-Рояля (1662 г.), в которой, несмотря на характеристику четвертой фигуры как малоестественной (*peu naturelle*), были приведены правила этой фигуры, входит в школьные традиции излагать дополнительные модусы первой фигуры в качестве модусов четвертой фигуры с ее особыми правилами. Что касается Аристотеля, то он не только не указывал на возможность четвертой фигуры силлогизма, но даже не вводил дополнительных модусов первой фигуры. Однако Аристотелем был указан принцип образования добавочных пяти модусов первой фигуры и добавочного седьмого модуса третьей фигуры. Этим принципом в отношении первой фигуры воспользовались Феоприст и Евдем, а в отношении третьей фигуры — Порфирий и Боэций.

Вот как Аристотель выразил этот принцип образования добавочных модусов силлогизма: «Но так как один силлогизмы общие, а другие частные, то все общие силлогизмы дают всегда больше (одного) заключения, тогда как из частных силлогизмов утвердительные дают больше (одного) заключения, а отрицательные — только одно»¹.

В самом деле: так как силлогизм состоит из среднего и двух крайних терминов, то из одних и тех же посылок любого силлогизма можно получить два заключения, принимая в одном за подлежащее заключение один крайний термин, в другом — другой крайний термин, лишь бы одно из заключений не было частноотрицательным суждением. В этом последнем случае второе заключение не будет следовать с необходимостью, так как частноотрицательное суждение не подвергается обращению с необходимостью. Второе заключение можно получить или путем обращения первого заключения и этим приемом Аристотель пользуется в некоторых случаях при сведении силлогизмов второй и третьей фигур к силлогизмам первой фигуры (см., например, доказывание модуса *Camestres* второй фигуры), — или путем перестановки посылок, т. е. принятия большего термина за меньший и меньшего — за больший. Этот последний прием и был применен при введении добавочных пяти силлогизмов первой фигуры, выделенных затем в чет-

вертую фигуру. А именно: модусы *Barbari*, *Camestres*, *Dilectis* четвертой фигуры получают путем перестановки посылок в модусах *Barbara*, *Celarent*, *Darii* первой фигуры, а модусы *Fesapo*, *Fresison* четвертой фигуры возникают через перестановку посылок *AE* и *IE* первой фигуры, из которых в первой фигуре ничего не следует с необходимостью, а в четвертой фигуре с необходимостью следуют частноотрицательные заключения.

§ 2. СИЛЛОГИЗМЫ ИЗ ПОСЫЛОК РАЗНЫХ МОДАЛЬНОСТЕЙ

Аристотель не ограничился исследованием силлогизмов, посылки которых составляют лишь суждения о действительном (нечтоказывается как просто присущее или неприсущее). Особенностью теории силлогизмов Аристотеля является тщательно разработанное исследование выводов также из посылок других модальностей, т. е. таких, в числе которых имеются суждения о необходимом (что-то присуще по необходимости) и о возможном (что-то возможно присуще). Этому исследованию посвящены 8—22 главы I книги «Первой Аналитики».

Введение в состав посылок суждений о необходимом и о возможном дает новые модусы выводов, получаемых с необходимостью сверх тех 14 модусов, которые установлены в 4—6 главах I книги «Первой Аналитики» для силлогизмов из посылок о том, что просто присуще или не присуще. Здесь мыслится следующие пять комбинаций.

1) Обе посылки являются суждениями о необходимом (гл. 8). В этом случае выводы будут о необходимом, причем их будет столько же, сколько выводов из посылок о просто присущем. Несовершенные силлогизмы в этом случае доказываются так же, как и совершенные силлогизмы из посылок о просто присущем, за исключением модусов *Baroco* второй фигуры и *Boarido* третьей фигуры, для доказательств которых предлагается особый прием через выделение (*ex-thesis*) части термина¹. Здесь доказательство через невозможное неприменимо, поскольку в качестве суждения, противоречащего заключению, пришлось бы принимать суждение не о необходимом, а о возможном.

¹ С этим приемом мы встречались выше при рассмотрении обращения общепротивоположного суждения. Он упоминается и в других местах «Аналитики», например в «Первой Аналитике» I, 6, 28 а 23—25.

Например:

М необходимо присуще всякому N
М необходимо не присуще некоторым X

N необходимо не присуще некоторым X (Варсо).

Пусть некоторые $X=F$, тогда

М необходимо присуще всякому N

М необходимо не присуще ни одному F

N необходимо не присуще ни одному F.

Полученный таким образом модус *Саместрес* второй фигуры затем доказывается через первую фигуру путем перестановки посылок и обращения общеприцательной посылки и заключения, как об этом было сказано выше. А так как F равно некоторым X , то полученному заключению будет равносильно суждение: N необходимо не присуще некоторым X , что и требовалось доказать.

2) Одна посылка — суждение о необходимом, а другая — о действительном (главы 9—11).

В первой фигуре заключение будет суждением о необходимом, если бо́льшая посылка была суждением о необходимом. Если же бо́льшая посылка — простое суждение, то и заключение будет простым суждением. Доказывается последний модус следующим образом:

А присуще всякому В

В необходимо присуще всякому F

А присуще всякому F.

Если бы A было необходимо присуще всякому F , то оно было бы необходимо присуще и некоторым B , а это дано не было.

Во второй фигуре заключение будет суждением о необходимом только в том случае, если суждением о необходимом была отрицательная общая посылка. Если же суждением о необходимом является утвердительная посылка или общеприцательная, то заключение будет суждением не о необходимом, а лишь о действительном. Доказывается это путем сведения силлогизма к силлогизмам первой фигуры.

В третьей фигуре заключение будет суждением о необходимом, если обе посылки общеприцательные, причем безразлично, какая из них о необходимом. Если же одна посылка отрицательная, то заключение будет суждением о необходимом лишь в том случае, если суждением о необходимом была отрицательная посылка. Если при этом одна посылка частная, то заключение будет суждением о необходимом в том случае, если суждением о необходимом была общая посылка. Если же суждением о необходимом была частная посылка, то заключение будет о действительном. Это также доказывается через сведение силлогизма к силлогизмам первой фигуры.

3) Обе посылки — суждения о возможном.

В отношении силлогизмов, посылками которых являются суждения о возможном, следует иметь в виду, что возможное здесь понимается как противоречие невозможному и необходимому, как то, что может быть и не быть. Выражение: «может быть присуще», противоречит: «не может быть присуще». Последнему выражению равнозначны или следуют из него: «невозможно (ἀδύνατον) присуще» и «необходимо не присуще» (ἀναγκαῖον μὴ ὑπάρχειν). Выражению же: «возможно присуще», равнозначны или следуют из него: «невозможно не присуще» и «не необходимо не присуще»¹. Отсюда вытекают две особенности, относящиеся к посылкам о возможном.

а) Всякая посылка о возможном, как было указано раньше, «обратима»² в том смысле, что допускает в качестве равносильного другое суждение о возможности противного. Например, суждение: « A может быть B », «обратимо» в суждение: « A может не быть B », и, наоборот, суждение: « A может не быть B », «обратимо» в суждение: « A может быть B ». Суждение: «возможно присуще всему», «обратимо» в суждение: «возможно присуще не всему или ни одному не присуще». Суждение: «возможно присуще некоторым», «обратимо» в суждение: «возможно некоторым не присуще или ни одному не присуще».

б) Общеотрицательное суждение необратимо в смысле перестановки терминов, как об этом упоминалось выше³.

¹ «Первая Аналитика» I, 13, 32 а 22—26.

² «Первая Аналитика» I, 13, 32 а 29—31; см. выше (стр. 182—183).

³ См. стр. 183.

Отсутств. от Аристотелева порядка¹, рассмотрим тогда комбинацию посылок сразу по всем трем фигурам (гл. 14, 17 и 20).

Если в первой фигуре в качестве большей берется частная посылка, то, как и в случае силлогизма из посылок о действительном, не возникает ни совершенного, ни несовершенного силлогизма, ибо ничто с необходимостью не следует.

Например:

А возможно присуще некоторым В
В возможно присуще всякому Г.

Обозначим Δ ту часть В, которая выходит за пределы А. Из посылок не видно, какая часть В возможно присуща Г, та ли, о которой говорилось в большей посылке, или та, которую мы обозначили Δ. Поэтому необходимого заключения не будет.

После того, как посылки подвергаются «обращению возможности», позволяющему отрицательные суждения о возможном преобразовывать в утвердительные, в первой фигуре наряду с совершенными умозаключениями возникают добавочные несовершенные умозаключения из двух отрицательных посылок или из большей утвердительной посылки и из меньшей отрицательной.

Например:

А возможно не присуще ни одному В
В возможно не присуще ни одному Г

преобразуются через «обращение возможности» в посылки:

А возможно присуще всякому В
В возможно присуще всякому Г,

откуда с необходимостью следует:

А возможно присуще всякому Г,

¹ Аристотель после рассмотрения силлогизмов первой фигуры из двух посылок о возможном рассматривает силлогизмы первой о возможном, далее, из одной посылки о необходимом и из другой — о возможном, а затем переходит в том же порядке к рассмотрению силлогизмов второй и третьей фигур.

чему равносильно:

А возможно не присуще ни одному Г.

Или:

А возможно присуще всякому В
В возможно не присуще ни одному Г.

Меньшая преобразовывается через «обращение возможности» в посылку:

В возможно присуще всякому Г,

откуда возникает силлогизм:

А возможно присуще всякому В
В возможно присуще всякому Г

А возможно присуще всякому Г.

Во второй фигуре не возникает с необходимостью никаких выводов из двух посылок о возможном, так как, с одной стороны, общеотрицательные суждения о возможном не обратимы и, следовательно, нельзя доказывать по первой фигуре выводы второй фигуры с общеотрицательными посылками через обращение, а с другой стороны, здесь не применимо и доказательство путем сведения к невозможному.

В самом деле, положим:

А может быть не присуще ни одному В
А может быть присуще всякому Г

В может быть не присуще ни одному Г (?)

Для сведения к невозможному примем в качестве истинны отрицание вывода, т. е. примем суждение: «В не может быть не присуще ни одному Г». Свяжем это суждение с первой посылкой:

А может быть не присуще ни одному В
В не может быть не присуще ни одному Г,

что равносильно посылкам:

А может быть не присуще ни одному В
В необходимо присуще некоторым Г,

откуда следует:
А может быть не присуще некоторым Г,

А может быть не противоречит второй посылке

а это последнее суждение не противоречит посылке:
исходного силлогизма: «А может быть присуще всякому Г».
В третьей фигуре из двух посылок о возможном возник-
ают выводы о возможном, аналогичные выводам из посыл-
ки о действительном, и доказываются они через сведение
к силлогизмам первой фигуры путем обращения утверди-
тельной посылки. Если же обе посылки отрицательные, то
из них непосредственного вывода не возникает и вывод,
так же как и в первой фигуре, получается только преобра-
зованием посылок через «обращение возможности».

4) Выводы из одной посылки о возможном и из другой

о действительном (главы 15, 18, 21).
Для первой фигуры Аристотель устанавливает следую-
щее правило: если бо́льшая посылка — о возможном, а
меньшая — о действительном, то вывод будет о возможном
и притом совершенный:

А может быть присуще всякому В
В присуще всякому Г
—
А может быть присуще всякому Г.

Если же бо́льшая посылка — о действительном, а мень-
шая — о возможном, то будет несовершенный вывод о воз-
можном, и доказывается он сведением к невозможному,
которое в данном случае усложняется.

Положим, что

А присуще всякому В
В может быть присуще всякому Г.
Требуется доказать, что

А может быть присуще всякому Г.

Отрицанием этого заключения будет: «А не может быть
присуще всякому Г», откуда следует: «А не может быть
присуще некоторым Г».

Соединение отрицания заключения с первой посылкой не
силлогизма не дает противоречия со второй посылкой.
В самом деле,

А присуще всякому В
А не может быть присуще всякому Г
—
В не присуще некоторым Г.

Однако последнее суждение не противоречит посылке:
«В может быть присуще всякому Г», так как суждению о воз-
можном противоречит суждение о необходимом, а не суж-
дение о действительном.

Свяжем отрицание заключения исходного силлогизма
со второй посылкой: «В может быть присуще всякому Г».
В таком случае должна была бы получиться третья фигура:

А не может быть присуще всякому Г
В может быть присуще всякому Г.

Однако выводы по третьей фигуре из посылок о возмож-
ном и необходимом еще не доказаны. Поэтому заменим по-
сылку о возможном посылкой о действительном: «В присуще
всякому Г», которая, правда, будет ложной, но не невоз-
можной, так как она совместима с данной посылкой: «В мо-
жет быть присуще всякому Г». Тогда получим силлогизм:

А не может быть присуще всякому Г
В присуще всякому Г
—
А не может быть присуще всякому В.

Анализу этого последнего силлогизма у Аристотеля
предшествует доказательство того, что если одна из посылок
ложная, но не невозможная, то и заключение может быть
ложным, но не невозможным. Ведь если из посылок нечто
следует с необходимостью, то связь между посылками и
заключением выражается таким образом: если есть А, то
необходимо есть и В. Эта связь не допускает соединения
утверждения основания А с отрицанием следствия В,
иначе утверждение о наличии связи оказывалось бы лож-
ным. Это верно и для случая, когда утверждение А и В
заменяется утверждением возможности А и В. В этом слу-
чае отрицанием В было бы признание невозможности В.
Тогда, при реализации возможности А, А становилось бы
действительностью, а В как невозможное не могло бы стать
действительным. Тогда признавалось бы существование А
без В при признании условной связи: «если есть А, то есть
и В», что абсурдно.

По поводу последнего силлогизма можно сказать, что в силу ложности посылки полученное заключение: «А не может быть присуще всякому В», может считаться ложным, но, поскольку обе посылки были возможными, должно считаться возможным. Однако на самом деле оно оказывается невозможным, так как находится в противоречии с подразумеваемым суждением: «А может быть присуще всякому В», содержащимся в посылке исходного силлогизма: «А присуще всякому В».

Откуда же возникло это противоречие и тем самым невозможность? Из ложной посылки «В присуще всякому Г» невозможность возникнуть не могла, так как эта посылка невозможность возникла, следовательно, невозможность возникновения из отрицания доказываемого заключения. В силу этого доказываемое заключение: «А может быть присуще всякому Г», должно считаться вытекающим с необходимостью¹.

Далее, первая фигура подчиняется следующим правилам. Если меньшая посылка является отрицательным суждением о возможном, то вывод может быть получен (так же, как в рассмотренном выше случае вывода из двух посылок о возможном², лишь после преобразования меньшей посылки через «обращение возможности» в утвердительную посылку. Если суждением о возможном является большая посылка, а меньшая представляет собою отрицательную посылку о действительном, то с необходимостью ничего не следует.

Если большая посылка — частная, то, независимо от того, утвердительна ли посылка или отрицательна, являются ли они суждениями о действительном или о возможном, силлогизма не будет.

Для выводов по второй фигуре из одной посылки о возможном, а другой — о действительном устанавливаются следующие правила.

Если обе посылки общие, то в тех случаях, когда отрицательная посылка является суждением о возможном, ничто с необходимостью не следует, ибо отрицательная по-

сылка о возможном необратима. Если же суждение о возможном — утвердительная посылка, а суждение о действительном — отрицательная, то силлогизм возникает и доказывается через первую фигуру путем обращения отрицательной посылки о действительном. Если обе посылки отрицательные, то вывод допускается только после того, как отрицательная посылка о возможном подвергается «обращению возможности». Если обе посылки утвердительные, то силлогизма не будет. Если одна из посылок частная, то силлогизм будет в том случае, если отрицательная посылка — общая о действительном, что доказывается путем сведения к первой фигуре через обращение отрицательной общей посылки о действительном. В случае же, если отрицательная посылка — частная о возможном, то силлогизм получится только после того, как она подвергается «обращению возможности». Если же отрицательная посылка — частная о действительном, то заключения не будет.

Следует отметить, что в вопросе об установлении модусов второй фигуры из посылок о возможном и действительном у Аристотеля далеко не все безукоризненно. В частности, изложенные правила второй фигуры допускают модусы, аналогичные модусам *Cesate* и *Samestres* из посылок о действительном, если утвердительная посылка — о возможном, а отрицательная — о действительном. Однако в таком случае заключение, представляющее собой отрицательное суждение о возможном, оказывается обратимым через перестановку терминов, а это противоречит правилу необратимости отрицательных суждений о возможном¹.

Наконец, для третьей фигуры указывается, что если меньшая посылка или обе посылки — отрицательные, то силлогизм получится лишь в случае, если меньшая посылка будет подвергнута «обращению возможности». При меньшей отрицательной посылке о действительном силлогизма не будет. Все заключения третьей фигуры доказываются через сведение к силлогизмам первой фигуры.

Во всех трех фигурах при сочетании одной посылки — о возможном с другой — о действительном получается заключение лишь о возможном.

5) Выводы из одной посылки о возможном и другой — о необходимом (главы 16, 19, 22).

¹ «Первая Аналитика» I, 15, 34 а 34 — б 6; в данном случае мы пользуемся той интерпретацией этого неясного места «Аналитики», которая дается у Майера, *Maier*, *Die Syllogistik des Aristoteles*, Teil II, H. 1, 1900, S. 154—161.

² См. выше (стр. 203).

¹ См. выше, стр. 183.

Эти выводы подчиняются правилам, аналогичным тем, которые установлены для выводов из одной посылки о возможном и другой о действительном, с тем, однако, различием, что в силлогизмах из посылок о возможном и о действительном заключения всегда являются суждениями посылки, а в силлогизмах из посылок о возможном и о действительном, а именно: если о возможном, здесь же при определенной комбинации посылок возникает вывод о действительном, то заключение — притом во всех трех фигурах — будет не только о возможном, но и о действительном. Это правило доказуемо, все же в первой фигуре путем сведения к невозможному, а во второй и третьей фигурах — путем обращения общей отрицательной посылки о необходимом и сведения к первой фигуре, а затем через приведение к невозможному. Примером может служить следующий силлогизм первой фигуры:

А необходимо не присуще ни одному В
В возможно присуще всякому Г.

Требуется доказать, что

А не присуще ни одному Г.

Отрицанием заключения будет: «А присуще некоторым Г». Соединив отрицание заключения с большей посылкой, получим:

А необходимо не присуще ни одному В
А присуще некоторым Г.

Следовательно, «В необходимо не присуще некоторым Г», а это заключение противоречит меньшей посылке исходного силлогизма: «В возможно присуще всякому Г».

После исследования силлогизмов из посылок разных модальностей Аристотель, обобщая исследования, в главе 23 указывает, что все силлогизмы сводимы к силлогизмам между какими-либо терминами заключениями и что если связь то она может быть доказана лишь через установление среднего термина. В главе 24 формулируются общие правила силлогизма, согласно которым одна из посылок должна быть общей, одна — утвердительной и одна или обе должны

быть подобны выводу не только по качеству (в отношении утверждения и отрицания), но и по модальности. В главе 25 устанавливается число терминов и посылок как в простых, так и в сложных силлогизмах, в частности указывается, что в силлогизме должны быть две посылки и три термина и что если доказательство состоит из многих силлогизмов, то число посылок должно быть четным, число же терминов — нечетным и на единицу больше числа посылок, а число выводов — равно половине числа посылок (исключение составляет сорит, в котором число посылок может быть и нечетным). В 26 главе исследуется вопрос о том, какие суждения легче доказываются и опровергаются. Легче доказываются те суждения, для которых доказательство возможно более чем по одной фигуре силлогизма. Поэтому всего труднее доказываются общеутвердительные суждения, так как доказательство их возможно только по первой фигуре. Легче доказываются общеотрицательные, так как доказательство их возможно по первой и по второй фигурам, и частично утвердительные, которые доказываются по первой и третьей фигурам. Всего легче доказываются частноотрицательные суждения, так как доказательство их возможно по всем трем фигурам. Соответственно легче всего опровергаются общие суждения, так как опровержение их возможно и через противоречащие частные, и через противные им общие суждения. Частные суждения опровергаются труднее, ибо опровержение их возможно только через противоречащие им общие суждения.

§ 3. ПОСТРОЕНИЕ СИЛЛОГИЗМА ДЛЯ ДОКАЗЫВАНИЯ ДАННОГО СУЖДЕНИЯ

Главы 27—30 I книги «Первой Аналитики» посвящены вопросу нахождения и построения силлогизма для доказательства данного суждения. Здесь, так же как и в 5 главе «Категорий», различаются три рода сущего: 1) то, о котором может сказываться другое, но которое само не может сказываться о другом, например Клеон, Каллий («первые сущности»), 2) то, что может сказываться о другом, но о чем другое не может сказываться (категории), и 3) то, что может сказываться о другом и о чем другое может сказываться (например, «человек» о Каллии и о человеке — «живое

существом). Рассуждения относятся больше всего к третьему роду сужетю. Для доказательства общеутвердительного суждения необходимо найти новые термины, из которых один был бы присущ подлежащему доказываемого суждения, а другому было бы присуще сказуемое доказываемого суждения. Если эти новые термины окажутся тождественными, то будет найден средний термин и возникнет силлогизм первой фигуры (Barbara). Для доказательства частного суждения первого суждения необходимо найти новые термины, которые порознь были бы присущи подлежащему и утвердительного суждения, и если эти новые термины, которым порознь были бы присущи подлежащему доказываемого суждения, или такие, из которых один не доказываемого суждения, или такие, из которых один не был бы присущ подлежащему доказываемого суждения, а другой был бы присущ сказуемому доказываемого суждения. Если такие новые термины окажутся тождественными друг другу, то возникнут: или отрицательный силлогизм первой фигуры (Celarent), или силлогизм второй фигуры (Camestres). Для доказывания частногоотрицательного суждения необходимо искать новые термины, из которых одному было бы присуще подлежащее доказываемого суждения, а другому не было бы присуще сказуемое доказываемого суждения. В случае тождественности этих терминов возникает отрицательный силлогизм третьей фигуры (Ferio).

Для наглядности изложенных правил отыскивания среднего термина и построения силлогизма Аристотель предлагает следующую схему¹:

Пусть следствием A (*ἐπεὶ* A) будет B , а тем, за чем следует (*ἐπειτα*) само A , пусть будет Γ . Пусть Δ будет то, что не может быть присуще A .

Далее, пусть Z будет то, что присуще E , а то, за чем следует само E , пусть будет H , и, наконец, пусть Θ будет то, что не может быть присуще E .

Так как в данном случае Аристотель связывает терминов истолковывает как связь следования, то отношение их можно

¹ «Первая Аналитика» I, 28, 44 а 12—35.

символизировать стрелкой, направленной от предыдущего к последующему, и выразить связь терминов так:

$$\Gamma \longrightarrow A \longrightarrow B$$

$$H \longrightarrow E \longrightarrow Z$$

Δ не может быть присуще A
 Θ не может быть присуще E .

Доказываемое суждение должно состоять из терминов A и E , а отношение между ними в форме того или иного суждения должно устанавливаться через нахождение среднего термина. Нахождение среднего термина должно состоять в установлении тождества других терминов, отношения которых порознь к каждому данному термину A или E — в виде предыдущего (подлежащего), последующего (сказуемого) или в виде отрицания — уже известны и которые в силу этих данных отношений образуют два ряда: один ряд — термины, находящиеся в отношении к A , а именно: Γ , B , Δ , другой ряд — термины, находящиеся в отношении к E , а именно H , Z , Θ .

Руководствуясь правилами силлогизма, можно установить следующие шесть случаев отождествления терминов, в которых (случаях) возникают правильные силлогизмы.

1. *Первый случай*. Тождественны Γ и Z , т. е. подлежащее (предыдущее) термина A и сказуемое (последующее) термина E .

В таком случае:

$$\Gamma(Z) \longrightarrow A$$

$$E \longrightarrow \Gamma(Z)$$

$$E \longrightarrow A$$

или словесно:

$$A \text{ присуще всякому } \Gamma(Z)$$

$$\Gamma(Z) \text{ присуще всякому } E$$

$$A \text{ присуще всякому } E.$$

Это — доказывание общеутвердительного суждения по первой фигуре (Barbara).

2. *Второй случай*. Тождественны Γ и H , т. е. подлежащие (предыдущие) терминов A и E .

В таком случае

A присуще всякому Γ (H)
 E присуще всякому Γ (H)

 A присуще некоторым E .

Это — доказывание частноутвердительного суждения по третьей фигуре (Darii).
 3. *Третий случай*. Тожественны Z и Δ , т. е. сказуемое (последующее) термина E и термин, который не может быть присущ A и которому A не может быть присуще.

В таком случае:

Z (Δ) не присуще ни одному A чему равносильно:
 A не присуще ни одному Z (Δ)

 Z (Δ) присуще всякому E Z (Δ) присуще всякому E

 A не присуще ни одному E A не присуще ни одному E

Это — доказывание общеотрицательного суждения по первой фигуре (Celarent).

4. *Четвертый случай*. Тожественны B и Θ , т. е. сказуемое (последующее) термина A и термин, не могущий быть присущим E .

В таком случае:

B (Θ) присуще всякому A
 B (Θ) не присуще ни одному E

 A не присуще ни одному E .

Это — доказывание общеотрицательного суждения по второй фигуре (Camesres).

5. *Пятый случай*. Тожественны Δ и H , т. е. термин, который не может быть присущ A , и подлежащее (предыдущее) термина E .
 В таком случае:

A не присуще ни одному Δ (H)
 E присуще всякому Δ (H)

 A не присуще некоторым E .

Это — доказывание частноотрицательного суждения по третьей фигуре (Ferio).

6. *Шестой случай*. Тожественны B и H , т. е. сказуемое (последующее) термина A и подлежащее (предыдущее) термина E . В таком случае:

B (H) присуще всякому A
 E присуще всякому B (H)

 E присуще всякому A ,

откуда следует через обращение:

A присуще некоторым E .

Это — доказывание частноутвердительного суждения через модус, который Аристотель допускал в виде второго заключения из одних и тех же посылок первой фигуры, но который он специально не исследовал. Этот модус в качестве модуса первой фигуры получил название Baralipton, а в качестве модуса четвертой фигуры — Bramantipr.

Этими шестью случаями исчерпывается построение силлогизмов через отождествление терминов. Другие случаи отождествления не дают правильных силлогизмов. Напротив, отождествление терминов Δ и Θ , которые не могут быть присущи A и E , не создает силлогизма, ибо из двух отрицательных посылок силлогизм не возникает; отождествление B и Z — сказуемых терминов A и E — тоже не создает силлогизма, ибо во второй фигуре из двух утвердительных посылок силлогизма не возникает.

§ 4. СИЛЛОГИЗМ КАК СВЯЗЬ СУЖДЕНИЙ

Мы не будем излагать содержание остальных глав (31—46 I книги «Первой Аналитики», в которых исследуются преимущественно приемы установления точного логического смысла посылок, терминов и отрицаний в силлогизме (анализ противопоставления высказываний, данный в главе 46, был использован при изложении учения Аристотеля об отрицании в главе 6 настоящей работы), и перейдем к содержанию II книги «Первой Аналитики», в которой дается иная интерпретация силлогизма по сравнению с рассмотренной выше и изложенной в I книге. А именно: если

жате эту связь (условное суждение), ложно в том и только в том случае, когда истинно предыдущее и ложно последующее, а в остальных трех случаях: в случае 1) истинности и истинности последующего, 2) ложности предыдущего и истинности последующего, 3) ложности и ложности последующего — связь следования не опровергается и не теряет значения правильной связи. Это определение было дано, как мы упомянули, метатермом Филоном и стоиками. Однако Аристотель, указывая на невозможность следования ложного из истинных посылок и на возможность следования истинны из ложного при правильности самой силлогистической связи, *imprimis* опирается на это определение.

Возможностью следования истинного заключения из ложных посылок Аристотель, в частности, объясняет отсутствие необходимости вывода в тех случаях, когда один термин приписывается двум другим в качестве их следствия — *сi bibeat* (вторая фигура силлогизма из двух утвердительных посылок). «Если бы истинное не могло доказываться из ложного, — говорит Аристотель, — то решение было бы легким, ибо получалось бы обращение необходимого образом¹. А именно в этом последнем случае, как указывает Аристотель, было бы возможно обращение посылок и заключения.

В самом деле, если бы истина не могла следовать из ложного, то высказывание, в котором утверждается следование одного другому, было бы ложным не только в том случае, когда истинно предыдущее и ложно последующее, но и в том случае, когда ложно предыдущее и истинно последующее. Таким образом, остались бы только два случая истинности высказывания, в котором утверждается следование одного другому: когда и предыдущее и последующее истинны или когда они оба ложны. Эти два случая выражают эквивалентность предыдущего и последующего, для мая и обратная связь: если есть *A*, то есть и *B*, и если есть *B*, то есть и *A*. При наличии прямой и обратной связи признания предыдущего можно заключать как от признания предыдущего к признанию последующего, так и от признания последующего к признанию предыдущего.

¹ Вторая Аналитика I, 12, 78 а 6—8.

Развивая эти соображения применительно к случаю приписывания третьего термина двум другим в качестве следствия, можно было бы сказать, что если считается допустимым заключение от наличия следствия к наличию основания, то предполагается, что у одного следствия не может быть более одного основания, и в таком случае те два термина, которым приписывается третий в качестве следствия, должны быть выводом из двух утвердительных посылок во второй фигуре силлогизма.

Опираясь на изложенные выше соображения, Аристотель во 2—4 главах II книги «Первой Аналитики» исследует во всех трех фигурах условия, при которых с необходимостью получается ложность заключения или допустимость как ложность его, так и истинность. При этом Аристотель различает посылки: ложные целиком и ложные лишь отчасти. Общеутвердительная посылка считается ложной целиком, если истинно противное общеотрицательное суждение, и ложной отчасти, если истинно частичноотрицательное суждение.

В первой фигуре, как было уже указано, заключение может быть и ложным, и истинным при ложности обеих посылок. Если же в общеутвердительном модуле (*AAA*) бо́льшая посылка ложна целиком, а меньшая — истинна, то заключение не может быть истинным, оно будет только ложным, ибо если в сочетании посылок *AA* бо́льшая ложна целиком, то истинным будет общеотрицательное суждение *E*, а из сочетания посылок *EA* с необходимостью следует общеотрицательное суждение *E* (*EAE*), в силу чего заключение *A* должно считаться необходимым ложным. Если в том же модуле бо́льшая посылка ложна отчасти, а меньшая посылка истинна, то заключение может быть также и истинным, ибо в таком случае сочетанием истинных посылок было бы *IA*, не дающее вывода с необходимостью. Если в том же модуле истинна бо́льшая посылка, а меньшая ложна целиком, то заключение тоже может быть истинным, ибо если в сочетании *AA* ложной будет вторая посылка, то сочетанием истин *AE*, откуда может следовать как *E*, так и *A*. В силлогизме: человек есть живое существо и

лошадь есть человек, следовательно, лошадь есть живое существо, меньшая посылка ложна целиком, а заключение ложно, меньшая посылка в этом модусе ААА ложна отчасти, тем не менее истинно. Также возможен истинный вывод, если меньшая посылка в этом модусе ААА ложна отчасти, Аналогичным образом исследуются и остальные модусы.

Свое исследование взаимозависимости истинности и как первой фигуры, так и двух других фигур. Аристотель заканчивает ложности посылок и заключения Аристотель заканчивает ложности посылок и заключения: «Ясно, что если заключение ложно, то необходимо, чтобы те (посылки), из которых состоит рассуждение, были ложны — или все, или некоторые (из них); если же вывод истинен, то не обязательно, чтобы была истинна какая-либо из этих (посылок) или все, но если даже ни одна из (посылок) силлогизма не будет истинной, заключение одинаково может оказаться истинным, хотя и не необходимо. Причина этого в том, что когда два (предмета) относятся друг к другу так, что если есть одно, то необходимо есть и другое, то если нет второго, то не будет и первого, но не необходимо, чтобы при существовании второго существовало и первое»¹.

В первой фразе приведенного рассуждения можно видеть выражение закона транспозиции: «Если (если p и q , то r), то если не- r и q , то не- p ».

К исследованию взаимозависимости истинности и ложности посылок и заключения непосредственно примыкают учения: 1) о круговых доказательствах в силлогизме, 2) об обращении силлогизмов и 3) о доказательстве через невозможное.

§ 5. КРУГОВЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В СИЛЛОГИЗМЕ

Круговым и взаимным (κυκλῶς καὶ ἐξ ἀλλήλων) доказательством Аристотель называет доказывание одной посылки силлогизма через заключение и через другую посылку того же силлогизма². Связь между посылками и заключением в силлогизме, как только что было показано, является эквивалентной, а односторонней связью следования. Ведь если из истинности посылок с необходимостью следует

истинность заключения, откуда вытекает, что при ложности заключения одна или обе посылки необходимо ложны, то из истинности заключения не следует с необходимостью истинность посылок: при истинном заключении посылки (обе или одна из них) могут быть как истинными, так и ложными. Очевидно для кругового доказательства необходимо расширение знания, содержащегося в той посылке, которая кладется в основание доказательства. И действительно, как показывает Аристотель, круговые доказательства осуществляются лишь при условии простого обращения (без ограничения) общеутвердительной посылки или, если приходится прибегать к контрпозиции общеутвердительной посылки, то при условии простого обращения общеутвердительного суждения, получаемого в процессе контрпозиции, что можно было бы назвать неограниченной контрпозицией.

Простое обращение общеутвердительного суждения предполагает дополнительное знание сверх того, которое выражено в форме общеутвердительного высказывания.

Аристотель исследует круговые доказательства во всех модусах трех фигур силлогизма. Однако для уяснения приемов круговых доказательств достаточно ограничиться следующими примерами.

Для модуса Варбага первой фигуры круговые доказательства будут следующие. Пусть дан силлогизм:

A присуще всякому B
 B присуще всякому Γ

A присуще всякому Γ .

Посылка AB в этом силлогизме доказывается путем связывания заключения (« A присуще всякому Γ ») с просто обращенной посылкой $B\Gamma$, которая в результате обращения примет следующий вид: « Γ присуще всякому B ». Тогда получим:

A присуще всякому Γ
 Γ присуще всякому B

A присуще всякому B ,

что и требовалось доказать.

¹ «Первая Аналитика» II, 4, 57 а 36 — б 3.
² «Первая Аналитика» II, 5, 57 б 18—21.

Посылка $ВГ$ доказывалась через простое обращение посылок $АВ$ и связывание ее с заключением. Тогда получаем:

$В$ присуще всякому $А$
 $А$ присуще всякому $Г$

$В$ присуще всякому $Г$.

Для доказательства же посылок, полученных в результате простого обращения, а именно для доказательства: « $В$ присуще всякому $А$ » и « $Г$ присуще всякому $В$ », необходимо простое обращение заключения $АГ$, которое в результате этого обращения будет выражено так: « $Г$ присуще всякому $А$ ».

Посылка: « $В$ присуще всякому $А$ », доказывалась следующим образом:

$В$ присуще всякому $Г$ (меньшая посылка исходного силлогизма)

$Г$ присуще всякому $А$ (простое обращение заключения)

$В$ присуще всякому $А$.

Посылка: « $Г$ присуще всякому $В$ », доказывалась так:

$Г$ присуще всякому $А$ (простое обращение заключения)

$А$ присуще всякому $В$ (большая посылка исходного силлогизма)

$Г$ присуще всякому $В$.

$В$ модуле Celarent первой фигуры общеприцательная посылка доказывалась через простое обращение общеприцательной посылки, а общеприцательная — через неограниченную контрапозицию общеприцательной посылки. В самом деле, пусть дан силлогизм:

$А$ не присуще ни одному $В$

$В$ присуще всякому $Г$

$А$ не присуще ни одному $Г$

Посылка $АВ$ доказывалась следующим образом:

$А$ не присуще ни одному $Г$ (заключение)
 $Г$ присуще всякому $В$ (простое обращение меньшей посылки)

$А$ не присуще ни одному $В$.

Для доказательства посылки $ВГ$ общеприцательная посылка: « $А$ не присуще ни одному $В$ », преобразуется в посылку: « $В$ присуще всему тому, чему не присуще $А$ ». $А$ так как из заключения исходного силлогизма видно, что $А$ не присуще ни одному $Г$, то $В$ должно быть с необходимостью присуще всякому $Г$. Указанное преобразование посылки $АВ$ представляет собою неограниченную контрапозицию, не вытекающую с необходимостью, так как из посылки: « $А$ не присуще ни одному $В$ », с необходимостью следует только суждение: « $В$ присуще некоторому из того, чему не присуще $А$ ».

Выразим этот ход мысли в более привычных символах традиционной логики. В таком случае силлогизм примет следующий вид:

Ни одно $В$ не есть $А$ $В е А$
 Всякое $Г$ есть $В$ $Г а В$

Ни одно $Г$ не есть $А$. $Г е А$.

Посылка: «Ни одно $В$ не есть $А$ » ($В е А$), сначала превращается в суждение: «Всякое $В$ есть не $А$ » ($В а —А$), а затем обращается не в суждение: «Некоторые не $А$ суть $В$ » ($—А і В$), как следовало бы с необходимостью, а без ограничения — в суждение: «Всякое не $А$ есть $В$ » ($—А а В$). Заключение: «Ни одно $Г$ не есть $А$ » ($Г е А$), превращается в суждение: «Всякое $Г$ есть не $А$ » ($Г а —А$).

Отсюда возникает силлогизм:

Всякое не $А$ есть $В$ $(—А а В)$
 Всякое $Г$ есть не $А$ $(Г а —А)$

Всякое $Г$ есть $В$. $(Г а В)$.

В модулях Darіi и Ferіo первой фигуры:

1. $А$ присуще всякому $В$

$В$ присуще некоторым $Г$

$А$ присуще некоторым $Г$.

II. А не присуще ни одному В В присуще некоторым Г

А не присуще некоторым Г,

посылки АВ неопровержимы, ибо они общие и при доказывании их через возникшие заключения и через посылки ВГ в составе оснований доказательства оказались бы частные суждения, что не допустимо: общее суждение из частных посылок не вытекает с необходимостью. Что касается меньших посылок ВГ, то они в модуле Датіі доказуемы через простое обращение большей посылки АВ, а в модуле Феріо — через неограниченную контрпозицию большей посылки АВ, так же как и в модуле Селатент. Доказательства будут следующие:

1. Для модуля Датіі:

В присуще всякому А (простое обращение АВ)

А присуще некоторым Г (заключение исходного силлогизма)

В присуще некоторым Г.

II. Для модуля Феріо:

В присуще всему, чему не присуще А (неограниченная контрпозиция АВ)

То, чему не присуще А, присуще некоторым Г (превращение АГ)

В присуще некоторым Г.

Техника круговых доказательств в других фигурах такая же, как и в первой фигуре, за тем исключением, что некоторые модули доказываются не через ту же, а через другую фигуру, и получаемые заключения подтверждаются Аристотелем называется заключения подтверждаются Датіі и Феріо третьей фигуры вообще не допускают круговых доказательств, так как заключения у них частны, а доказываться должны были бы только общие сужде-

§ 6. ОБРАЩЕНИЕ СИЛЛОГИЗМОВ

Обращение силлогизмов Аристотель определяет так: «Обращение (τὸ δ' ἀντιστρέφειν) состоит в образовании силлогизма через изменение (μετατρέψαι) заключения, в силу чего или крайний (термин) оказывается неприписуемым среднему, или средний — крайнему. Именно при обращении заключения (в его противоположность) и сохранении одной посылки неизменной другая с необходимостью отменяется (ἀντρέσθαι), ибо если бы последняя оставалась (в силе), то и заключение оставалось бы (в силе). Есть, однако, различие, обращается ли заключение противоречивым или противным образом (ἀντικειμένως ἢ ἐναντίως), так как не один и тот же силлогизм возникает при разных противоположностях (ἐντέρεος) обращения, как это будет ясно из дальнейшего»¹.

Иначе говоря, обращение силлогизма есть опровержение одной из его посылок на основании другой посылки и положения, противоречащего или противного заключению.

Учение об обращении силлогизмов, так же как и учение о круговом доказательстве, вытекает из интерпретации силлогизма как связи следования истинности заключения из истинности посылок. Круговое доказательство опирается на то свойство следования, в силу которого признание истинности последующего само по себе еще не влечет с необходимостью признания истинности предыдущего и в качестве дополнительного условия необходимости предполагает расширение знания, содержащегося в одной из посылок. Обращение силлогизмов опирается на то свойство следования, в силу которого отрицание последующего необходимо влечет за собою отрицание предыдущего, принимающее в силлогизме форму отрицания заключения и одной из посылок силлогизма.

В приведенном выше определении обращения силлогизмов можно также видеть формулировку закона транспозиции. Если (если p и q , то r), то если не- r и p , то не- q . Во всяком случае обращение силлогизмов основано на этом законе.

Аристотель исследует во всех модулях силлогизма случаи отрицания заключения силлогизма путем принятия за

¹ «Первая Аналитика» II, 8, 59 b 1—8.

истину противоречащего или противного суждения. Исследование показывает, что только отрицание через противоречие дает обращение, т. е. опровержение одной из посылок, во всех модусах всех фигур силлогизма, тогда как отрицание через противное дает обращение лишь в общих модусах первой и второй фигур. Мы здесь не будем излагать все случаи обращения, а ограничимся лишь типичными случаями, показывающими приемы Аристотеля.

Опровержение посылок общезаключительного модуся первой фигуры (Barbara) путем принятия за истину суждения, противного заключению, в изложении Аристотеля выглядит следующим образом: «Пусть *A* будет установлена в отношении *I* через средний (термин) *B*. Если же будет принято, что *A* не присуще ни одному *I*, но присуще всякому *I*, то *A* не присуще ни одному *I*. Если же *A* будет следовать, что *B* не присуще ни одному *I*, то *B* присуще всякому *I*, то *A* не присуще ни одному *I*, что *A* не (присуще) некоторым *B*, но не то, что *A* не присуще ни одному *B*, так как общее не доказывается через последнего фигуру. Вообще посылка с большим (термином) не может опровергаться общим через обращение, ведь опровержение ее осуществляется всегда через третью фигуру, так как обе посылки должны браться в отношении меньшего (термина)»¹.

Обращение модуся Barbara через противное могло бы быть выражено таким образом:

A присуще всякому *B*
B присуще всякому *I*

A присуще всякому *I*.

Пример за истину противное: «*A* не присуще ни одному суждение, противное заключению, с большей посылкой:

A присуще всякому *B*
A не присуще ни одному *I*

B не присуще ни одному *I* (Camestres II).

¹ об этом — (присуще) не всем. — *Red.*
² «Иерарх Аналитика» II, 8, 59 b 11—20.

Полученный вывод несовместим с меньшей посылкой: «*B* присуще всякому *I*» как противное суждение. Следовательно, если вывод: «*B* не присуще ни одному *I*» истинен, то должна быть меньшей посылкой: «*B* присуще всякому *I*».

Для опровержения большей посылки (*AB*) суждение, противное заключению, соединяется с меньшей посылкой:

A не присуще ни одному *I*
B присуще всякому *I*

A не присуще некоторым *B* (Faelapton III).

Вновь полученное заключение оказывается в отношении противоречия с большей посылкой исходного силлогизма и, следовательно, будучи принято за истину, опровергает большую посылку: «*A* присуще всякому *B*».

Опровержение тех же посылок через суждение, противное заключению, изображено на стр. 228.

Как отсюда видно, меньшая посылка (*BI*) модуся Barbara первой фигуры опровергается через суждение, противное заключению (*A* не присуще некоторым *I*) при помощи модуся Ватоса второй фигуры, а большая посылка опровергается через то же суждение при помощи модуся Восардо третьей фигуры.

Посылки модуся Celarent первой фигуры опровергаются через противное и противоречие при помощи соответствующих модусов второй и третьей фигур. *A* именно при обращении через противное меньшая посылка опровергается при помощи модуся Cesare второй фигуры, а большая посылка — при помощи модуся Dagarti третьей фигуры; при обращении через противоречие меньшая посылка опровергается при помощи модуся Festino второй фигуры, а большая — при помощи модуся Disamis третьей фигуры.

В частных модусах первой фигуры обращение, т. е. опровержение меньшей или большей посылки, возможно только через противоречащее; через противное же опровержения нет.

Возьмем модуся Dagiti первой фигуры:

A присуще всякому *B*
B присуще некоторым *I*

A присуще некоторым *I*.

Барбара I

А присуще всякому В (1)
В присуще всякому Г (2)
А присуще всякому Г (3)
А не присуще некоторым Г (4) (суждение, противоречащее заключению)

Если истинно (5), то ложно (2)

Если истинно (4), то истинно (5)

Если истинно (4), то истинно (6)

Если истинно (6), то ложно (1)

Вачосо II

А присуще всякому В (1)
А не присуще некоторым Г (4)
В не присуще некоторым Г (5)

Восатдо III

А не присуще некоторым Г (4)
В присуще всякому Г (2)
А не присуще некоторым В (6)

В качестве противного суждения (в традиционной логике оно называется подпротивным, или субконтрарным) Аристотель принимает суждение: «А не присуще некоторым Г». Если связать его в целях опровержения меньшей

посылки с большей посылкой исходного силлогизма, то получим:

А присуще всякому В
А не присуще некоторым Г
В не присуще некоторым Г.

Это последнее суждение совместимо с меньшей посылкой: «В присуще некоторым Г» — оба суждения могут быть вместе истинными.

Если для опровержения большей посылки соединить суждение, противное заключению, с меньшей посылкой, то получим:

А не присуще некоторым Г
В присуще некоторым Г.

Из этих посылок как частных ничего с необходимостью не следует.

Таким образом, посылки модуса Даріі через противное не опровергаются.

Опровержение посылок модуса Даріі через противное чаще осуществимо следующим образом:

А присуще всякому В
В присуще некоторым Г
А присуще некоторым Г.

Суждением, противоречащим заключению, будет: «А не присуще ни одному Г».

Меньшая посылка опровергается через модус Camestres второй фигуры:

А присуще всякому В
А не присуще ни одному Г
В не присуще ни одному Г,

что противоречит меньшей посылке: «В присуще некоторым Г».

Большая посылка опровергается через модус Ferison третьей фигуры:

А не присуще ни одному Г
В присуще некоторым Г

А не присуще некоторым В.

А не противоречит большей посылке: «А присуще всякому В». Посылки модуса *Ferio* первой фигуры также опровергаются не через противное, а через суждения, противоречащие заключению: меньшая посылка опровергается через модус *Cesare* второй фигуры, а большая — через модус *Datisi* третьей фигуры.

В учении Аристотеля об обращении силлогизмов первой фигуры указан тот принцип связи трех фигур силлогизма, который Лейбниц называл выведением всех модусов второй и третьей фигур из первой фигуры при помощи метода противоречия. «Для этого, — писал Лейбниц, — надо предположить, что модус первой фигуры правилен и что, следовательно, если считать заключение ложным (или противоположным ему суждение истинным) и принять за истинное также одну из посылок, то суждение, противоположное другой посылке, должно быть истинным»¹. Этот принцип в современной логике носит название принципа антилогизма, позволяющего через принятие суждения, несовместимого в силу противоречия с выводом первой фигуры, создать таблицу всех возможных модусов трех фигур, за исключением модусов, дающих из двух общих посылок частные выводы (*Datari* и *Felartion*). Действительно, Аристотелево учение об обращении через противоречие устанавливает связь взаимной опровержимости и доказуемости модусов первой, второй и третьей фигур в следующих триадах:

Barbara I, *Baroco* II, *Bocardo* III,
Celarent I, *Festino* II, *Disamis* III,
Darii I, *Camestres* II, *Ferison* III,
Ferio I, *Cesare* II, *Datisi* III.

Для опровержения какой-либо посылки силлогизма первой фигуры при помощи второй или третьей фигуры принимаются за истину суждение, противоречащее заключению, и другая посылка силлогизма. Для доказательства

же любого модуса первой фигуры при помощи второй или третьей фигур принимаются за истину обе посылки силлогизма. По второй же или третьей фигуре доказывалась невозможность принимать за истину суждение, противоречащее заключению, как это видно из сведения модусов одних фигур к другим «через невозможное».

Аристотель отмечал, что большая посылка модусов первой фигуры всегда опровергается только через третью фигуру силлогизма, а меньшая посылка — через вторую фигуру силлогизма¹. Если развить эти соображения, то можно прийти к важному выводу о познавательном значении трех фигур силлогизма и особом смысле отрицания во второй фигуре. В частности, можно указать, что если третья фигура опровергает в первой фигуре только большую посылку, а смысл большей посылки в формулировании общего положения или правила, применяемого через средний термин к частному случаю или к частным случаям, то смысл третьей фигуры состоит в опровержении общего положения, или, точнее говоря, в опровержении общего. Если вторая фигура опровергает в первой фигуре только меньшую посылку, а смысл меньшей посылки состоит в констатировании того, что в частных случаях выполнены те условия, которые служат основанием приложимости к этим случаям общего положения, то смысл второй фигуры состоит в отрицании приложимости к частным случаям общего положения или (в объемной интерпретации) в отрицании того, что частные случаи тождественны с членами того класса, знание о котором дано, ввиду наличия (или отсутствия) в этих частных случаях такой определенности, которая несовместима (или отсутствия которой несовместимо) с определенностью класса. Иначе говоря, если третья фигура опровергает общее, то вторая фигура опровергает приложимость общего².

Вслед за исследованием обращения силлогизма в первой фигуре Аристотель подробно рассматривает обращения во второй (гл. 9) и третьей (гл. 10) фигурах. Поскольку обращения силлогизма в этих фигурах принципиально

¹ «Первая Аналитика» II, 8, 59 b 11—20; «Первая Аналитика» II, 10, 61 a 5—16.

² Подробные соображения по этому вопросу развиты у *Lasch-ner*, *Etudes sur le syllogisme*, Paris, 1907, p. 58—95.

ничем не отличаются от обращения силлогизмов первой фигуры, мы ограничимся лишь изложением итогов исследования, сделав некоторое исключение для третьей фигуры.

Во второй фигуре посылки модуса *Samestres* опровергаются через противное при помощи модусов *Barbara* первой фигуры и *Felapton* третьей фигуры, а через противоречие — при помощи модусов *Darii* первой и *Fetison* третьей фигуры. Посылки модуса *Cesare* опровергаются через противное при помощи модусов *Celarent* первой фигуры и *Dargiti* третьей фигуры, а через противоречие — при помощи модусов *Ferio* первой фигуры и *Datisi* третьей фигуры. Посылки модуса *Festino* через противное не опровергаются, а опровержение через противоречие осуществляется при помощи модусов *Celarent* первой фигуры и *Disaptis* третьей фигуры. Наконец, посылки модуса *Baroco* опровергаются только через противоречие при помощи модусов *Barbara* первой фигуры и *Vosargo* третьей фигуры. Таким образом, во второй фигуре, так же как и в первой, частные модусы не допускают опровержения через противное, и посылки их опровергаются только через противоречие или отрицание. Опровержение посылок с большим термином осуществляется, как и в первой фигуре, через третью, а посылки с меньшим термином — через первую фигуру¹.

В третьей фигуре ни один модус не допускает опровержения посылок через противное, так как в третьей фигуре все модусы частные, а недопустимость опровержения посылок частных модусов через противное была уже установлена для первой и второй фигур. Посылки третьей фигуры могут опровергаться только при помощи первой и второй фигур. Если при обращении третьей фигуры большей посылкой во вновь создаваемом силлогизме будет суждение, противное (точнее, подпротивное) заключению исходного силлогизма то, поскольку оно будет вместе с тем и частным, возникнут силлогизмы первой и второй фигур с большими частными посылками, что недопустимо.

Например, пусть будет исходным силлогизмом:

А присуще всякому Г
В присуще всякому Г

А присуще некоторым В (*Dargiti* III).

¹ «Первая Аналитика II, 10, 61 а 5—16.

Суждением, противным заключению, будет:

А не присуще некоторым В.

Если для опровержения большей посылки соединить это последнее суждение с меньшей посылкой, то получим:

А не присуще некоторым В
В присуще всякому Г.

Получаем первую фигуру с большей частной посылкой, и для А и Г с необходимостью ничего не следует.

Соединяя суждение, противное заключению, с большей посылкой для опровержения меньшей, мы получили бы:

А не присуще некоторым В
А присуще всякому Г,

т. е. вторую фигуру с большей частной посылкой, где для В и Г также с необходимостью ничего не следует.

Попытка сделать суждение: «А не присуще некоторым В», меньшей посылкой также не может дать результатов, так как в таком случае или не будет необходимости в следовании, или, если необходимый вывод получается, он будет необратимым частноотрицательным суждением с порядком терминов, не соответствующим данному.

В самом деле, для опровержения большей посылки *AI* комбинация была бы в таком случае следующей:

В присуще всякому Г (меньшая посылка исходного силлогизма)

А не присуще некоторым В (суждение, противное заключению).

Эта комбинация не дает вывода, так как здесь, как и при обратном порядке посылок, остается, выражаясь языком традиционной логики, неразмеченным средний термин В.

Комбинация для опровержения меньшей посылки *BI* была бы следующей:

А присуще всякому Г
А не присуще некоторым В

Г не присуще некоторым В (*Baroco* II).

Между тем для опровержения меньшей посылки: «В присуще всякому Г», было бы необходимо располагать сужде-

наем: «В не присуще ни одному (или некоторым) Г»; мы же располагаем необратимым частноотрицательным суждением:

«Г не присуще некоторым В».

Посылки исходного силлогизма (Daratī) опровергаются только через суждение, противоречащее заключению, что легко усмотреть из следующего:

А присуще всякому Г
В присуще всякому Г

А присуще некоторым В.

Суждением, противоречащим заключению, будет: «А не присуще ни одному В». Тогда:

А не присуще ни одному В
В присуще всякому Г

А не присуще ни одному Г (Celarent I),

а это суждение несовместимо (противно) с большей посылкой: «А присуще всякому Г», и, следовательно, будучи истинным опровергает ее.

Для опровержения меньшей посылки получаем:

А не присуще ни одному В
А присуще всякому Г

В не присуще ни одному Г (Cesare II),

что несовместимо с меньшей посылкой: «В присуще всякому Г».

Таким образом, в третьей фигуре для опровержения большей посылки применяется первая фигура, а для опровержения меньшей — вторая фигура.

К сказанному можно добавить, что при обращении через противоречие модулов Daratī и Felarion третьей фигуры, т. е. модулов, выпадающих из таблицы третьей фигуры, получаем (в отличие от обращения из таблицы антилогизмов, мы им исходного силлогизма) суждения, стоящие к посылам подчиненным как закону противоречия, так и закону исключенного третьего, а лишь в отношении противности, связанном только законом противоречия.

Не рассматривая всех случаев обращения модулов третьей фигуры, ибо все они однородны, ограничимся, как и во второй фигуре, лишь указанием итогов. Посылки модула Felarion опровергаются через противоречие при помощи модулов Vabaga первой фигуры и Samestres второй фигуры. Посылки модула Datisi — при помощи модулов Felio первой фигуры и Cesate второй фигуры. Посылки модула Disamis — при помощи модулов Celarent первой фигуры и Festino второй фигуры. Посылки модула Vocardo — при помощи модулов Vabaga первой фигуры и Vagoso второй фигуры. Посылки модула Felisop — при помощи модулов Daratī первой фигуры и Samestres второй фигуры.

Как видно из изложенного, приведенная в связи с изучением обращения модулов первой фигуры таблица триад взаимосвязанных модулов разных фигур силлогизма остается без изменений. Добавим лишь, что в качестве исходных силлогизмов для выведения остальных модулов силлогизма можно пользоваться не только модулами первой фигуры, но и модулами второй и третьей фигур, за исключением модулов Daratī и Felarion третьей фигуры.

§ 7. ДОКАЗАТЕЛЬНОСТЬ ЧЕРЕЗ НЕВОЗМОЖНОЕ

От обращения силлогизмов через противное и противоречащее следует отличать доказывание через невозможное (ὅτι τὸ ἀβυύτω συμβεβηκός), хотя и то и другое опирается на одно и то же свойство следования, в силу которого отрицание последующего влечет за собою, при противности связи, отрицание предыдущего. Доказательство через невозможное Аристотель называет иногда апалогическим (εἰς τὸ ἀβυύτω ἀπαλογίῃ — сведение к невозможному). Однако с ним не следует смешивать особый вид доказывания, называемый Аристотелем также апалоге — ἀπαλογίῃ¹. Сущность этого последнего вида доказывания состоит в сведении доказываемого положения к другому, столь же или более заслуживающему доверия, например в случаях, когда очевидна большая посылка, а меньшая посылка — вероятна в той же степени, что и заключение, или в большей степени, чем заключение, которое в таком

¹ «Первая Аналитика» II, 25, 69 а 20—36.

случае будет называться положением, доказываемым апалогически. Так, суждение: «справедливости можно нау-читься», при очевидном положении: «знанию можно нау-читься», доказывается через меньшую посылку: «справед-ливость есть знание».

Доказательство через невозможное Аристотель опре-деляет следующим образом: «Силлогизм же через невозмож-ное возникает, если принимают (в качестве посылки) то, что противоречит заключению, и присоединяют к нему дру-гую посылку. Он возникает во всех фигурах, ибо он подо-бен обращению с тем лишь различием, что обращение имеет место, когда силлогизм уже образован и обе посылки при-няты, между тем сводит к невозможному, когда есть истина, не вследствие ранее данного согласия с противоположным, а вследствие очевидного»^{*1}.

Более ясное определение доказательства через невозмож-ное дается в 23 главе I книги «Первой Аналитики»: «Все (силлогизмы), которые заключают через невозможное, выводят ложное, но доказывают из предположения то, что было положено вначале, когда из принятия противореча-щего (тому, что подлежало доказыванию), вытекает нечто невозможное. Например, (доказывают) несоизмеримость диагональ (со стороной квадрата) тем, что если признать соизмеримость, то нечетное оказалось бы равным четному»².

В обращении исходят из данного уже силлогизма и, принимая за истину суждение противоречащее или про-тивное заключению, приходят к ложности той или другой посылки силлогизма. При доказательстве через невозмож-ную никакую силлогизм предварительно не дается, а дается лишь доказываемое положение; затем условно принимается за истину суждение, противоречащее ему, и если через соединение последнего с истинной посылкой получают лож-ный вывод, то из этого следует ложность сделанного пред-ложения, а отсюда — истинность доказываемого поло-жения. Так как при обращении силлогизма доказываемого поло-жения посылки из истинности положения, несовместимого с заключением, то между суждениями допустимо вся-

^{*} Ср. перевод в «Аналитиках» (стр. 142): «тогда как при приве-дении к невозможному противоположное (суждение) есть истина, а ранее признанная, а (условно взятая) как очевидная».

¹ «Первая Аналитика» II, 11, 61 а 18—25.
² «Первая Аналитика» I, 23, 41 а 23—27.

кое отношение несовместимости, т. е. как противоречие, связанное законами противоречия и исключенного третьего, так и отношение противности, связанное лишь законом противоречия. В доказательстве же через невозможное приходится заключать не только от истинности одного суждения к ложности другого (таким путем опровергается противоречащее доказываемому положению суждение, ус-ловно принятое за истину, вследствие того что это ус-ловное принятие привело к заключению, противоречащему или противному истине, или даже к неистинности), но и от ложности одного суждения (условно принятого за истину) к истин-ности другого (доказываемого) суждения. Следовательно, в доказательстве через невозможное между доказываемым положением и другим суждением, условно принимаемым за истину, должно быть отношение не противности, а про-тиворечия, допускающее в силу закона исключенного тре-тьего заключение от ложности одного к истинности дру-гого.

В качестве примера возьмем доказывание общеотрица-тельного суждения: «А не присуще ни одному В». Это су-ждение доказывается через невозможное по всем трем фигурам, как мы уже сказали, таким образом: условно принимается за истину противоречащее ему суждение; это последнее суждение образует вместе с другой, истинной посылкой силлогизм и устанавливается ложность заклю-чения этого силлогизма.

Суждением, противоречащим доказываемому, будет: «А присуще некоторым В». Пусть истинным суждением будет «Г присуще всякому А», тогда получим силлогизм:

Г присуще всякому А
А присуще некоторым В

Г присуще некоторым В (Dati I).

Если установлено, что заключение этого силлогизма ложно, то или должны быть ложны посылки, или силло-гизм неправильно построен, ведь из истины в правиль-ном силлогизме не может возникнуть ложь. Но силлогизм правилен, и одна из посылок (а именно: «Г присуще вся-кому А») известна как истинная. Следовательно, должна другая посылка, условно принятая за истину: «А присуще некоторым В». А если это суждение ложно, то должно быть

истинным противоречащее ему суждение: «А не присуще ни одному В», что и требовалось доказать.

Этот ход рассуждения в выраженных традиционной логики будет выглядеть так:

Требуется доказать: «Ни одно В не есть А» ($B \bar{e} A$).

Положим, что некоторые В суть А ($B \text{ i } A$) и известно в качестве истинны: «Всякое А есть есть Г» ($A \text{ a } \Gamma$). Тогда получим:

Всякое А есть Г	А а Г
Некоторые В суть А	В i А
Некоторые В суть Г.	В i Г.

Заключение: «Некоторые В суть Г» — ложно. В таком случае должна послыжка: «Некоторые В суть А» ($B \text{ i } A$). Из ложности этого частноутвердительного суждения следует истинность общепринадлежного суждения: «Ни одно В не есть А» ($B \bar{e} A$), что и требовалось доказать.

То же общепринадлежное суждение: «А не присуще ни одному В», может доказываться и по второй фигуре. В таком случае к противоречащему суждению: «А присуще некоторым В», присоединяется в качестве истинной послыжка: «А не присуще ни одному Г». Тогда возникает силлогизм:

А не присуще ни одному Г	Г не присуще некоторым В (Festino II),
А присуще некоторым В	

что оказывается ложным. Следовательно, должна послыжка: «А присуще некоторым В», и истинно суждение: «А не присуще ни одному В».

В третьей фигуре с суждением, противоречащим доказываемому положению, соединяется в качестве истинного: «Г присуще всякому В», и получается силлогизм:

А присуще некоторым Г	А присуще всякому В
-----------------------	---------------------

А присуще некоторым Г (Disamis III), что ложно. Следовательно, должна послыжка: «А присуще некоторым В», и истинно суждение: «А не присуще ни одному В».

Через условное принятие противного суждения: «А присуще всякому В», общепринадлежное суждение: «А не присуще ни одному В», не может быть доказано ни по какой фигуре силлогизма. В самом деле, если в первой фигуре присоединим к противному суждению в качестве большей послыжки истинное суждение: «Г присуще всякому А», то получим силлогизм:

Г присуще всякому А	Г присуще всякому В (Barbara I).
А присуще всякому В	

Если это заключение ложно, то должна быть ложной и послыжка: «А присуще всякому В». А если она ложна, то истинно: «А не присуще некоторым В». Требуется же доказать, что «А не присуще ни одному В», т. е. доказать меньшее того, что следует доказать.

То же самое получится, если к условно принятому противному суждению присоединим истинную меньшую послыжку: «В присуще всякому А».

Также не возникает доказательства через противное и во второй, и в третьей фигурах.

Исследуя доказательства через невозможное суждений всех четырех видов: общепринадлежного, общепринадлежного, частноутвердительного и частноотрицательного, Аристотель устанавливает, что все суждения доказываются через невозможное по всем трем фигурам, за исключением общепринадлежного суждения, которое доказывается через невозможное только по второй и третьей фигурам и не доказываться по первой.

В самом деле, пусть требуется доказать через невозможное по первой фигуре суждение: «А присуще всякому В». Противоречащим суждением будет: «А не присуще некоторым В». В качестве истинных послыжек, соединяемых в первой фигуре с условно принятым противоречащим суждением, могут быть или суждение, содержащее больший термин, или суждение, содержащее меньший термин, причем средним термином будет в первом случае А, а во втором случае — В.

В первом случае будут даны послыжки:

Г присуще всякому А	Г присуще всякому В
А не присуще некоторым В	

из которых ничего с необходимостью не следует, так как получается силлогизм первой фигуры с меньшей отрицательной посылкой.

Во втором случае посылками будут:

A не присуще некоторым *B*
B присуще всякому *A*,

из которых также ничего не вытекает с необходимостью, ибо получается силлогизм первой фигуры с большей частной посылкой¹.

Если же мы для доказательства примем не противоречие, а противное суждение: «*A* не присуще ни одному *B*», и построим силлогизм:

A не присуще ни одному *B*
B присуще всякому *A*

A не присуще ни одному *A* (Celarent I).

то хотя в этом случае и возникнет действительный силлогизм, но общеутвердительное суждение остается не доказанным. В самом деле, если ложно, что «*A* не присуще ни одному *B*», то истинным будет только частноутвердительное суждение: «*A* присуще некоторым *B*», а требовалось доказать общеутвердительное суждение: «*A* присуще всякому *B*».

Во второй фигуре общеутвердительное суждение доказывается через условное принятие противоречащего суждения посредством такого силлогизма:

A присуще всякому *I*
A не присуще некоторым *B*

I не присуще некоторым *B* (Baroco II).

¹ Обобщая два последних примера, можно сказать, что доказательство через невозможное общеутвердительного суждения по первой фигуре путем условного принятия противоречащего суждения не может быть частноутвердительной, тогда как в данной посылке не может быть частноутвердительной, тогда как в данном случае условно принимается частноутвердительное суждение.

В третьей фигуре — посредством такого силлогизма:

A не присуще некоторым *B*
I присуще всякому *B*

A не присуще некоторым *I* (Bocardo III).

Убедившись в ложности приведенных выше заключений, приходим к выводу о ложности посылок: «*A* не присуще некоторым *B*», и истинности доказываемого суждения: «*A* присуще всякому *B*».

Вряд ли есть необходимость приводить доказательства через невозможное всех суждений по всем трем фигурам, так как техника доказывания во всех случаях совпадает со способом, примененным в рассмотренных нами примерах. Ввиду этого мы ограничимся лишь приведением таблицы модусов, при помощи которых доказываются через невозможное те или иные суждения.

1. Общеутвердительное *A* — Баросо II, Босардо III.
доказывается через невозможное посредством
2. Общеотрицательное *E* — Дати или Фертио I, Фертино II, Дисамис III.
посредством
3. Частноутвердительное *I* — Селарент I, Саместрес II,
посредством Ферлтон или Ферисон III.
4. Частноотрицательное *O* — Барбага или Селарент I,
посредством Сесате II, Дати или Дати I III.

Свое исследование доказательства через невозможное Аристотель завершает сравнением этого рода доказательства с прямым доказательством: «Доказательство через невозможное отличается от прямого (доказательства) тем, что (в нем) принимается то, что имеют в виду опровергнуть путем приведения к несомненно ложному; прямое же (доказательство) исходит из положений, общепризнанных в качестве истинных. И то и другое (доказательство) берет две общепризнанные посылки; только прямое принимает такие (посылки), из которых получается силлогизм, доказательство же через невозможное (берет) только одну

такую, а другую — противоречащую заключению. Далее, при прямом (доказательстве) заключение не необходимо (заранее) известно, и (здесь) не заранее принимают то, что (заключение) есть или не есть (истинно); при доказательстве же через невозможное необходимо (заранее) признать, что (оно) не есть (истинно). (Здесь) безразлично, утвердительно ли или отрицательно заключение, но одно и то же (доказательство) относится к тому и другому¹. Каждое положение, доказанное прямо, можно говорить через невозможное может быть доказано и прямым путем через те же самые термины, однако не в одних и тех же фигурах силлогизма. А именно, если силлогизм о невозможном возникает по первой фигуре, то прямое доказательство того же следует по второй и третьей фигурам, причем отрицательное положение доказывалось по второй фигуре, а утвердительное — по третьей. Если доказательство через невозможное осуществляется по второй фигуре, то прямое доказательство — по первой фигуре для всех видов составленных положений. Если же доказательство через невозможное осуществляется по третьей фигуре, то прямое доказательство — по первой и второй фигурам, а именно: для утвердительного положения — по первой и для отрицательного — по второй фигуре.

В качестве примера возьмем доказывание общеприятельного суждения: «А не присуще ни одному В».

Как было показано выше, доказательство через невозможное по первой фигуре должно сводиться к следующему: условно принимается противоречащее суждение: «А присуще некоторым В» и берется заведомо истинная посылка: «Г присуще всякому А». Получается силлогизм первой фигуры (Darii):

Г присуще всякому А
А присуще некоторым В

Г присуще некоторым В.

Устанавливается ложность полученного заключения. Отсюда следует ложность посылки: «А присуще некоторым В», и истинность доказываемого положения: «А не присуще ни одному В».

¹ «Первая Аналитика» II, 14, 62 b 29—38.

При прямом доказательстве того же положения берем в качестве одной истинной посылки то же суждение: «Г присуще всякому А», а в качестве другой истинной посылки то, что окажется истинным, если должно заключить: «Г присуще некоторым В», т. е. суждение: «Г не присуще ни одному В». Соединив две истинные посылки, получим силлогизм:

Г присуще всякому А
Г не присуще ни одному В

А не присуще ни одному В

Это заключение и есть доказываемое общеприятельное суждение, полученное в качестве прямого вывода посредством модуса *Cames*tes второй фигуры.

Другим примером может служить доказывание частного утвердительного суждения: «А присуще некоторым В». Противоречащим суждением будет: «А не присуще ни одному В». В качестве заведомо истинной посылки возьмем суждение: «В присуще всякому Г». Получаем силлогизм первой фигуры (*Celarent*):

А не присуще ни одному В
В присуще всякому Г

А не присуще ни одному Г.

Установив ложность полученного заключения, мы приходим к выводу о ложности посылки: «А не присуще ни одному В», и истинности доказываемого положения: «А присуще некоторым В».

При прямом доказательстве берем в качестве истинных посылок: 1) ранее принятую посылку: «В присуще всякому Г», и 2) посылку: «А присуще некоторым Г», оказавшуюся истинной вследствие ложности суждения: «А не присуще ни одному Г». Тогда получаем силлогизм третьей фигуры (*Disamis*):

А присуще некоторым Г
В присуще всякому Г

А присуще некоторым В.

что и требовалось доказать.

Подобным образом доказываются — как через невозможное, так и прямым путем — остальные виды суждений

выше¹ соотношение модусов причем возникает указанное может быть выражено следующей таблицей:

Если доказательство через невозможное осуществлялось по первой фигуре, то прямое доказательство

частноутвердительного суждения I будет осуществ-

Disamis и Datisi III фигуры,

вляться через модусы

Camestres II фигуры

общеотрицательного сужде-

ния E — через модус и частноотрицательного суж-

Baroco и Festino II фигуры.

Если доказательство через невозможное было получено по второй фигуре, то прямое доказательство

общеутвердительного сужде-

Barbara I фигуры,

вляться через модус

Celarent I фигуры,

частноутвердительного суж-

Darii I фигуры

и частноотрицательного

Ferio I фигуры.

Если доказательство через невозможное осуществлялось по третьей фигуре, то прямое доказательство

общеутвердительного суж-

Barbara I фигуры,

вляться через модус

Camestres и Cesare II фи-

ния E — через модусы

частноутвердительного суж-

туры,

жения I — через модус

Darii I фигуры

и частноотрицательного суж-

Festino и Baroco II фигуры.

Такое изложенное в первых 14 главах II книги «Первой Аналитики» учение, непосредственно вытекающее из интерпретации силлогизма как логической связи следования

¹ См. стр. 242.

истинности или ложности посылок и заключения. Содержание глав той же книги (23, 24, 27), посвященных индукции, парадоксам (аналогии) и энтимеме (умозаключению из вероятного и из знаков), мы изложим отдельно. Большая часть остальных глав II книги «Первой Аналитики» может быть, как нам кажется, опущена в изложении, ибо в них мы не находим ничего, что обнаруживало бы еще какую-нибудь особенность силлогистического вывода или по-новому освещало бы сущность силлогизма. Мы ограничимся лишь перечнем их: 15 глава — о силлогизмах из противоположных друг другу посылок (случаи, когда одна из посылок находится к другой посылке в отношении противности или противоречия); 17 глава — о способах возражений против доказательств через невозможное; 18 глава — об обусловленности ложности вывода ложностью посылок в случае, когда заключение вытекает из более чем двух посылок; 19 глава содержит советы отвечающему и спрашивающему в споре, в котором применяются силлогизмы; 20 глава — о необходимости для опровержения добиваться в ответах высказывания общих и утвердительных суждений, ибо без них невозможен силлогизм; 21 глава — об ошибках в силлогизмах, возникающих вследствие применения общих положений без достаточного знания подчиненности или неподчиненности частного; 25 глава — о доказательстве через отведение (*ἀπαγωγή*), о котором мы уже упоминали выше¹, и 26 глава — о возражении (*ἐκστάσις*) против посылки путем построения силлогизма с заключением, противоположным опровергаемой посылке, что имеет большое значение в диалектике и риторике (нахождение через силлогизм посылки, противоположной данной посылке).

Мы изложим лишь содержание главы 16 — о предвосхищении основания в силлогизмах и главы 22 — о перестановке терминов в силлогизмах.

§ 8. PETITIO PRINCIPII В СИЛЛОГИЗМЕ

Тот порок силлогизма, который в традиционной логике носит название «предвосхищения основания» (*petitio principii*), или «требования основания», Аристотель характеризует следующим образом: «Постулирование и принятие

¹ См. стр. 235.

начала [буквально: принятие «в начале»] (τὸ ἐν ἀρχῇ αἰστέ-
σαι καὶ λαμβάνειν) по роду относится к (рассуждению),
не доказывающему предложенное, что происходит различ-
ные пути: именно, или вообще не выводится заключе-
ния, или заключения из менее известного или в равной сте-
пени неизвестного, или умозаключения о предыдущем из
последующего, между тем доказывание должно следовать
из более достоверного и первоначального¹. Подлинным
предвосхищем основания будет случай: «Если A дока-
зывают через B , B — через Γ , а Γ по своей природе дока-
зуемо через A ; тогда оказывается, что те, кто так умозаклю-
чают, доказывают A через него же»². В этом случае ока-
зывается бы, как замечает Аристотель, что «все было бы
познаваемо через само себя, что невозможно»³.

Предвосхищение основания может встречаться во всех
трех фигурах силлогизма, если в силлогизме оказываются
два термина, с виду различные, но по природе тождествен-
ные и, следовательно, допускающие простое обращение.
Например, в первой фигуре:

A присуще всякому B
 B присуще всякому Γ

A присуще всякому Γ ,

окажется предвосхищение основания, если 1) при неоче-
видности большей посылки подлежащее заключения Γ ока-
жется тождественным подлежащему большей посылки B ,
т. е. $\Gamma = B$, или 2) если при неочевидности меньшей посылки
сказуемое заключения A окажется тождественным сказуе-
мому меньшей посылки B , т. е. $A = B$. В первом случае из
заключения и обращенной меньшей посылки будет дока-
зываться большая посылка:

A присуще всякому Γ
 Γ присуще всякому B (обращенная посылка: B при-
суще всякому Γ)

A присуще всякому B .

¹ «Первая Аналитика» II, 16, 64 в 28—33.
² «Первая Аналитика» II, 16, 65 а 1—4.
³ «Первая Аналитика» II, 16, 65 а 8—9.

Во втором случае из обращенной большей посылки и из
заключения будет доказываться меньшая:

B присуще всякому A (обращенная посылка:
 A присуще всякому B)
 A присуще всякому Γ

B присуще всякому Γ .

Во второй фигуре предвосхищение основания возможно
только тогда, когда отождествляются термины утвердитель-
ной посылки и доказываемая отрицательная посылка. При-
мером может быть:

A присуще всякому B
 A не присуще ни одному Γ
 B не присуще ни одному Γ .

Если при неочевидности меньшей посылки тождественны
сказуемые заключения и большей посылки, т. е. B и A ,
то из заключения и обращенной большей посылки будет
доказываться меньшая:

B присуще всякому A
 B не присуще ни одному Γ
 A не присуще ни одному Γ .

В третьей фигуре примером может быть:

A присуще некоторым Γ
 B присуще всякому Γ
 A присуще некоторым B .

Если неочевидна большая посылка и тождественны под-
лежащие заключения и меньшей посылки, т. е. B и Γ ,
то из заключения и обращенной меньшей посылки доказы-
вается большая посылка:

A присуще некоторым B
 Γ присуще всякому B
 A присуще некоторым Γ .

¹ Развивая аристотелевский анализ случаев отождествления тер-
минов силлогизма, можно будет заметить, что при отождествлении
одного из терминов заключения со средним термином силлогизма

§ 9. ПЕРЕСТАНОВКИ И ЗАМЕЩЕНИЯ ТЕРМИНОВ В СИЛЛОГИЗМАХ

В 22 главе II книги «Первой Аналитики» содержится следующее правило перестановки терминов силлогизма:

в некоторых случаях силлогизм будет приобретать форму непосредственного вывода, а именно форму обращения той посылки, термин которой не оптождествлен. В самом деле,
(1) если в силлогизме

Ни одно *B* не есть *A*
Всякое *Г* есть *A*

Ни одно *Г* не есть *B* (*Cesare* II)

тождественны подлежащее заключения и сказуемое меньшей посылки, т. е. *Г* и *A*, то силлогизм примет следующий вид:

Ни одно *B* не есть *A*
Всякое *A* есть *A*

Ни одно *A* не есть *B*.

Это заключение является простым обращением общепризнательной посылки: ни одно *B* не есть *A*.

(2) Если в силлогизме

Всякое *Г* есть *A*
Некоторые *Г* суть *B*

Некоторые *B* суть *A* (*Datisi* III)

тождественны сказуемое заключения и подлежащее большей посылки, т. е. *A* и *Г*, то силлогизм примет следующий вид:

Всякое *Г* есть *Г*
Некоторые *Г* суть *B*

Некоторые *B* суть *Г*.

Это заключение является простым обращением частноутвердительной посылки: некоторые *Г* суть *B*.

Всякое *Г* есть *A*
Всякое *Г* есть *B*

Некоторые *B* суть *A* (*Datarti* III)

тождественны сказуемое заключения и подлежащее большей посылки, т. е. *A* и *Г*, то силлогизм примет такой вид:

Всякое *Г* есть *Г*
Всякое *Г* есть *B*

Некоторые *B* суть *Г*.

«При перестановке крайних (терминов) необходимо, чтобы и средний (термин) переставлялся с обоими (крайними)»¹.
Например, если в силлогизме

A присуще всякому *B*
B присуще всякому *Г*

A присуще всякому *Г*

крайние термины *A* и *Г* допускают перестановку, т. е. если заключение допускает простое обращение, то допускает перестановку и средний термин по отношению к каждому крайнему, т. е. будут обратимы просто и посылки.
В самом деле,

Г присуще всякому *A* (обращенное заключение)
A присуще всякому *B*

Г присуще всякому *B* (обращенная меньшая посылка).

Или:

B присуще всякому *Г*
Г присуще всякому *A* (обращенное заключение)

B присуще всякому *A* (обращенная большая посылка).

В той же главе рассматриваются следующие сложные случаи перестановки или взаимной обратимости терминов, позволяющие делать выводы, которые можно было бы называть выводами через отождествление и замещение терминов.

Это заключение является обращением с ограничением общепризнательной посылки: всякое *Г* есть *B*.

На внутреннюю смысловую связь обращений с модулами силлогизма *Cesare* II, *Datisi* и *Datarti* III обратили внимание Петер Рамус и Лейбниц, причем Лейбниц пришел к выводу, что «должно скорее доказывать обращения этими фигурами (2-й и 3-й), чем эти фигуры образами» («Новые опыты о человеческом разуме», кн. IV, гл. 2, § 1, пер. Юшкевича, 1936, стр. 321). Впоследствии Лашетте, опираясь на идею Рамуса и Лейбница и различая два значения общих предположений как выражений закона и выражений факта, пришел к выводу, что во всех непосредственных умозаключениях есть средний термин, отличный от крайних, и что по существу непосредственные умозаключения являются силлогизмами (*Lachette, Etudes sur le syllogisme*, р. 17).

¹ «Первая Аналитика» II, 22, 67 в 27.—28.

Можно еще привести два места из «Топики», где аргументация а fortiori рассматривается как средство доказывания и опровержения.

«Кроме того, (можно пользоваться аргументами) из большего и меньшего. Есть четыре различные точки зрения (τάσεις) в отношении большего и меньшего. В одном (случае) большее следует большему. Например, если наслаждение (τέσσι) в отношении большего и меньшего есть большее благо, большее следует большему. Например, если наслаждение есть большее благо, то большее наслаждение есть зло, то совершать а если совершать несправедливость — большее зло... (Другой точ- большую несправедливость — большее зло... (Другой точ- кой зрения является случай, когда) одно (и то же) говорится о двух (предметах). Если оно не присуще тому, где оно более вероятно, то оно не будет присуще и тому, где оно менее вероятно, и если оно присуще тому, где оно менее вероятно, то оно присуще и тому, где оно более вероятно. Опять — в случае, когда об одном говорится двоякое: если одно, считаемое более вероятным, не присуще чему-либо, то (ему) не присуще и другое, менее вероятное, или если присуще считаемое менее вероятным, то (присуще) и другое, более вероятное. Если, далее, о двух предметах сказываются две (определенности), то если одному не присуще считаемое более вероятным, то другое также не присуще другому (предмету), и если одному присуще считаемое менее вероятным, то и другое присуще другому»¹.

В 6 главе III книги «Топики», где исследуется зависимость истинности частного от истинности общего, говорится: «Еще (аргументы) из большего, из меньшего и из подобного. А именно, если бы причастное другому роду должно было быть таким-то в большей степени и тем не менее ни один (предмет) этого рода не есть такой, то таким не будет и то, о чем говорится: если бы, например, наука была в большей степени благом, чем удовольствие, но никакая наука не есть благо, то не будет благом и удовольствие»².

Умозаключения из большего и из меньшего упоминаются Аристотелем также и в «Риторике» (если боги не знают всего, то тем менее все знают люди)³.

Приведенные места из сочинений Аристотеля свидетельствуют лишь о том, что умозаключения «о качестве» Аристо-

¹ «Топика» II, 10, 114 b 37—115 a 14.

² «Топика» III, 6, 119 b 17—21.

³ «Риторика» I, 2, 1358, a 14; II, 23, 1397 b 12—13.

телем выделялись в особую группу и рассматривались как вид диалектических или даже риторических умозаключений, однако говорить о том, что у Аристотеля была теория этих умозаключений, вряд ли есть какие-либо основания¹.

Заканчивая изложение учения Аристотеля о силлогизме, следует упомянуть еще о часто встречающемся у Аристотеля термине *συλλογισμός* *ἐν* *ὑποθέσει*, который можно было перевести словами «силлогизм из предположения», гипотетический, или условный силлогизм. Однако у Аристотеля нет теории или исследования тех модулей гипотетического силлогизма, которые впервые были введены в логику Стоиками и ранними перипатетиками и известны в традиционной логике как модуль условного, условно-категорического и раздельно-категорического силлогизмов. Их нет, может быть, потому, что для Аристотеля эти силлогизмы имели значение лишь приемов рассуждения, а не средств доказывания, значение лишь точек зрения или «мест» диалектики, а не средств аподектики. Как было указано выше, в «Топике» Аристотеля мы находим примеры опровержений как из признанной основной связи (если от- рипається следствие, то отрицается и основание), так и из признанной раздельной связи. Однако теория этих выводов не изложена в «Топике». Значит теория выводов, основанных на связи следования или условной связи, можно видеть лишь в рассмотренном выше учении Аристотеля о взаимозависимости истинности и ложности посылок и заключения силлогизма, а также в учении о круговых доказательствах, об обращении силлогизмов и в особенности о доказательствах через невозможное.

¹ Майер, не находя соответствующей теории у Аристотеля, считает силлогизмы через «перестановку» и о «качестве» принадлежностью школы Феопраста, а слова «Первой Аналитики» (силлогизмы через «перестановку» и «о качестве»), на которые мы ссылались выше, — интерполяцией автора, которого следует искать в рядах перипатетиков.

возможны, помимо требуемого, еще такие ответы: «В иных случаях следует слушаться отца и мудрых людей», «следует делать справедливое и полезное». Если на заданный вопрос допустить более, чем один ответ, значит по существу было задано больше, чем один вопрос. Ложное принятие его за один вопрос вследствие того, что остальные вопросы остались незамеченными, повлечет за собою ошибку и в ответе. Как видно из Аристотелевой классификации пороков и ошибок в доказательствах, эти пороки и ошибки в основном рассматриваются в случаях, эти пороки и ошибки в основном являются случаями принятия разных мыслей за одну или одну мысль за разные вследствие неправильного отождествления или различения либо словесных выражений, либо логических категорий и форм (сущности и случайного, основания и следствия, разных категорий сказуемых и т. д.). Здесь логика Аристотеля непосредственно связывается с приемами античной диалектики и спора и приобретает значение средства точного истолкования словесных выражений и однозначного их применения, а тем самым — средства предупреждения ошибок, связанных со смысловой стороной речи.

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства	5
<i>Глава I.</i> Первые логические проблемы в древней Греции	7
§ 1. Зарождение логической проблематики в Древней Греции. Условия возникновения древнегреческой науки и ее основные черты	7
§ 2. Логические проблемы у элейтов и у Гераклита Эфесского	18
§ 3. Софистика V в. до н. э.	27
§ 4. Логика Демокрита	40
§ 5. Индукция Сократа как метод определения в области этики	47
§ 6. Сократические школы	53
§ 7. Элементы логической теории в учении Платона об идеях	58
<i>Глава II.</i> Биография и сочинения Аристотеля. Общественно-политические взгляды Аристотеля	71
<i>Глава III.</i> Логические сочинения Аристотеля	82
<i>Глава IV.</i> Основные идеи и общая характеристика логики Аристотеля	88
<i>Глава V.</i> Учение Аристотеля о сущности суждения	123
<i>Глава VI.</i> Учение Аристотеля об отрицании и о законах противоречия и исключенного третьего	139
<i>Глава VII.</i> Учение Аристотеля о понятии, о категориях и о предикабельных (видах сказывания о подлежащем)	160
<i>Глава VIII.</i> Учение Аристотеля о силлогизме	179
§ 1. Силлогизм как связь терминов	179
§ 2. Силлогизмы из посылок разных модальностей	201
§ 3. Построение силлогизма для доказывания данного суждения	211
§ 4. Силлогизм как связь суждений	215
§ 5. Круговые доказательства в силлогизме	220
§ 6. Обращение силлогизмов	225

7. Доказательство через невозможное	235
8. Petitio principii в силлогизме	245
9. Перестановки и замещения терминов в силлогизмах	249
10. Умозаключение «о качестве» (об отношении)	251
Глава IX. Индукция, парадоксы и энтимемы	254
1. Индукция	254
2. Парадоксы	264
3. Энтимема	266
Глава X. Учение Аристотеля о началах доказательства	275
Глава XI. Учение Аристотеля о логических пороках в доказательствах и опровержениях	302

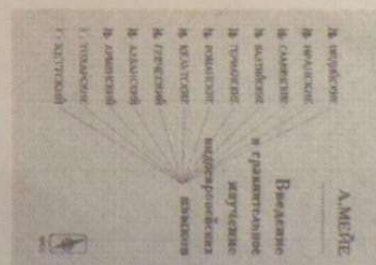
Издательство УРСС

Представляет Вам свои лучшие книги:

Meine A.
Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков.

Предлагаемая читателю книга известного французского ученого А. Мейе является самым популярным из его трудов вообще, выделяющимся за ясностью, легкостью изложения, задача, которую ставит автор, — это, во-первых, объяснить, что в языках сохранилось древнего, именно так называемые «слабые» формы и формы аномальные, и, во-вторых, дать, по возможности, представление о том материале, из которого построены исторически засвидетельствованные языки.

Иванов В. В. Хеттский язык.
Бибихин В. В. Слово и бытие.

Золотова Г. А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса.
Коммункативно-смысловые параметры грамматики и текста.
Под ред. Ониненко Н. К.

Мионов С. А. и др. Историческая грамматика нидерландского языка.
Наршин П. В. Англо-русский словарь по лингвистике и семантике.
Рыкова М. Д. Учебник греческого языка. Практический курс. С кассетой.
Рябова И. С. Язык лабида.

Славка Симеонова Саева. Словарь испанской разговорной речи.
Кириак А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания.
Язык: теория, история, типология. Ред. Бабенко Н. С.
Спиридов Ю. С. Имена, предикаты, предложения.
Серия «Школа классической филологии».

Шантрэн П. Историческая морфология греческого языка.
Эриу А. Историческая морфология латинского языка.

Издательство УРСС

Наши книги можно приобрести в магазинах:
«Библио-Глобус» (м. Лубянка, ул. Мясницкая, 6. Тел. (095) 925-2457)
«Московский дом книги» (м. Арбатская, ул. Новый Арбат, 8. Тел. (095) 280-8242)
«Москва» (м. Охотный ряд, ул. Тверская, 8. Тел. (095) 229-7335)
«Молодая гвардия» (м. Покровка, ул. Б. Покровка, 28. Тел. (095) 236-5803, 236-7940)
«Дом Аполлона» (м. Пролетарская, ул. Марксистская, 1. Тел. (095) 279-5457)
«Старый Свет» (м. Пушкинская, Твердый 6-9, 25. Тел. (095) 282-8688)
«Издательство» (м. Университет, 1-й этаж, корпус 1/87, этаж 4/1. Тел. (095) 509-67-10)
«Университет» (РТУ) (м. Новослободская, ул. Черткова, 15. Тел. (095) 973-4387)
«С. Пб. Дом книги» (Невский пр., 28. Тел. (812) 311-3854)